

**Муниципальная академия
Институт экономики**

проблемы ЭКОНОМИКИ

2 1935

ОГИЗ ● СОЦЭКГИЗ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ подписка на 1935 год на двухнедельный журнал Госплана и Цунху СССР „ПЛАН“

П Л А Н ставит перед собой задачу теоретической разработки на основе марксизма-ленинизма вопросов перспективного и текущего планирования и социалистического учета народного хозяйства, освоения новой техники и размещения производительных сил. Журнал освещает практику плановой работы как центральных, так и низовых органов планирования в районе, на предприятиях, в совхозе, колхозе и МТС.

П Л А Н систематически освещает выполнение месячных и квартальных промфинпланов в промышленности и сельском хозяйстве, помещая на своих страницах конъюнктурные обзоры по их работе. Журнал печатает инструктивные материалы, важнейшие директивы и распоряжения Госплана СССР.

П Л А Н борется за практическое внедрение и правильное применение в промышленности и в сельском хозяйстве массовых форм планирования (встречные, внутрицеховые и бригадные планы, техпромфинплан и пр.). Для этого журнал организует постоянный обмен опытом по всем вопросам планирования и социалистического учета, показ лучших образцов планирования и выполнения планов на основе указаний т. Сталина.

Работники плановых органов, партийных, профессиональных и хозяйственных организаций — читайте „ПЛАН“

Инженеры, техники, экономисты, рационализаторы, работники учета и учащиеся планово-экономических учебных заведений — **ВЫПИСЫВАЙТЕ ЖУРНАЛ „ПЛАН“, ЯВЛЯЮЩИЙСЯ НЕОБХОДИМЫМ ПОСОБИЕМ В ВАШЕЙ РАБОТЕ.**

Подписная плата:

на 12 мес. — 24 руб.

на 6 „ — 12 руб.

ПОДПИСКУ ПРИНИМАЕТ ЛЮБОЕ ПОЧТОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, ПИСЬМОНОСЦЫ, А ТАКЖЕ ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ, МАГАЗИНЫ И УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА „СТАНДАРТГИЗ“.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Л. М. РАТОВСКИЙ, Э. И. КВИРИНГ,
Г. И. КРУМИН (ответств. редактор),
М. М. КРИВИЦКИЙ, В. М. ШУРЫГИН.

В борьбе за выполнение плана второй пятилетки

Прошло почти 2½ года второй пятилетки. Миллионы рабочих и колхозников с напряжением всех сил и воли, с величайшим энтузиазмом решают грандиозные задачи завершения технической реконструкции всего хозяйства и небывалую в истории человечества задачу построения бесклассового социалистического общества. Эти 2½ года являются периодом дальнейшего мощного продвижения и расцвета социализма во всех областях жизни и строительства.

Не имея в виду исчерпывающе представить в цифрах это величественное продвижение вперед, мы приведем лишь основные данные, характеризующие могучий рост производительных сил за последние годы и победу социализма в нашей стране (см. таблицу на стр. 4).

Эти цифры¹ со всей выпуклостью показывают, с какой неуклонностью, широким фронтом, наша великая страна движется по пути решения исторической задачи — окончательной ликвидации остатков капиталистического класса и построения бесклассового социалистического общества. Эти цифры — показатель побед генеральной линии коммунистической партии, побед, одержанных в жестокой классовой борьбе, на путях разгрома капиталистического класса в нашей стране, разгрома оппортунистов всех мастей. Эти цифры со всей резкостью подчеркивают растущую преобразующую роль крупной социалистической промышленности. Крупная промышленность — на основе социалистических производственных отношений — показывает могучие темпы роста материального производства. Производство в 1934 г. свыше 10 млн. т чугуна — победа, имеющая мировое значение. Это не просто выплавка стольких-то тонн металла, это — выражение громадных побед в деле реконструкции страны, ее социалистической индустриализации, в деле подведения металлической основы для завершения технической реконструкции всего народного хозяйства. 10 млн. т чугуна — это завоевание первого места в Европе по выплавке чугуна (производство чугуна в Германии составляло в 1934 г. 8,7 млн. т, во Франции — 6,2 млн. т, в Англии — 6,0 млн. т), это показатель успехов в решении основной задачи — догнать и перегнать в техническом отношении самые передовые страны капитализма.

¹ Цифры взяты из статистического ежегодника «Социалистическое строительство СССР» и издания Госплана Союза «Народнохозяйственный план на 1935 г.». Не везде можно было установить непрерывный ряд вполне сопоставимых цифр по этим двум источникам. Поэтому отдельные цифры включены нами в скобу:

	1928 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г. (предварительн. итоги)	1935 г. (план)
Валовая продукция крупной промышленности (в ценах 1926/27 г.) в млрд. руб.	16,9	38,8	42,3	50,0	58,5
Выработка электроэнергии в млрд. кВтч	5,0	13,5	16,4	20,5	24,9
Каменный уголь в млн. т	35,5	64,4	76,0	93,7	112,2
Нефть (сырая с газом) в млн. т	11,7	22,3	22,5	25,5	30,3
Чугун " "	3,3	6,2	7,1	10,4	12,5
Сталь " "	4,2	5,9	6,8	9,6	11,8
Прокат (без труб из слитков и поковок) в млн. т	3,4	4,3	4,9	6,7	8,2
Медь черновая в тыс. т	30,0	45,0	44,3	53,3	71,0
Вся металлообработка в ценах 1926/27 г., в млрд. руб.	2,1	9,2	10,7	13,4	16,1
Паровозы товарные и пассажирские в штуках			941	1 326	1 723
Вагоны товарные—типа НКПС (в двухосном исчислении) в тыс. шт.		20,1	18,1	29,6	80,0
Автомобили в тыс. шт.	0,7	23,9	49,7	72,5	92,0
Тракторы " "	1,3	50,6	78,1	94,4	(97,0)
Комбайны " "	0,347 (1930 г.)	10,0	8,6	8,3	20,0
Станки металлообаб. в тыс. шт.	(1,8)	(17,9)	17,7	18,5	26,0
Серная кислота в тыс. т	210,6	552	627	782	965
Хл.-бум. ткани (по хл.-бум. промышленности) в млрд. м	2,3 (1930 г.)	2,5	2,5	2,5	2,6
Шерстян. ткани (по шерст. про-ти) в млн. м	111,9 (1930 г.)	85,7	83,2	70,6	70,0
Льняные ткани, в млн. м ²			137	155,5	230
Трикотаж в млн. руб.			579	713	832
Обувь кожаная в млн. пар			77,4	69,2	77
Валовая продукция сельского х-ва в млрд. руб.	14,7 (1929 г.)	13,1	14,0	14,8	17,3
Тракторный парк в сельском х-ве, (на конец года) в млн. лош. сил	0,278	2,2	3,2	4,5	5,6
Поголовье рабочего и продуктивного скота на 1 июля в млн. гол.: а) лошади б) крупн. рог. скот	34,0 68 } (1929 г.)	19,6 40,6	16,6 38,4	15,7 42,4	17,2 48,7
Перевозка грузов ж.-д. транспорта в млн. т	156,2	267,9	268,1	316,0	358,0
Розничный оборот в ценах соотв. лет (с обществ. питанием) в млрд. руб.	12,1	40,3	48,7	60,1	80,0
Народный доход (в ценах 1926/27 г.), в млрд. руб.	25,0	45,5	48,5	55,6	64,5
Удельный вес социалистического хозяйства в нар. доходе, в проц.	44,0	93,0	95	96	97,5
Удельный вес социалистической промышленности в валовой прод. всей промышленности	89,5 (1929 г.)	99,5	99,55	99,67	
Удельный вес социалистического сельского хозяйства в валовой продукции всего сельского хоз-ва	3,0	74,7	79,5	83,8	

Вождь нашей страны т. Сталин на XVII съезде партии подчеркнул необходимость «сохранить за машиностроением его нынешнюю ведущую роль в системе промышленности». Это важнейшее указание диктуется той поистине гро-

мадной работой по завершению технической реконструкции не только промышленности, но и транспорта и сельского хозяйства, которая должна быть проведена в оставшиеся годы второй пятилетки. Перед советским машиностроением поставлены в 1935 г. задачи: увеличить производство вагонов для ж.-д. транспорта больше чем в 2,5 раза — с 29,6 тыс. вагонов до 80 тыс. вагонов, производство металлообрабатывающих станков с 18,5 тыс. штук до 26 тыс. штук, производство комбайнов с 8,3 тыс. штук до 20 тыс. штук. Советское машиностроение должно мощно подпереть в нынешнем году наш отстающий транспорт. Оно значительно усиливает свое реорганизуемое влияние на сельское хозяйство. Сугубое внимание обращается на значительное увеличение производства оборудования для нефтяной, легкой и пищевой промышленности и др. При оценке этих заданий нужно иметь в виду, что задания 1935 г. по выпуску товарных вагонов, комбайнов, локомотивов, тракторов намного превышают задания, предусмотренные планом второй пятилетки.

Приведенная таблица вскрывает, далее, отставание легкой промышленности. Это продолжающееся отставание вызвано тем, что работники легкой промышленности с опозданием включились в борьбу за расширение сырьевой базы для промышленности, за всемерное развертывание производства всевозможных заменителей и все еще неудовлетворительно борются за рациональное использование сырья. Между тем в настоящее время налицо все условия для ускоренного развития легкой промышленности. Все более растущее машиностроение для легкой промышленности, с одной стороны, укрепление и развертывание сырьевой базы в результате роста технических культур коллективизированного сельского хозяйства, а также начинающийся мощный подъем животноводства, с другой стороны, требуют решительного перелома в работе легкой промышленности. И мы можем сказать, что сейчас в легкой промышленности этот перелом уже наметился. На 1935 г. намечается значительное ускорение в развертывании легкой промышленности: рост на 11,7% против 5,2% роста в прошлом году. Одной из весьма характерных и важных черт народнохозяйственного плана 1935 г. является подтягивание (правда, еще не опережение!) темпов развития легкой и пищевой промышленности к темпам развития тяжелой промышленности.

Громадное принципиальное и практическое значение имеют процессы, выраженные в плане развития сельского хозяйства на 1935 г. Впервые намечается столь значительный прирост валовой продукции — на 16,3% (с 14,8 млрд. руб. до 17,25 млрд. руб. в 1935 г.) против 6,2% прироста в 1934 г. и среднегодового прироста в 2,7% за 1926—1929 гг. Темп роста продукции сельского хозяйства, намеченный на 1935 г., означает решительное подтягивание темпов развития сельского хозяйства к темпам развития промышленности. Такое мощное ускорение развития сельского хозяйства стало возможным лишь в результате проведенной социально-экономической и технической реорганизации сельского хозяйства и выражает громадные преимущества крупного социалистического сельского хозяйства, построенного на основе новейшей техники, перед мелким единоличным крестьянским хозяйством. Сельское хозяйство Советского союза таким образом окончательно стало на путь расширенного со-

циалистического воспроизводства. Сельскохозяйственный труд, приближающийся к труду индустриальному, открывает громадные возможности роста производительности общественного труда. После окончания реорганизационного процесса в сельском хозяйстве, уже в 1933 г. наметился перелом в области урожайности, а в 1934 г. произошёл перелом в наиболее отсталой отрасли сельского хозяйства — в животноводстве. 1935 год в области животноводства — на основе единого государственного плана животноводства — является уже годом быстрого роста этой важнейшей отрасли сельского хозяйства.

Наконец, в области товарооборота — на основе развертывания государственной, кооперативной и колхозной торговли, при полной ликвидации торговли частной, — цифры показывают широкий разворот советской торговли в 1935 г. Розничный оборот по Союзу возрастает с 60,1 млрд. руб. до 80 млрд. руб. — на 33% против 23% роста в прошлом году. Существеннейшее значение для этого намечаемого значительного роста товарооборота имеют проведенные партией меры по отмене карточной системы на важнейшие продовольственные продукты, по отмене отоваривания хлебом сельскохозяйственного сырья и по проведению в настоящее время унификации цен. Проведение этих мер является базой для общего снижения цен, для дальнейшего укрепления советского рубля, дальнейшего быстрого повышения материального благосостояния рабочих и колхозников. Уже сейчас, через несколько месяцев после проведения этих решений, сказывается общее упорядочение рынка, происходит снижение базарных цен и развертывание колхозной торговли, и несомненно, что система централизованного распределения товаров сможет быть в короткий срок полностью заменена развернутой советской торговлей.

Важнейшим условием для развернутого товарооборота является успешная работа ж.-д. транспорта, который в 1935 г. должен сделать и делает большой шаг вперед по пути реконструкции и усиления своей технической оснащенности, общего улучшения работы и значительного роста погрузочной работы.

Такой могучий рост общих производительных сил страны возможен лишь на основе социалистических производственных отношений, на базе социализма. Удельный вес социалистического хозяйства в общем народном доходе составит к концу 1935 г. 97,5%.

Удельный вес социалистической промышленности в валовой продукции всей промышленности составляет почти все 100%; в сельском хозяйстве удельный вес социалистической части достигает 84%. Эти цифры выражают победу социализма в нашей стране. **«И вот мы можем теперь сказать: «Россия неповная стала Россией социалистической» (Молотов).**

Такова самая сжатая характеристика хода выполнения второго пятилетнего плана и основных задач 1935 г.

Первый квартал текущего 1935 г. резко отличается от предыдущих лет тем, что работа всех отраслей по широкому фронту хозяйства с самого начала проходит на **высоком уровне**. Темп роста всей промышленности выше темпа роста за соответствующий период прошлого года. Валовая продукция промышленности больше продукции первого квартала 1934 г. на 21,1%, причем производство средств производства показывает прирост на 23,1%, средств потребления —

почти на 17%. Таким образом, уже в первом квартале 1935 г., при общем увеличении темпов производства, впервые сказывается подтягивание темпов развития легкой и пищевой промышленности к темпам развития тяжелой промышленности. Этот рост производства в основном происходит за счет роста производительности труда рабочих. Тяжелая индустрия полностью выполняет заданную программу по тракторам, суперфосфату, основным видам с.-х. машиностроения, по локомотивам и товарным вагонам для НКПС и значительно лучше снабжает машинами легкую и пищевую промышленность. Железнодорожный транспорт впервые начинает выполнять месячное задание по погрузке, доведя в мае погрузку до 70 тыс. вагонов. Анализ работы хозяйственных организаций за первый квартал, анализ движения производственно-технических показателей показывает, что в борьбу за выполнение плана вводятся возможные резервы, скрытые в нашем хозяйстве, и это обстоятельство, т. е. ввод в работу резервов, тающихся в нашем хозяйстве, является основой того, что план 3-го года второй пятилетки, план 1935 г. может и должен быть перевыполнен.

В своей исключительной по силе, простоте и глубине речи от 4 мая с. г. т. Сталин в скупых словах подвел итоги пройденного пути и по-ленински наметил основной лозунг, основное звено периода. Тов. Сталин говорил:

«Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства. Задача, как видите, серьезная и трудная...

Наша страна переживала тогда период жесточайшего голода в области техники. Нехватало машин для индустрии, не было машин для сельского хозяйства, не было машин для транспорта, не было той элементарной технической базы, без чего немислимо индустриальное преобразование страны...

... мы пошли уверенно и стремительно по пути индустриализации и коллективизации нашей страны. И теперь этот путь можно считать уже пройденным.

Теперь уже все признают, что мы добились на этом пути громадных успехов. Теперь все признают, что мы имеем уже мощную и первоклассную промышленность, мощное и механизированное сельское хозяйство, развертывающийся и идущий в гору транспорт, организованную и прекрасно оснащенную Красную армию.

Это значит, что мы изжили уже в основном период голода в области техники».

Каково же основное звено сейчас? Каков основной лозунг периода?

«Но изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед. Дело в том, что у нас есть фабрики, заводы, совхозы, колхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но не хватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать...

Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой, — мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, в нашей Красной армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, — должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное.

«Кадры решают все». Действительно, если мы проанализируем успехи, которые мы имеем в выполнении второй пятилетки, то мы приходим к выводу, что эти успехи связаны с началом широкого освоения новой техники. Освоение же новой техники выражается в серьезном росте производительности труда, серьезном снижении себестоимости. Важнейший итог работы тяжелой промышленности за 1934 г. и заключается в том, что значительный рост продукции — на 26,7% — достигнут в основном за счет роста производительности труда. По широкому фронту отраслей имело место снижение себестоимости. Производственно-технические показатели за 1934 г. показывают перелом и значительное улучшение. Тем самым тяжелая индустрия показывает путь всем остальным отраслям народного хозяйства.

Но речь может идти лишь о начале широкого освоения новой техники. Наша страна, промышленность и сельское хозяйство вооружены новой передовой техникой. Наше хозяйство таким образом получило громадные резервы, громадные возможности для значительного повышения продукции, для серьезного повышения производительности труда и снижения себестоимости. Решающая задача заключается в том, чтобы оседлать эту технику, «выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать». Но ввести в бой эти резервы, полностью использовать новую передовую технику могут лишь кадры, вооруженные знаниями, кадры, стоящие на высоте передовой мировой техники.

Решающей задачей второй пятилетки является завершение технической реконструкции всего народного хозяйства, ибо только на основе технически передового хозяйства может быть построено бесклассовое социалистическое общество. В решении задачи завершения технической реконструкции за оставшиеся 2½ года второй пятилетки должна быть проделана поистине громадная работа во всех отраслях народного хозяйства. Проблема освоения должна быть поставлена во главу угла повседневной работы всех организаций. Решающим же условием «осуществления технической реконструкции, освоения техники и выполнения заданий по производительности труда является подготовка квалифицированных рабочих, техников и инженеров, разрешение проблемы создания собственной пролетар-

ской производственно-технической интеллигенции» (из постановления XVII съезда партии).

«Кадры решают все».

С точки зрения все более полного освоения и использования различных громадных мощностей машинной техники, с точки зрения ввода в борьбу за выполнение второй пятилетки громадных резервов, тающихся в народном хозяйстве, большое значение имеет состоявшийся недавно пленум Совета тяжелой индустрии. На этом пленуме были по-большевистски вскрыты громадные резервы в тяжелой промышленности и намечены практические пути того, как в кратчайший срок претворить в жизнь указания т. Сталина.

Поистине велики резервы, тающиеся в нашем хозяйстве, прошедшем путь индустриализации и коллективизации. Наша промышленность является наиболее концентрированной во всем мире. Как крупное и наиболее концентрированное хозяйство она открывает громадные возможности роста производительности общественного труда и снижения себестоимости. Только социал-фашисты, подобные Каутскому, дошедшему до последнего предела падения и прислужничества буржуазии, могут пересматривать бесспорные марксистские утверждения о громадных преимуществах крупного производства перед мелким. Каутский, «теоретически» обобщая опыт империалистической фазы мирового капитализма, старчески шамкает насчет того, что, мол, в сельском хозяйстве капиталистических стран «нет никаких признаков ни гибели мелкого хозяйства, ни гибели крупного производства». Хорошенькой иллюстрацией к этому высоко «теоретическому» тезису Каутского является влияние разразившегося в 1929 г. мирового экономического кризиса на мелкое хозяйство капиталистических стран.

Громадные преимущества крупного наиболее концентрированного хозяйства бесспорны. Если и до первой пятилетки мы имели право говорить о высокой концентрации крупной промышленности в Советском союзе, то в результате строительства, развернувшегося в первой пятилетке и за первые годы второй пятилетки, Советский союз не только относительно, но и по абсолютному количеству крупнейших промышленных предприятий выходит на первое место в мире. Это относится к черной металлургии, где созданы крупнейшие домы с громадными мощностями, к машиностроению с целым рядом построенных предприятий-гигантов, к энергетике и т. д. Задача заключается в том, чтобы громадные технические и экономические преимущества высоко концентрированного производства полностью реализовать в жизни. Крупное и крупнейшее производство гигантски расширяет применение науки, научной техники. Но нужны кадры, еще раз высококвалифицированные кадры инженеров, техников, организаторов, кадры, стоящие на уровне мировой техники и науки, чтобы внедрить все завоевания науки и научной техники в повседневную работу, чтобы полностью освоить эти наиболее производительные машины и агрегаты, чтобы намного повысить все производственно-технические показатели, овладеть сложнейшей организацией производства и труда и поднять на громадную высоту производительность общественного труда, т. е. то, что в последнем счете решает судьбу нового общественного строя.

На Совете промышленности Наркомтяжпрома приводились много-

численные примеры плохого использования машинного времени станков, машин, агрегатов. Тов. Орджоникидзе по праву громил так называемые «технически обоснованные нормы» работы машин, агрегатов, скрывающие большой процент скидки на наше неумение, на организационные неполадки и «расейщину».

При проверке, проведенной на двух заводах автотракторной промышленности, оказалось, что «в узких местах машинное время используется только на 40—45% (в широких местах эти резервы еще больше). У Форда машинное время используется на 60—65%. Таким образом у нас машины используются на 50% хуже, чем у Форда. Почему? Основную причину надо искать в плохой организации рабочего места» (Выступление т. Дыбец, «За индустриализацию» от 11/V 1935 г.).

Непомерно высок в целом ряде отраслей процент простоя машин, процент брака — этот признак некультурной работы. В целом ряде отраслей, даже в реконструированной нефтяной промышленности, имеются большие возможности значительного убыстрения скоростей работы машин. Участники пленума Совета с полным правом отмечали резервы, кроющиеся в организации труда, в системе зарплаты, уплотнении рабочего дня и т. д.

Производственно-технические показатели целого ряда отраслей промышленности, подвергшихся коренной технической реконструкции, показывают за последние годы определенное улучшение. Так, коэффициент использования полезного объема доменных печей, работающих на коксе, составил в среднем за 1932 г. — 1,70, за 1933 г. — 1,69, и только в 1934 г. мы видим значительное улучшение — 1,31, причем к концу года, в IV квартале, этот коэффициент составлял 1,25, а в апреле нынешнего года уже — 1,17. Коэффициент использования полезного объема доменных печей, работающих на древесном топливе, составлял в 1932 г. — 2,17, в 1933 г. — 1,94, в 1934 г. — 1,74, а в апреле нынешнего года — уже 1,67. По мартеновским печам среднесуточный съем стали с одного квадратного метра площади пода повысился с 2,91 в 1933 г. до 3,40 в 1934 г., причем к концу года, в IV квартале, поднялся до 3,73, а в апреле нынешнего года составлял уже 3,85. Более детальный анализ работы отдельных мартеновских печей показывает, какие имеются еще большие возможности дальнейшего улучшения производственно-технических показателей. За счет повышения коэффициента использования одного кв. метра площади пода мартеновских печей до 5 т имеется полная возможность повысить выплавку стали с 33—34 тыс. т до 40 тыс. т в сутки.

Претворение в жизнь всех этих многочисленных резервов, кроющихся в новой передовой технике, поставленной на наших предприятиях, означает крупный рост производительности общественного труда. А ведь значительный рост производительности труда является одним из основных заданий плана второй пятилетки. Насколько велики в этом отношении возможности, показывает например намеченный во втором пятилетии рост производительности труда в машиностроении — на 85%, в том числе по важнейшим новым предприятиям больше чем в 2—2½ раза; по черной металлургии — рост на 100%, в том числе на новых агрегатах больше чем в 3 раза и т. д.

Но претворение в жизнь этих громадных возможностей, достиже-

ние быстрого роста производительности труда упирается в кадры и еще раз в кадры, овладевшие высотами мировой техники.

Сказанное о промышленности в полной мере относится и к транспорту. Улучшение работы железных дорог, в первую очередь и главным образом, ускорение оборота вагонов, правильная организация ремонта существующего подвижного состава, действительное проведение маршрутизации и т. д. предоставляют в наше распоряжение такие резервы, которые могут намного поднять общую погрузочную работу железных дорог и которые дают возможность не только выполнить, но и перевыполнить годовой план. Тов. Каганович в своем докладе на совещании работников ж.-д. транспорта с полным правом заявил: «Попробуйте все перевести на язык цифр и вы увидите, что буквально можете загребать руками резервы, которые дадут вам возможность значительно ускорить оборот вагонов, выполнить и перевыполнить государственный план перевозок» («Правда» от 24 апреля 1935 г.).

Не меньшими резервами обладает и наше социалистическое сельское хозяйство. Использование этих резервов намного поднимет урожайность полей, поднимет производительность труда. Из года в год скачкообразно растет нагрузка на один трактор, на один комбайн и т. д. Резервы, кроющиеся здесь в новой передовой технике, поистине громадны. Обеспечить использование этих резервов, этих громадных возможностей передовой крупной машинной техники в нашем сельском хозяйстве могут лишь люди, овладевшие техникой.

Борьба за освоение новой техники, за полное использование всех преимуществ крупного и крупнейшего хозяйства в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте предполагает мощный разворот научной мысли, научной техники, работы научно-исследовательских институтов. Возрастающее значение и роль науки и научной техники в нашем социалистическом строительстве — вот чем характеризуется переживаемый период в СССР. XVII съезд партии указал на «необходимость широчайшего развертывания работы научно-технических институтов и в особенности заводских лабораторий. Научно-техническая и изобретательская мысль должна стать мощным орудием в деле внедрения новой техники, организации новых видов производства, новых методов использования сырья и энергии». Победоносное завершение второй пятилетки, пятилетки технической реконструкции всего народного хозяйства, выдвигающей СССР в техническом отношении на первое место в Европе, требует, чтобы могучий резерв науки, научной техники был полностью использован в борьбе за создание бесклассового социалистического общества. И разве не характерно, что новая страница, которую открыл Макеевский завод в борьбе за рентабельность тяжелой индустрии, связывается именно с массовым походом за науку рабочих завода, с перестройкой и возрастанием роли лабораторий в цехах, с усилением на заводе фронта науки и научной техники вообще. Основная задача — догнать и перегнать самые передовые страны капитализма — может быть решена при условии невиданного до сих пор разворота научно-исследовательской работы, укрепления и всемерного расширения фронта науки. Практическое использование всех достижений мировой научной

мысли и техники может обеспечить полностью лишь строй социализма — на благо трудящемуся человечеству.

Все научные дисциплины находятся в особо благоприятном положении в Советском союзе. Здесь, на основе широкой поддержки научной работы со стороны пролетарского государства и исключительного внимания к ней со стороны широких народных масс, им обеспечено оплодотворение методом Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, единственным научным методом, который выводит научные дисциплины на широкую дорогу прогресса из того тупика, в который их загоняет буржуазия.

Теория должна опережать практику, вооружая наших практиков в их борьбе за победу, ибо теория «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела» (Сталин). Такую ориентировку, уверенность в работе и веру в победу нашего дела дают гениальный анализ т. Сталина на всех этапах строительства социализма и те гранитные лозунги, формулируемые т. Сталиным, под знаком которых протекает борьба десятков миллионов людей и под знаком которых они одерживают победу за победой.

Наша задача заключается в том, чтобы, исходя из гениального сталинского анализа каждого этапа развития, на основе ленинско-сталинского учения о строительстве социализма всесторонне и со всем напряжением изучать громадный конкретный материал по строительству социализма в нашей стране, обобщать колоссальный опыт строителей социализма, изучать закономерности советской экономики во всех областях строительства, закономерности, принципиально отличные от закономерностей капиталистического хозяйства.

Ну, а «сила ориентировки» буржуазных ученых на основе их «теорий» общественного развития? Напомним один позабытый «прогноз» лучших буржуазных ученых, который был сделан в книге о «Русском государственном долге и восстановлении России». Авторы этого труда Позвольский и Моултон, свидетельствовавшие свою признательность русским ученым С. Прокоповичу, Челинцеву и К^о за ценные указания и разъяснения при просмотре рукописи, писали: «Все наше исследование исходит из предпосылки, что Россия в состоянии, с помощью иностранных займов для ее восстановления, достигнуть довоенного уровня производства». А в конце своего исследования эти ученые предупреждали, что «Россия может быть безжалостно представлена самой себе».

Такова «сила ориентировки» лучших буржуазных ученых, таков их анализ и «прогноз», могущий в лучшем случае вызвать лишь улыбку и давно нашедший свое надлежащее место, именно — в помойной яме мировой истории.

«Кадры решают все». Этот исторический лозунг, выдвинутый т. Сталиным, означает новую полосу в нашем строительстве. Принципиальное и практическое значение его для строительства социалистического общества громадно. Этот лозунг дает возможность поднять в кратчайший срок в качественном и количественном отношении наши кадры в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве на такую высоту, что будет обеспечено полное освоение громадных возможностей, вытекающих из технического перевооружения страны, будет обеспечено ускорение продвижения к бесклас-

совому социалистическому обществу. Социалистическое перевоспитание людей движется вперед семимильными шагами. Вошедшие в плоть и кровь десятков миллионов людей социалистическое соревнование и ударничество породили высшую форму движения — отличничество, охватывающее широкие круги рабочих. Столь же стремительно разворачивается процесс социалистического перевоспитания колхозных масс. Ведь еще 3—4 года назад можно было наблюдать как массовое явление крайнюю засоренность колхозных полей, что характеризовало в то время отношение колхозников к общественному хозяйству, к общественной собственности. Выполнение колхозниками своих обязательств по отношению к государству далеко не всегда стояло на переднем плане, давала о себе знать засоренность колхозов кулацкими и вредительскими элементами и т. д. Как далеко ушли мы от этого времени!

Если буржуазные ученые выдумывали басни об отсутствии стимулов к совершенствованию при социализме, о казарменном строе при социализме, восхваляя в то же время волчий закон капиталистической конкуренции и борьбу всех против всех, то сейчас уже опытом строительства социализма десятками миллионов трудящихся в СССР доказана вся лживость этих утверждений, доказано, что именно социалистическое строительство обеспечивает расцвет всех талантов и способностей, таящихся в народных массах, и дает возможность каждому человеку проявлять свои творческие способности на благо коллективу.

Цвет буржуазной науки, блестящая плеяда буржуазных профессоров—экономистов, историков, государствоведов, — группировавшихся в свое время вокруг «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*», подводя теоретические и практические итоги мировой войны и первого периода послевоенного развития, в многотомных научных исследованиях доказывали невозможность социалистической организации производства, ибо «выше сил человеческого рассудка конкретно представить себе динамику подобной организации, тем более рационально направлять эту динамику»; что, мол, централизованное социалистическое руководство не дает никаких стимулов к совершенствованию; что, мол, не уничтожаются противоречия между рабочими и руководителями, что социалистическая централизация хозяйственной жизни не в состоянии устранить кризисов и т. п. и т. д. Для доказательства этих положений мобилизовывались все аргументы, находящиеся в распоряжении буржуазной науки. И этот цвет буржуазной науки, в итоге своих теоретических изысканий, выдвинул следующую «научно обоснованную», «реальную» программу действий: «Всем сторонникам реформ не остается ничего другого, как в пределах капиталистической системы бороться за три больших проблемы, из которых исходила социализация и которые обуславливают друг друга: за уничтожение всех форм эксплуатации, в особенности монополизма, столь тесно связанного с протекционизмом, за устранение проявляющихся в кризисах недостатков капиталистического механизма рынка — задача, которая согласно последним теоретическим работам в области кредита не кажется больше столь неразрешимой, как прежде, — наконец за то, чтобы депролетаризировать рабочих духовно и материально».

За решение этих проблем в рамках капиталистического строя и призывали бороться эти буржуазные ученые, экономисты и историки. Задача, достойная дон-Кихота! Между тем факт всемирно-исторического значения — факт, доказанный на опыте 17-летнего социалистического строительства 160-миллионного народа, — заключается в том, что уничтожение эксплуатации человека человеком, уничтожение кризисов, ликвидация классов и превращение рабочих и трудящихся в хозяев жизни, возможны лишь на основе диктатуры пролетариата. «Сопоставление Советского союза с буржуазными странами, особенно за эти последние годы, раскрывает принципиальный смысл и мировое значение диктатуры пролетариата в СССР, как государства с неуклонным хозяйственным и культурным подъемом, как единственного государства, которому кризисы не страшны» (Молотов).

«Кадры решают все». Проведение этого сталинского лозунга бесспорно приведет в самом коротком времени к новому ускорению хозяйственного развития Советского союза. Если в начале 1933 г. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) констатировал, в связи с необходимостью осваивать технику новых предприятий, неизбежность некоторого уменьшения темпов роста промышленной продукции в сравнении с темпами первой пятилетки, по крайней мере для первых двух или трех лет второй пятилетки, то сейчас мы можем сказать, что уже план 1935 г. означает новое ускорение развития промышленности и особенно сельского хозяйства.

Осуществление сталинского лозунга «кадры решают все» позволит в полной мере использовать громадные возможности повышения производительности общественного труда, использовать все преимущества социалистического хозяйства и победоносно под великим знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина завершить план второй пятилетки.

Проблемы освоения

Прошло два с половиной года с того момента, когда т. Сталин выдвинул проблему освоения новых заводов и новой техники как главную задачу нашей хозяйственной работы на ближайший период. Неразрывной частью этой проблемы, как тогда же указывал т. Сталин, является серьезное поднятие производительности труда и серьезное сокращение себестоимости.

Решение XVII съезда также подчеркивает, что проблема освоения новой техники и новых производств является решающим условием технической реконструкции народного хозяйства.

Мы ставим себе задачу в настоящей статье на примере ряда отраслей показать, во-первых, что представляет собой проблема освоения и, во-вторых, как она осуществляется.

Прежде всего несколько слов о понятии «освоение».

В последнее время термин «освоение» применяется очень широко и условно.

Говорят: «Мы освоили столько-то миллионов рублей капиталовложений на данной стройке, «Мы освоили такой-то товарооборот» и т. д. Такое «освоение» конечно не имеет никакого отношения к лозунгу т. Сталина об освоении передовой техники. Лозунг т. Сталина и партии совершенно конкретен. Он относится к освоению новых заводов, новых производств, новейшей техники.

Это относится решительно ко всем отраслям народного хозяйства при обязательном условии, что в этих отраслях создаются новые производства на основах передовой техники или реконструируются на тех же основах производства старые.

Проблема освоения и кадры

Проблема освоения могла быть поставлена лишь после того, как база передовой техники была подведена под основные отрасли нашего хозяйства. Известно, что в итоге первой пятилетки эта база подведена под промышленность, транспорт и сельское хозяйство.

Освоить новые заводы, новые машины должны живые люди: инженеры, техники, рабочие. При этом задача освоения вовсе не ограничивается тем, чтобы мы научились полностью владеть передовой техникой сегодняшнего дня. В своем развитии проблема освоения означает полное завершение технической реконструкции всех производств в стране и постоянное, непрерывное усовершенствование нашей техники, изобретение и конструирование новых и новых, более совершенных, более экономичных машин и орудий, производство более удобных и красивых предметов широкого потребления.

Освоение новейшей техники подводит нас к задаче самостоятельного развития техники. «Наши техники, догоняя Европу и Америку и перегнав их, должны своими силами решать мировые технические проблемы» (Орджоникидзе. Речь на Совете при НКТП).

В этих условиях проблема кадров становится решающей.

В последних двух речах т. Сталина проблема эта поставлена во всем объеме.

Каждая речь вождя нашей партии, т. Сталина, оставляет глубокий след, глубокую борозду в сознании людей и нашей страны и рабочих всего мира, каждая его речь оставляет глубокий след и в деле строительства социализма в нашей стране.

Майская речь — о кадрах, о людях социалистической стройки — открывает новую эпоху нашего развития. Это не значит, что до сих пор партия не понимала значения кадров, что до сих пор люди ставились ни во что.

Буржуазия клеветнически бросает это обвинение Советской стране и социализму. Буржуазные писаки распинаются о том, что в нашей стране на первом плане техника, машины, а люди на втором плане. Это клевета на Советский союз, клевета на социализм.

Капитализм сделал человека придатком машины. Коммунизм делает человека господином машины, господином техники, господином природы, он делает его настоящим творцом своей жизни.

Человечество как нечто единое будет создано в результате той огромной борьбы, которую провел рабочий класс и которую пролетариат должен провести еще во всем капиталистическом мире. Только через титаническую классовую борьбу будет создано единое человечество.

Коммунизм не приходит по мановению волшебного жезла, на другой день после пролетарской революции. Происходит длительный процесс ожесточенной борьбы молодого, рождающегося коммунизма с остатками капитализма, и этот ожесточенный процесс борьбы происходил в нашей стране, он не закончился еще и сейчас.

В этой борьбе приходится жестоко расправляться со всеми, кто мешает, со всеми, кто является врагом, даже в том случае, если это оказываются вчерашние наши товарищи, те, которые шли с нами вчера, а на следующий день не только отстали, но ходом истории стали противниками социализма и тем самым должны быть сметены. И чем выше подъем народного хозяйства нашей страны, наших людей, тем глубже падение тех, которых история и мы, творцы этой истории, отбрасываем назад. Тов. Сталин в своей речи в краткой форме изложил путь строительства социализма и путь борьбы, и вся наша страна вместе с выпускниками, которые слушали т. Сталина, бурно аплодирует его словам о том, что и он приложил свою руку к тому, чтобы наломать бока изменникам и отщепенцам.

Вопрос о кадрах, поставлен партией давно, социализм делается именно для людей, но конечно в различные периоды развития нашего хозяйства и хода борьбы эта забота о людях, о кадрах принимает различные формы.

Достаточно вспомнить, как учил нас Владимир Ильич беречь специалистов, как зеницу ока, как призывал коммунистов при переходе к новой экономической политике учиться торговать, учиться у буржуазных специалистов, потому что, как говорил Владимир Ильич,

этому делу нас в книгах о социализме не учили в старое время. На каждом этапе нашего строительства этот вопрос встает все в новой и новой форме.

Вот мы перешли к реконструктивному периоду, перешли к построению фундамента социализма в нашей стране и в кратчайший срок создали огромную сеть научно-исследовательских учреждений с десятками тысяч новых кадров научных работников.

Мы создали огромное количество вузов и вузов. Сравним это с наперечет известными старыми высшими учебными заведениями, вспомним о десятках и сотнях тысяч новых специалистов, кончивших за эти годы высшие учебные заведения, и мы поймем, как партия боролась за создание кадров для управления нашим социалистическим хозяйством, для поднятия нашей социалистической культуры. Неоднократно ставился вопрос о кадрах в речах т. Сталина.

Вспомним, какое огромное значение имела речь т. Сталина о шести условиях и в частности вопрос о ликвидации текучести рабочих, о создании новой, социалистической технической интеллигенции и об отношении к старым специалистам, которые в основной массе своей к этому времени прошли свой путь отхода от советской власти и снова пришли к поддержке социалистического строительства.

Мы не будем останавливаться на подробном анализе решений партии и на выступлениях вождей нашей партии по вопросу о кадрах: перейдем к последним двум речам т. Сталина, которые находятся в теснейшей связи.

Что по сравнению с предыдущей постановкой вопроса о кадрах нового в этих речах? Новое в этих речах то, что со всей решительностью подчеркивается, что главное теперь — в людях, овладевших техникой. Это в речи металлургам. В майской речи еще больше подчеркивается это же обстоятельство с указанием, что лозунг «техника в период реконструкции решает все» заменяется лозунгом — «кадры решают все». В этом теперь главное.

Уже в речи металлургам т. Сталин говорил следующее: «Многие неправильно поняли лозунг партии: «техника в период реконструкции решает все». Многие поняли этот лозунг механически, т. е. поняли в том смысле, что ежели нагромоздить побольше машин, то этим будто бы будет сделано все, что требуется этим лозунгом. Это неверно. Нельзя технику отрывать от людей, приводящих технику в движение.

Техника без людей мертва. Лозунг «техника в период реконструкции решает все» имеет в виду не голую технику, а технику во главе с людьми, овладевшими техникой. Только такое понимание этого лозунга является правильным. И поскольку мы уже научились ценить технику, пора заявить прямо, что главное теперь — в людях, овладевших техникой (Сталин).

В майской речи об этом же в еще более законченной форме говорится следующее: «Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг — «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, — должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное» (Сталин).

Мы в основном разрешили задачу индустриализации нашей страны. Это дело огромной важности, которое по-новому ставит вопрос о людях, о дальнейших путях нашего развития.

Вопрос о кадрах, поставленный в обеих речах т. Сталина, это вопрос не только о технических кадрах. Конечно технические кадры стоят в известной мере на первом месте, т. е. наша задача заключается в том, чтобы воспитать, создать, вырастить в первую очередь такие технические кадры во всех отраслях нашего народного хозяйства — и в колхозах, и в МТС, и в промышленности, и на транспорте, — которые как следует знали бы технику своего дела, причем передовую мировую технику, которые бы не только знали эту технику, но умели бы эту технику двигать дальше, совершенствовать ее, чтобы не застыть на достигнутом уровне, ибо остановиться в развитии — это значит идти назад, как говорил т. Сталин по другому вопросу.

Речи т. Сталина относятся не только к техническим кадрам, они относятся ко всем кадрам вообще. В майской речи это сформулировано следующим образом: «Мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры».

Но и в этом месте т. Сталин говорит не о людях вообще, не о человеке вообще. Речь идет не о филантропическом сюсюканьи, что все люди братья, что все люди хороши и со всеми людьми надо обращаться по-хорошему. Речь идет о людях, полезных для дела коммунизма, о работниках, работающих на пользу нашему делу. Речь идет о честных тружениках нашей страны: это и сторож колхозного поля, и тракторист, и агроном, и уборщица в любом учреждении, и старший инженер, и младший инженер, и рабочий у станка, и подметальщик цеха, и всякий работник, который работает не только для того, чтобы получать определенный оклад, не только для того, чтобы получить лучшую должность, а который работает как сознательный участник нашего общего дела, дела строительства социализма.

Забота о кадрах имеет огромное значение для развития нашего хозяйства. Тов. Сталин сказал, что страна наша получила бы эффект в 3—4 раза больший, чем она имеет теперь, если бы мы имели технически грамотные кадры на всех участках нашего хозяйства.

Мы покажем в настоящей статье, какое огромное ускорение роста нашего хозяйства дали успехи в деле освоения по ряду отраслей и как наряду с этим задержка в освоении нашими кадрами новейшей техники сдерживает развитие хозяйства, не дает возможности полностью использовать мощностные построенные нами новых заводов, новых агрегатов, машин и т. п. и как много у нас еще неиспользованных резервов.

В полном соответствии с политикой партии на форсированное развитие ведущих отраслей народного хозяйства внедрение новейшей техники происходит далеко не равномерно по отдельным отраслям.

Проблема освоения и техническая реконструкция промышленности

Впереди в деле технического перевооружения стоят отрасли тяжелой промышленности и в первую очередь машиностроение, на котором лежит задача подвести техническую базу под все народное хозяйство.

Ведущие отрасли нашей промышленности вооружены по последнему слову мировой техники и не уступают по высоте техники соответствующим передовым иностранным предприятиям. Отстают легкая и лесная промышленность.

Однако необходимо отметить, что, как правило, и отрасли, стоящие в первых рядах по реконструкции, не переоборудованы полностью во всех деталях по последнему слову техники.

Например наши электростанции не только стоят на уровне передовых мировых предприятий, но по нагрузке превзошли их. Однако и здесь не проведена полностью автоматизация всех процессов, а на некоторых из них рядом с новейшей техникой торчат тачка и лопата на угольных складах.

В нашей металлургии, также почти полностью переоборудованной по последнему слову техники, работают всего две агломерационные фабрики, несмотря на то, что эти фабрики дают значительную экономию в расходовании руды и улучшают режим доменных печей. На большинстве металлургических заводов часть газов (доменных и особенно коксовых), а на некоторых почти полностью весь газ выпускается в воздух, отравляя окрестность, вместо того чтобы давать экономии угля и повышать режим работы мартенов на высококалорийных газах или вместо того чтобы вырабатывать из них весьма дефицитные химикаты. Новейшие прокатные станы неполностью дооборудованы.

Подобные «хвосты» недоделок имеются во всех передовых наших производствах.

В ряде отраслей «хвосты» эти не имеют решающего значения для дела освоения и серьезного повышения производительности труда.

В других отраслях, как например в угольной, неравномерная механизация процессов производства сильно отражается на общем ходе выработки и производительности труда.

Если в отношении первой группы отраслей требуются небольшие сравнительно доделки для полной их реорганизации, то для второй группы стоит еще задача форсирования комплексной реконструкции с подтягиванием отстающих производств.

Наряду с этими передовыми в техническом отношении отраслями имеется ряд производств неплохо оборудованных, реконструированных нами в числе первых отраслей, но отставших от современного уровня мировой техники. К этой группе в первую очередь относится нефтяная промышленность, которая лет пять назад стояла на уровне передовой мировой техники, которая наряду с электростанциями была в числе отраслей, первыми закончивших свою техническую реконструкцию. С тех пор нефтяная промышленность мало продвинулась вперед в своем техническом вооружении, в то время как американская нефтяная промышленность шагнула далеко вперед. В результате наша нефтяная промышленность отстала от уровня мировой

техники, что немедленно сказалось в задержке темпов роста ее продукции.

Сюда же можно отнести обувную промышленность, неплохо переоборудованную, начиная с 1924 г., но значительно отставшую от современной американской.

То же надо сказать о механизированном производстве бутылок и стаканов. Еще и до сих пор плохо освоенные нами машины типа Линча морально износились, так как современная передовая стекольная промышленность оборудована значительно более совершенными машинами.

Эта группа отраслей свидетельствует о том, как наша техническая мысль в ряде отраслей еще не стала достаточно самостоятельной, о том, как мы, освоив мировую технику сегодняшнего дня, застреваем кое-где на ней и не можем ее самостоятельно двинуть дальше, усовершенствуя машины, добываясь от них новых и новых возможностей. Мы оговариваемся, что это относится к небольшому количеству отраслей, но косность технической мысли еще существует, особенно в легкой промышленности.

Тем самым мы подошли к четвертой группе отраслей нашего хозяйства, которые лишь частично охвачены реконструкцией, где строительство новых заводов, точно так же как и реконструкция старых, не всегда сопровождается оборудованием их по последнему слову техники.

Относительно включения текстильной промышленности в четвертую группу нужно сделать ряд оговорок.

Наша хлопчатобумажная промышленность по своему оборудованию стоит на уровне английской и германской. Она даже имеет некоторые преимущества (большая концентрация производства, высокая степень комбинирования прядения и ткачества). Но например в части автоматизации ткачества мы отстали от США.

В части организации производства наша текстильная промышленность имеет крупные преимущества, так как на отдельных предприятиях производится ограниченное количество номеров пряжи и сортов ткани.

Несмотря на эти преимущества, производительность труда на наших текстильных фабриках значительно ниже, чем в Англии и Германии, не говоря о США, где технический уровень выше.

Следовательно, перед нашей текстильной промышленностью стоят еще задачи осуществления реконструкции, ориентируясь на американскую технику (что и проводится в жизнь на строящихся хлопчатобумажных комбинатах в Барнауле и Ташкенте и частично в порядке реконструкции), а наряду с этим стоит задача освоить как следует «европейскую» технику наших фабрик.

«Осваивает» также хлопчатобумажная промышленность новые улучшенные сорта тканей, но это «освоение» в основном есть процесс восстановления качества продукции, освоенного в 1927—1928 гг. и затем в порядке жерационализации ликвидированного.

Конечно сами по себе эти задачи весьма почетны и полезны для страны, но, как правило, здесь освоение новой техники и новых производств имеет место лишь в незначительной доле, например освоение меланжевого производства.

В отношении трикотажной промышленности дело обстоит хуже. Мы почти не имеем оборудования для производства наиболее изящ-

ной продукции. Оборудование наше устарело. Чулочные машины, которые производит наше машиностроение для трикотажной промышленности, весьма устарели и дают продукцию низкого качества. Трикотажная промышленность требует коренного переоборудования, но типы нового оборудования только теперь определяются в результате командировки группы специалистов на заводы Европы и Америки.

В еще худшем положении находится производство сортового стекла (посуды, бытовой и технической, колб для электроламп и т. п.).

Это производство, за исключением толстых неуклюжих стаканов, целиком базируется на дедовском ручном или, точнее, «грудном» выдувании. Между тем все это производство на большинстве американских заводов механизировано отнюдь не наподобие наших «убийственных» линчевских стаканов.

Механизированная посуда современных передовых заводов конкурирует по качеству и изяществу с лучшими произведениями ручной выделки.

В отношении технически отсталых отраслей стоит задача реконструкции производства.

Конечно и перед технически отсталыми производствами стоит задача роста производительности труда на базе старой техники, ибо и здесь имеются большие резервы.

Проблема освоения стоит в этих отраслях как выбор правильной системы реконструкции, как выбор наиболее передовых методов производства, как выбор наиболее совершенных машин. Ошибки в выборе типа реконструкции могут принести большой вред народному хозяйству.

Мы остановились здесь при характеристике технической отсталости некоторых производств четвертой группы на ряде примеров, характеризующих большое отставание в этих отраслях нашей технической мысли.

Но было бы неправильно думать, что и в этих отстающих отраслях техническая мысль не создает ничего нового. Прежде всего во всех отраслях все же имеются те или иные элементы технической реконструкции.

В той же стекольной промышленности мы имеем ряд интересных технических изобретений, которые усиливают производственную мощность существующих заводов по оконному стеклу (увеличение производительности стекловарочной печи в результате непрерывной загрузки через шнек, увеличение скорости машины Фурко и т. д.).

Такие же примеры можно было бы привести по ряду отраслей этой группы.

Итак, по степени законченности технической реконструкции нашу промышленность можно разделить на четыре группы.

Первая группа, куда мы включаем отрасли, в которых техническая реконструкция на базе передовой техники уже закончена и где остались лишь небольшие доделки по отдельным вспомогательным процессам.

Сюда относятся: 1) крупные электростанции Главэнерго, 2) черная металлургия (за исключением некоторых мелких заводов и цехов), 3) машиностроение в основной своей массе и в первую очередь новые гиганты машиностроения, 4) новые заводы химической промышленности и значительная часть реконструированных, 5) маргаринные

заводы, новые консервные заводы и некоторые другие пищевые предприятия, 6) швейная промышленность и отдельные новые заводы легкой промышленности, как льнокомбинат Зворыкина и др., 7) целлюлозно-бумажные комбинаты, как Балахна и др.

Вторая группа — отрасли, в которых техническая реконструкция в основном проведена, но осталась еще известная неравномерность в механизации и техническом вооружении отдельных процессов производства, сказывающаяся на полном использовании всех возможностей тех процессов, которые полностью технически перевооружены.

Сюда относятся угольная промышленность и отдельные предприятия из отраслей, включенных в первую группу.

Третья группа включает отрасли, которые в основном были нами реконструированы раньше других и которые застыли на достигнутом уровне и тем самым отстали от уровня ушедшей вперед мировой техники.

Сюда относятся нефтяная промышленность и в известной мере обувная.

В эту же группу рискуют перейти через известное время те отрасли из первых двух групп, которые останутся на достигнутом уровне технического вооружения, которые не будут двигаться вперед, поспевая за темпами мировой техники или опережая их.

В частности наша автомобильная промышленность уже принимает меры для предотвращения этой опасности, подготавливаясь к выпуску новейших, более совершенных типов автомашин.

Конечно нам не обязательно нужно ежегодно переходить к новому типу выпускаемых машин, но мы не можем также застыть на фордах 1930 г.

Угроза перехода в третью группу висит над всякой отраслью, технический коллектив которой будет почитать на лаврах вместо ожесточенной борьбы за осуществление лозунга «перегнать» наиболее передовые капиталистические страны.

Третья группа является ярким показателем голода в кадрах, могущих самостоятельно двигать технику такими темпами, чтобы не отстать от уровня мировой техники.

В четвертую группу мы включаем все отрасли производства, слабо охваченные технической реконструкцией. В эту группу входят большинство отраслей легкой промышленности, лесная промышленность, особенно лесозаготовки, некоторые отрасли пищевой и значительная часть местной промышленности.

Мы не ставим себе здесь задачу дать законченную классификацию нашей промышленности по степени состояния реконструкции ее технической базы.

Мы дали лишь грубое деление на четыре группы с далеко неполным перечислением отраслей, входящих в них. Конечно в каждой из отраслей, причисленных нами к той или иной группе, есть отдельные предприятия, которые или по своей отсталости или по высоте технического вооружения подходят к другой группе.

Мы привели здесь эту группировку, для того чтобы показать, что до полного завершения технической реконструкции во всех отраслях промышленности и народного хозяйства, что должно быть осуществлено во второй пятилетке, проблема освоения новейшей техники

и новых производств стоит по-разному перед различными отраслями.

В то время как для предприятий первой группы, куда входит значительное большинство промышленных предприятий нашей страны, проблема освоения сводится к тому, чтобы полностью выжать из установленных новейших машин, агрегатов, печей и т. п. всю их производственную мощность, а задача «дореконструкции» занимает подчиненное положение, во второй группе задача ликвидации узких мест в технической реконструкции занимает гораздо большее место и становится одним из условий полного освоения мощности уже законченных реконструкцией производств.

В третьей и четвертой группах полное освоение производственной мощности установленного оборудования не решает проблему «догнать и перегнать» передовую капиталистическую технику, а потому задача освоения включает здесь также задачу определения путей технической реконструкции каждой отрасли в соответствии с уровнем мировой техники и осуществления этой реконструкции.

Это вовсе не значит, что мы должны при этом копировать те или иные достижения иностранной техники. Наше машиностроение, наша конструкторская мысль в такой мере уже выросли, что мы можем на самостоятельных путях обогнать мировую технику. Конечно нелепо изобретать мотор, автомобиль, трактор и т. д., если есть готовые образцы, но мы уже можем и должны самостоятельно усовершенствовать производимые моторы, автомобили, тракторы и т. д.; мы можем и должны строить например льнокомбинат, оборудовав его машинами системы Зворыкина, а не какими-то иностранными, так как машины Зворыкина лучше. Мы можем и должны строить производство синтетического каучука по методу наших изобретений, так как этот метод себя вполне оправдал.

Мы можем и должны из года в год вносить технические усовершенствования в те тысячи различных типов машин, производство которых освоило наше машиностроение, чтобы не застыть на месте, чтобы не отстать, чтобы догнать и перегнать уровень мировой техники.

Об измерителях уровня освоения

При решении вопроса о той или иной степени освоения отдельной отрасли передовой техники мы должны иметь определенные измерители работы для каждой отрасли.

Вопрос о таких измерителях, которые в достаточной мере отражают действительно полное использование оборудования, является весьма серьезным.

Тов. Орджоникидзе в своей речи на первом заседании Совета НКТП довольно подробно остановился на этом вопросе. Когда мы берем новые предприятия, казалось бы, что решающим измерителем должна быть степень выполнения проектной мощности данного предприятия. Это измеритель однако является бесспорным лишь при одном условии — если эта проектная мощность является правильной.

Тов. Орджоникидзе привел ряд примеров, когда иностранные проектировщики допускали сознательно поправки на отсталость наших технических и рабочих кадров, принимая для нас проектную мощ-

ность оборудования на 20% ниже той мощности, которая принимается ими для предприятий капиталистических.

Эта поправка принята в проектах Харьковского и Сталинградского тракторных заводов, Горьковского автомобильного и целого ряда других производственных гигантов нашей страны, оборудованных по последнему слову техники.

На настоящей стадии, когда техническое вооружение нашей страны шагнуло далеко вперед и вопрос о кадрах поставлен как вопрос, который решает все, мы не можем мириться с такого рода поправками на нашу отсталость — «разве мы присягнули нашей отсталости, разве мы рабы этих проектов, выдающих нам аттестаты на вечную нашу отсталость? Нет, мы решительно отмечаем все это и считаем достижимым для себя не только то, что имеется у них, но гораздо больше».

Эти пламенные слова т. Орджоникидзе перед командирами тяжелой промышленности могут и должны быть претворены в жизнь. Поэтому проектную мощность мы должны брать без всяких поправок на нашу отсталость, а из расчета на полное техническое использование всех агрегатов, машин и т. п.

Решающими показателями для определения степени нашего продвижения вперед в деле освоения должны быть показатели наиболее передовых в техническом отношении капиталистических предприятий, так как именно путем таких сравнений мы можем установить, в какой мере мы догоняем, в какой мере мы перегоняем передовую мировую технику.

Отсюда следует, что если кто-нибудь в отношении нашей промышленности будет доказывать необходимость и целесообразность установления показателей, по которым надо равняться, менее напряженных, чем на лучших предприятиях капиталистического мира, эти предложения следует отвергать как несостоятельные. Однако сравнение коэффициента использования того или иного оборудования с соответствующими zahraniчными далеко не всегда возможно. Особенно это относится к так называемым дробным нормам, «технически обоснованным нормам», против которых так ополчился на первом заседании Совета т. Серго.

В первую очередь это относится к машиностроению. Если для анализа успехов металлургии мы имеем универсальный показатель коэффициента использования доменных печей, для машиностроения такой универсальный показатель отсутствует. Возможно, как это указал т. Орджоникидзе, таким показателем для машиностроения должно стать определение использования станков по машинному времени. Разработка этого вопроса представляет огромный интерес и должна помочь нам в дальнейшем установить этот универсальный показатель работы машиностроения.

«Технически обоснованные нормы», с которыми выступали на Совете тяжелой промышленности техно-нормировщики, не могут служить такими показателями, так как они крайне дробны и на каждом крупном заводе после всяческих сокращений их остаются десятки тысяч.

Ясно, что обоснованность этих «технически обоснованных норм» целиком зависит от квалифицированности и добросовестности тех тысяч нормировщиков, которые работают над их установлением. Ясно также, что при такой дробности и многочисленности этих норм они

слишком часто, как это указал т. Серго, отражают не завтрашний день, а сегодняшний, а в худшем случае вчерашний день. И тот факт, что «технически обоснованные нормы» ударники производства в массовом порядке выполняют на 200—300%, означает, что эти нормы являются отсталыми, что «это не двигает нашу технику вперед и наше освоение, а, напротив, сбивает людей с толку и под видом технически обоснованных норм закрепляет сегодняшнюю нашу отсталость» (Орджоникидзе).

Из сказанного вытекает, что сравнение с проектной мощностью требует критического к себе отношения, что нормы являются не всегда ведущими.

Приступая к анализу проблемы освоения, необходимо исходить из того, что освоение техники не ограничивается освоением процесса производства и достижением проектной мощности. Анализ требует сравнения коэффициентов и показателей работы с показателями лучших предприятий капиталистических стран, он требует проверки достигнутой экономии в снижении расхода сырья, топлива, материалов, а также снижения процента брака, простоев и т. п. показателей, по которым можно судить, действительно ли мы выжали из наших машин и оборудования все, что они могут дать.

Необходимо также проверять экономию в применении рабочей силы, рост производительности труда и снижение себестоимости.

В настоящей статье мы не ставим себе задачу дать полный анализ по всем этим показателям. Себестоимость мы оставим совсем без рассмотрения. Остальные показатели мы применим к отдельным отраслям с учетом степени важности разных показателей для разных отраслей.

В настоящей статье мы рассматриваем только вопросы освоения в промышленности. Но и в промышленности мы ограничиваемся несколькими отраслями, в которых наиболее ярко выявляется, какую огромную роль для роста производства и улучшения качества работы играет освоение новейшей техники и какие огромные резервы мы в этой области имеем. Мы рассмотрим здесь следующие отрасли: 1) машиностроение, 2) электростанции Главэнерго, 3) черная металлургия, 4) угольная промышленность, 5) некоторые производства химической промышленности. Именно в этих отраслях мы имеем самую передовую технику и значительные успехи в деле ее осуществления.

Некоторые итоги по машиностроению

Вопросы освоения в машиностроении — этой ведущей отрасли, обеспечивающей проведение технической реконструкции всего народного хозяйства, — требуют специального рассмотрения. Поэтому мы остановимся здесь на некоторых общих вопросах освоения в машиностроении и ограничимся только некоторыми иллюстрациями по отдельным производствам.

Наше машиностроение гигантски выросло. Основные фонды машиностроения (металлообрабатывающая промышленность) составляли на 1/X 1927 г. 1,5 млрд. руб., на 1/I 1931 г. — 2,5 млрд. руб., на 1/I 1933 г. — 4,8 млрд. руб. и на 1/I 1935 г. по металлопромышленности НКТП — 6,1 млрд. руб. Металлопромышленность вне НКТП имеет фондов на несколько сотен миллионов рублей, так что по сопоставимому ряду для 1935 г. фонды будут несколько выше.

Этот прирост фондов в очень значительной части относится к созданным в реконструктивный период новым производствам: авто-тракторостроение, авиостроение, комбайностроение, тяжелое машиностроение, турбокотло- и турбогенераторостроение, производство шарикоподшипников, станкостроение, производство врубковых машин и другого оборудования для механизации горных работ, производство экскаваторов, канавокопателей, моторных катков, полиграфического оборудования, оборудования для текстильной, пищевой, бумажной промышленности и др.

Большинство перечисленного оборудования до 1929/30 г. не производилось в СССР, а там, где производство уже было поставлено, его объем был незначителен и технический его уровень был ниже современного.

Наше машиностроение имеет колоссальные успехи в деле освоения производства новейшего оборудования. Для машиностроения проблема освоения прежде всего обозначает умение соответствующего конструкторского коллектива, на первых порах с помощью иностранной технической консультации, освоить конструкции наиболее современных машин и оборудования, разработать технологический процесс производства и затем осуществить это производство.

Таким путем наше машиностроение освоило производство тысяч новых типов машин и оборудования и развернуло массовое производство. И теперь наше машиностроение способно производить самые сложные и самые точные машины в массовом масштабе.

В какой мере обновлено наше машиностроение, показывают следующие данные.

Из производства машиностроения союзного подчинения в 1934 г. в 9,04 млрд. руб. 73,5%, на сумму 6,65 млрд. руб., составляют новые виды продукции, введенные в 1927 г., в том числе по автотракторной — 94,6%, станкостроению — 85,5, по высокоточной — 75,0, по точной индустрии — 68,8% и т. д.

В дополнение к этой общей характеристике остановимся на некоторых примерах освоения производственных мощностей новых заводов.

Возьмем тракторостроение. Однотипные Сталинградский и Харьковский тракторные заводы (первый пущен в эксплуатацию в 1930 г. и второй в 1931 г.) подошли к освоению проектной мощности в 40 тыс. тракторов в год и в 1933 и 1934 гг. равномерно изо дня в день выпускают 140—145 тракторов. План 1935 г. принят на том же уровне. Производство налажено, процесс конвейерного производства освоен. Выпуск тракторов строго лимитируется количеством отпускаемого металла.

Проектная мощность заводов оказалась заниженной, и производство легко может быть увеличено до 50—52 тыс. тракторов в год на каждый завод, что и должно быть выполнено в 1936 г.

Освоение проектной мощности на тракторных заводах сопровождается резким повышением производительности труда. Так, в 1932 г. 13 606 рабочих Сталинградского завода выпустили 29,5 тыс. тракторов, а в 1934 г. 12 686 рабочих выпустили 40 300 тракторов. Так же на Харьковском в 1932 г. 12 789 рабочих дали 16 333 трактора, а в 1934 г. 11 700 рабочих выпустили 40 377 тракторов. Соответственно, выра-

ботка на одного рабочего в 1932 г. составляла 12 493 руб. и 8 196 руб., а в 1934 г. — 20 552 руб. и 20 960 руб.

Но конечно и в 1934 г. заводы не подошли к пределу производительности труда и должны дать значительное повышение в 1935 г. Еще большее повышение может быть достигнуто в 1936 г. при полной нагрузке заводов. За четыре месяца 1935 г. производительность труда по ГУТАП в целом выросла на 33%.

На автотракторных заводах мы имеем ровный ход освоения, но и здесь потребовалось три года, для того чтобы освоить проектную мощность заводов.

В таком же положении находится и автостроение.

Это не значит, что в автостроении освоение идет самотеком без сучка и задоринки. Ровный ход производства на уровне проектной мощности и в соответствии с материальным снабжением является результатом огромной напряженной работы технических и рабочих кадров этих заводов.

Иное положение мы имеем в комбайностроении. Производство комбайнов по годам составляет: 1930 г. — 347; 1931 г. — 3 549; 1932 г. — 10 004; 1933 г. — 8 578; 1934 г. — 8 293 и 1935 г. (план) — 25 тыс. комбайнов, между тем проектная мощность двух новых заводов и одного реконструированного завода составляет 35 тыс. комбайнов. К этому нужно прибавить, что производство комбайнов строится сезонно и крайне неравномерно по месяцам. Так, в 1935 г. к 1 мая сдано 8 769 комбайнов и в том числе в апреле — 3 233 комбайна, а к 1 июля должно быть сдано 15 тыс. комбайнов.

Это говорит о совершенно неудовлетворительном использовании наших комбайнных заводов и о наличии очень больших производственных резервов.

Если в отдельные месяцы заводы выпускают 3 200 комбайнов, значит 36 тыс. комбайнов в год может быть легко обеспечено. Вообще ликвидация сезонности в с.-х. машиностроении является одним из резервов для его расширения.

Большие производственные резервы имеются во всем машиностроении.

Значительным резервом машиностроения является уменьшение потерь от брака в производстве. Так например ламповый завод Московского электрокомбината имеет в I квартале 1935 г. 10—13% потерь к валовой продукции; Луганский паровозостроительный завод по литейному цеху—12—17%, а по новопаровозному—11—20%; Коломенский машиностроительный по литью—23—30%; по дизельному—12—26%; по многим литейным цехам брак 15—20% является обычным, а например по цеху колес Грифина мы в I квартале 1935 г. имеем 45—63% брака.

Эти потери должны быть решительно снижены, так как каждый процент потерь уменьшает настолько же выпуск продукции, а иногда при создании некомплектности в подготовке разных деталей выпуск продукции снижается намного больше процента потерь от брака.

Главным лимитом более полного использования производственных мощностей является недостаток металлоснабжения.

Эскизы черной металлургии уже в 1935 г. дадут, по словам т. Орджоникидзе, сверх плана полмиллиона тонн проката, известную часть которого получит машиностроение для загрузки производства. Но ре-

зверь машиностроения гораздо выше, и в 1936 г. при значительном росте выпуска проката наше машиностроение сможет увеличить свою продукцию на 30%.

Освоение в работе электростанций

Техническая реконструкция нашей страны началась гениальным ленинским планом электрификации страны. С этого конца началась индустриализация Советского союза. Электростанции были первыми крупными промышленными предприятиями, сооруженными по последнему слову техники, которые с 1920 г. начали строиться пролетарским государством.

Уже с 1920 г. началась техническая реконструкция этой отрасли, и по выработке электроэнергии довоенный уровень производства был достигнут уже в 1924 г., в 1927 г. мы больше чем удвоили довоенную выработку электроэнергии, в 1929 г. — утроили, а в 1934 г. дали 20,5 млрд. *квтч* — в 10 раз больше; в 1935 г. — 25 млрд. *квтч*.

Эти цифры говорят о громадных темпах роста производства. Этот рост происходил за счет строительства крупных станций, оборудованных самыми совершенными турбинами, генераторами и т. д.

Наши электростанции не застыли на уровне техники начального периода своей реконструкции. Советская электротехническая промышленность в области освоения производства и конструирования электрооборудования стала за последние годы в одном ряду с самыми мировыми фирмами — Сименс-Шуккерт, А. И. Г., Дженераль компани и др.

Мы можем сослаться на красную книгу о заводе «Электросила», в которой изложен путь борьбы и победы в деле конструирования и производства электрооборудования, ничем не уступающего лучшим типам машин германской и американской электропромышленности. Основная масса производственного оборудования наших районных станций сделана нашими советскими заводами.

О «молодости» и современности оборудования наших станций говорят следующие данные.

В основных фондах станций Главэнерго 66% составляют фонды, введенные в эксплуатацию за последние четыре года.

Средняя мощность установленной паровой турбины составляла на 1/1 1930 г. 6,2 тыс. *квт*, а на 1/1 1935 г. — 11,2 тыс. *квт*. •

Эти данные говорят о том, что наши электростанции хорошо оборудованы и что от такого оборудования можно требовать высоких показателей.

Главнейшими показателями освоения электростанции являются среднегодовое число часов использования установленной мощности и расход топлива на выработанный киловаттчас. Первый показатель определяет интенсивность загрузки и использования оборудования, второй — технический уровень оборудования и его освоение.

Приведем соответствующие данные по годам, начиная с 1929 г., по среднегодовому числу часов использования установленной мощности (см. табл. на стр. 29).

К этим цифрам нужно добавить, что этот показатель для электростанций общественного пользования капиталистического мира ниже, чем у нас, и составляет по США для 1929 г. 3 047 *квтч* (упал до 2 306 в кризисный 1932 г.), по Германии — 2 187, Франции — 1 922, Ита-

Станции	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
По всем станциям Главэнерго (в <i>квтч</i>)	3 260	3 400	3 700	3 500	3 704	4 000
В т. ч.						
Шатура	4 130	5 300	4 970	5 470	6 000	6 100
Кашира	4 750	6 230	4 410	4 240	5 562	6 387
Зуевка	—	—	—	2 780	4 812	6 447
Днепрогэс	—	—	—	974	1 170	2 530

ли — 2 400 и только по Канаде в 1929 г. — 4 955 *квтч*, а в 1932 г. — 3 552 *квтч*.

Помимо высокого технического уровня наших электростанций это является показателем преимуществ нашего планового хозяйства, позволяющих нам в плановом порядке повышать нагрузку наших электрификационных узлов, прибегая иногда к плановому перемещению часов работы отдельных предприятий от часов пиковых нагрузок, чем создается более равномерная и более полная нагрузка станции.

Итак, от каждого установленного киловатта мы получаем больше энергии, чем в капиталистических странах. Значит освоение электростанций стоит на должной высоте, ибо здесь мы уже перегнали передовую технику капиталистических стран.

К тому же показатель этот из года в год (за исключением 1932 г.) улучшается. Против 3 260 часов в 1929 г. мы имели в 1934 г. 4 тыс. часов.

Но и 4 тыс. часов — это еще не предел и не идеал.

Мы видим по той же табличке, что лучшие крупные тепловые станции имеют 6 000 — 6 500 часов нагрузки. Но известно, что Днепровская станция еще не полностью нагружена (без учета тепловых резервов). Если же исходить из необходимого теплового резерва, мы получим резкое увеличение использования Днепрогэса, что окажет влияние на повышение общей средней. В частности снижение в 1932 г. коэффициента нагрузки совпадает с вводом в производство Днепрогэса, когда он давал всего 974, а также Зуевской станции, которая давала в 1932 г. 2 780 *квтч*, а во второй год работы уже 4 800, в третий — 1934 г. — 6 440, опередив более старые станции — Шатуру и Каширу. Это является показателем того, что электростанции уже на второй год работают почти нормально, а на третий полностью осваивают лучшие показатели.

Вторым показателем освоения новейшего оборудования электростанций является расход топлива на один выработанный киловатт электроэнергии.

Привожу следующую таблицу динамики расхода топлива по всем станциям Главэнерго в среднем и по отдельным крупным станциям (см. табл. на стр. 30).

И по этому показателю мы догнали уровень работы станций общественного пользования в Германии и Америке.

Нашей средней норме расхода для 1934 г. 0,68 *кг* соответствует для 1934 г. по США 0,66 *кг*, а по Германии для 1931 г. — 0,68, по Англии для 1933 г. — 0,73 *кг*.

Необходимо однако оговориться, что круг станций, охваченных статистикой капиталистических стран, шире круга наших районных

Динамика расхода топлива (в условном топливе в кг на выработанный кВтч)

С т а н ц и и	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
По Главэнерго	0,84	0,86	0,8	0,77	0,726	0,684
Отдельные крупнейшие станции:						
Торфяные:						
Шатура (180 тыс. <i>квт</i>)	0,61	0,61	0,66	0,69	0,673	0,64
«Красный октябрь» (111 тыс. <i>квт</i>)	0,92	0,70	0,69	0,79	0,762	0,654
Горьковская (204 тыс. <i>квт</i>)	0,72	0,66	0,66	0,67	0,636	0,62
Ивановская (99 тыс. <i>квт</i>)	—	1,66	0,92	0,64	0,568	0,58
Пылеугольные:						
Кашира (186 тыс. <i>квт</i>)	1,0	0,8	0,68	0,66	0,616	0,594
Штеровка (152 тыс. <i>квт</i>)	0,85	0,82	0,77	0,75	0,709	0,683
Зуевка (186 тыс. <i>квт</i>)	—	—	—	0,72	0,65	0,594
Курский уголь:						
Челябинская (125 тыс. <i>квт</i>)	—	0,76	0,65	0,62	0,68	0,602
Кизеловская (100 тыс. <i>квт</i>)	0,95	0,93	1,02	1,10	1,087	0,863

станций и следовательно включает более мелкие станции, которые и у нас имеют более высокие нормы расхода топлива.

В общем наши районные станции работают примерно на уровне передовых американских и германских, но они могут и должны работать лучше.

Из года в год коэффициент использования оборудования наших электростанций улучшается, но это улучшение недостаточно.

Например Шатура давала в 1929—1930 гг. 0,61 кг расхода топлива, в 1934 г. — 0,64 кг.

Горьковская станция уже в 1930 г. дала 0,66 кг и только в 1934 г. снизила до 0,62 кг.

Это значит, что уже в 1929—1930 гг. некоторые крупные электростанции освоили оборудование и с этого времени стоят на месте, тогда как Кашира и Ивановская станции их перегнали и довели расход до 0,58—0,59 кг. Наряду с этим Кизеловская станция застряла в 1934 г. на расходе в 0,86 кг против 0,93 в 1930 г.

Все это говорит о том, что наши станции Главэнерго при упорядочении своего топливного и производственного режима легко могут снизить расход топлива в среднем до 0,60 и 0,58 кг, а лучшие станции еще больше, и тогда мы по техническим показателям перегоним передовые электростанции капиталистического мира.

Таким образом наша электрификация по техническому своему уровню и по степени освоения новейшей техники несомненно стоит в нашем народном хозяйстве на одном из первых мест.

Такое положение является результатом огромного внимания, которое еще со времен военного коммунизма и первых лет восстановительного периода партия оказывала электростанциям.

За эти годы мы создали новые крепкие технические и рабочие кадры электротехников, которые вполне владеют своими машинами.

В области электрификации нет уже того острого голода в кадрах, как в других отраслях.

Но все сказанное ни в какой мере не означает, что в области производства электроэнергии мы стоим на вершинах техники и можем почитать на лаврах.

Еще в полном объеме стоит перед нами задача строительства и освоения теплоэлектроцентралей (тэц) с котлами высокого давления (60—130 атм). Хотя отдельные установки работают у нас с 1932—1933 гг., однако они еще плохо освоены. Наши теплотехники обязаны в кратчайший срок закончить период освоения тэц, чтобы широким фронтом в полном объеме использовать огромные преимущества этих станций, дающих одновременно и энергию и пар.

Совершенно неудовлетворительно в работе электростанций стоит вопрос с производительностью труда. По сравнению с крупными заграничными станциями количество рабочих на наших станциях неизмеримо велико. Приводим следующую таблицу:

С т а н ц и и	Мощность (в тыс. квт)	Число турбин	Число котлов	Число персонала на 1 000 установ- ленных квтч
Клитенберг (Германия)	270	6	16	1,64
Декомен (Франция)	200	10	20	1,00
Кашира	186	7	15	5,3
Зугрэс	150	3	8	17,5
Шатура	180	6	18	11,7

Такой огромный излишек рабочих на наших станциях вызван помимо недостаточной автоматизации процессов на самой станции главным образом наличием большого количества вспомогательных рабочих в механических мастерских. На Шатуре в механических мастерских 350 чел., на Кашире — 272. Ремонтных рабочих на Шатуре 400 чел.

Это, с одной стороны, является результатом недостаточного снабжения станции запасными частями, в виду чего станции сами производят их в механической мастерской кустарно. С другой стороны, это показатель слишком частых поломок и необходимости излишне частых ремонтов. Сюда же относится недостаточная механизация топливных складов, в результате чего на Кашире на угольном складе работает 359 чел., больше чем всего персонала на такой же по мощности заграничной станции.

Вот эти «хвосты» незаконченной реконструкции, эту примесь «тачки» и кустарщины к передовой технике надо ликвидировать в кратчайший срок, и только тогда мы получим в законченном виде передовую отрасль.

Металлургия

Перейдем к металлургии.

Об успехах металлургии много говорится в последнее время. Металлурги заслуженно получили высокую награду. Металлургия продолжает развивать свои успехи.

Нужно помнить, что металлургия закончила восстановительный

процесс только в 1929/30 г., в то время как по всей промышленности в целом довоенный уровень продукции превзойден в 1926 г., а по производству электроэнергии в 1929 г. довоенный уровень был превзойден в 3 раза.

Годы первой пятилетки, а также первые два года второй были для металлургии годами гигантского нового строительства, при этом строительства не только в старых промышленных районах, а в совершенно нетронутых, новых районах. Металлургия осуществляла поступательное движение тяжелой промышленности на восток.

Мы создали новую технически передовую металлургию, мы вложили в металлургию огромные средства, и естественно, что страна предъявляет к металлургам требование работать на оборудованных по последнему слову техники домнах, мартенах, блюмингах и т. п. так, как работают лучшие заграничные заводы.

Сравнение данных по приросту выплавки чугуна, стали и проката и технических показателей работы этих производств в 1931, 1932, 1933, 1934, 1935 гг. показывает, какое огромное ускорение темпов производства мы имеем в 1934—1935 гг., причем рост технических коэффициентов говорит о том, что это ускорение происходит в основной массе за счет лучшего использования оборудования, т. е. за счет успехов в деле освоения новой техники.

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г. (план)
Выплавка чугуна (в млн. т)	5,0	4,9	6,2	7,1	10,4	12,5
Коэффициент использования доменных печей	1,69	1,88	1,75	1,71	1,35	1,27
Выплавка стали (в млн. т)	5,8	5,6	5,9	6,8	9,6	11,8
Суточный съем стали с 1 м ² пода мартеновской печи	3,13	2,79	2,68	2,90	3,40	3,82
Производство проката (с трубами в млн. т).	4,8	4,3	4,5	5,1	7,0	8,6

Из приведенной таблицы видно, что за один 1934 г. прирост по чугуну составляет 3,3 млн. т, т. е. поднялся с 7,1 млн. т в 1933 г. до 10,4 в 1934 г. Между тем за три года (1931, 1932 и 1933) выплавка чугуна дала прирост всего в 2100 тыс. т (5 млн. т в 1930 г. и 7,1 млн. т в 1933 г.). На 1935 г. металлургии дается задание поднять производство на 2,1 млн. т, до 12,5 млн. т, т. е. дать такой же прирост, какой мы получили за указанные три года.

То же самое и по стали. За три года — с 1931 по 1933 — прирост составил 1 млн. т (с 5,8 до 6,8 млн. т), а в 1934 г. выплавка стали поднялась до 9,6 млн. т, т. е. прирост составил 2,8 млн. т. План на 1935 г. предусматривает дальнейший прирост в 2,2 млн. т.

По прокату за три года (с 1931 по 1933) продукция выросла с 4,8 до 5,1 млн. т, т. е. прирост составил всего 300 тыс. т, а в 1934 г. продукция проката за один год выросла до 7,0 млн. т, т. е. на 1,9 млн. т. План на 1935 г. намечает дальнейший прирост в 1,6 млн. т.

Что означают эти цифры? Они показывают громадные сдвиги в овладении техникой, которые произошли в области металлургии в 1934 г. На самом деле, значит ли это, что в 1934 г. мы ввели в производство по черной металлургии такое количество новых доменных печей, такое количество мартенов и прокатных станков, которые дали

нам сразу этот гигантский скачок производства? Конечно нет. Этот прирост произошел лишь в некоторой части за счет прироста мощностей, так как в 1934 г. было введено в эксплуатацию 7 доменных печей вместо 14 по плану, 15 мартеновских печей вместо 40 по плану, 9 прокатных станов вместо 28 и 3 трубопрокатных стана вместо 11.

При значительном отставании против плана ввода в эксплуатацию новых мощностей все же план 1934 г. по чугуну был выполнен на 104%, по стали—на 97,6% и по прокату—на 101,9%. Это явилось результатом прежде всего резкого повышения использования доменных печей, построенных в предыдущие годы. За 1931—1933 гг. было введено в эксплуатацию 17 новых доменных печей и 7 реконструированных.

Это подтверждает со всей определенностью динамика коэффициента использования доменных печей. В 1931 г. он стоял на недопустимо высоком уровне — 1,88. В 1932 г. он снизился крайне незначительно — до 1,75, в 1933 г. — до 1,71 и в 1934 г. — 1,35.

За счет этого коэффициента, отражающего лучшее использование наших доменных печей, мы и получили огромный скачок производства в 1934 г. Но значит ли это, что мы уже полностью овладели новейшей техникой наших доменных печей? Нет, ни в какой мере.

Уже в 1934 г. при среднем коэффициенте 1,35 на лучших предприятиях — Макеевском заводе им. Кирова, Кузнецком им. Сталина — мы имели коэффициент 1,14, на Сталинском 1,17. Но и эти коэффициенты еще далеки от технических пределов. Первые месяцы 1935 г. показали, что наши металлурги, ободренные высокой наградой, показали возможность и дальнейшего резкого улучшения коэффициента использования доменных печей. В марте домны, работающие на коксе, дали в среднем 1,21, а домны Макеевского завода дали 0,98, завод им. Петровского — 1,02, Криворожский — 1,03, Кузнецкий им. Сталина — 1,05. Эти передовые заводы уже перегнали средний коэффициент использования доменных печей США, составлявший в 1932 г. 1,17. Но они все же еще не догнали по коэффициенту использования работу лучших передовых капиталистических доменных печей, которые дают 0,8—0,9 и даже меньше.

Нужно вместе с тем отметить, что наряду с передовыми заводами в нашей металлургии имеется еще значительное количество заводов, которые дают коэффициент 1,20—1,30 и выше. Об этих предприятиях т. Орджоникидзе очень удачно выразился, что руководители их тоже кричат «мы пахали», в то время как на деле они задерживают общие темпы улучшения работы нашей черной металлургии, тянут ее назад. Если бы средний коэффициент использования доменных печей снизить до 1,15, мы получили бы уже в 1935 г. 13,7 млн. т чугуна, т. е. на 1,2 млн. т выше плана без каких-либо дополнительных капиталовложений.

Задача состоит в том, чтобы освоить новейшую технику не только на ограниченном количестве лучших предприятий нашей страны, но и на всех решительно предприятиях, имеющих для этого соответствующую техническую базу. Из всего этого следует, что, в то время как ряд предприятий черной металлургии в области доменного производства пошел очень далеко вперед по пути освоения техники, значительная группа этих предприятий еще продолжает технически сильно отставать.

Тот же примерно процесс освоения мы имеем и в мартеновских цехах. Суточный съём стали с 1 м² площади пода мартеновской печи составлял в среднем по Союзу в 1931 г. 2,79 т, в 1932 г. — 2,68, в 1933 г. — 2,90 и в 1934 г. — 3,40. И здесь в 1934 г. имеется резкое повышение по сравнению с предыдущими годами. В I квартале 1935 г. съём стали с 1 м² пода печи поднялся до 3,68, в марте он дал 3,89. Но и здесь еще далеко до технических пределов, до показателей лучших как иностранных, так и наших собственных предприятий.

Так, в марте новые печи Дзержинского завода давали 7 т с 1 м², печи завода «Серп и молот» — 6,13, Макеевского завода — 5,83, «Красный Октябрь» — 5 и Мариупольский им. Ильича в апреле дал 5,49, «Коминтерн» — 5,44 и Сталинский (Донбасс) — 5,34. Только показатели новых печей Дзержинского завода подошли к уровню наиболее передовых капиталистических предприятий, а остальные наши лучшие предприятия держатся около среднего уровня работы американских и германских печей.

Но и по мартеновским печам успехи передовых снижаются средним показателем за счет плохой работы очень значительного количества мартеновских печей. Половина мартеновских цехов дает показатель в апреле 1935 г. от 2,25 до 3,82, т. е. до среднего, принятого планом на 1935 г.

Теперь уже можно сказать, что этот показатель может и должен быть перевыполнен, что успехи освоения мартеновских цехов в 1934 г. и в первые месяцы 1935 г. дают возможность значительно перевыполнить этот коэффициент. Тов. Орджоникидзе поставил перед металлургами задачу добиться на огромном большинстве заводов выхода в среднем 5 т стали с 1 м² площади пода, что должно дать возможность повышения среднесуточного выпуска стали с 33—34 до 40—42 тыс. т в сутки к концу текущего года.

Только при таком решительном улучшении освоения мартеновских печей уже в 1935 г. может быть начато осуществление лозунга т. Сталина о том, чтобы выплавка стали опережала выплавку чугуна. Перевыполнение производственного плана по чугуну на 1935 г. обеспечено. Улучшение работы мартеновских печей может и должно обеспечить еще большее перевыполнение плана по выплавке стали. Приведенные данные говорят о том, что и в отношении мартеновских печей достигнуты большие успехи в деле освоения передовой техники. Однако до полного завершения процесса освоения еще очень далеко.

Как раз в этой части уже сейчас необходимо ввести поправку к проектным мощностям, о чем говорил т. Орджоникидзе. Проектные мощности наших мартенов на Магнитке, в Кузнецке и в Макеевке составлены из расчета на нашу отсталость. По данным, опубликованным инженерами Точинским и Рикманом («Плановое хозяйство» за 1935 г., № 1), на Макеевском заводе проектная мощность мартенов за вторую половину 1934 г. уже использована на 90—100,2% по отдельным мартеновским печам, на Кузнецком заводе — от 70 до 85%, на Магнитке — от 77,5 до 80%, на Дзержинке — на 106%.

Там же приведена таблица использования производственного аппарата по мартеновским печам этих же заводов в отдельные месяцы, из которой следует, что по отдельным печам в отдельные месяцы 1934 г. имело место перевыполнение проектной производительности

мартеновских печей от 2 до 38% (38% для первой макиевской печи в октябре 1934 г.).

Между тем мы видели по приведенным выше данным, что среднесуточный съем стали с указанных печей только в марте подошел к показателям лучших иностранных заводов (по новым печам Дзержинки).

Из этого сопоставления явствует, что проектная мощность, принятая для наших новых мартеновских печей, является явно заниженной и не ориентируется на показатели лучших капиталистических предприятий.

Значительный скачок прироста в 1934 г. проката также является непосредственным результатом в первую очередь роста освоения наших прокатных станков. Здесь же необходимо подчеркнуть, что прокатные цехи являются наиболее отсталым участком черной металлургии. За четыре года — 1931—1934—введено в эксплуатацию 35 прокатных цехов мощностью по блюмингам (в литой болванке) 5 150 тыс. т и чистовых — 1 055 тыс. т, весь же прирост проката за эти годы составил 2,2 млн. т.

По прокатным цехам мы не имеем таких прямых показателей, определяющих качество работы и степень освоения, как по доменным и мартеновским процессам. Здесь приходится работу сопоставлять прежде всего с проектной мощностью, и здесь мы должны констатировать, что освоение проектных мощностей вновь установленных прокатных станков идет крайне медленно. Так, пущенные в 1933—1934 гг. прокатные цехи американского типа на Кузнецком, Магнитогорском, Макеевском заводах и заводе им. Дзержинского стояли в 1934 г. и сейчас еще стоят на низком уровне по освоению.

По данным за 7 месяцев конкурса в 1934 г. блюминги, установленные на этих заводах, дали от 36% (завод Дзержинского) до 50% (Кузнецкий завод) проектной мощности.

Основной причиной такого медленного освоения новых прокатных цехов является несомненно недостаток опыта наших технических и рабочих кадров, не сумевших в течение нескольких лет овладеть сложной техникой новых гигантов — прокатных станков. Об этом же говорит очень высокий процент простоя блюмингов. Простой по месяцам колеблется для различных блюмингов от 22 до 58% рабочего времени.

В I квартале 1935 г. и особенно в марте прокатные станы добились дальнейшего значительного повышения выпуска продукции. Резкое повышение проката в марте иллюстрируется следующими данными о сокращении простоев прокатных станков: блюминги имели в январе 24% простоя, в марте — 13%; рельсо-балочные в январе — 36%, в марте — 21%; крупносортовые в январе — 19%, в марте — 13,7%; проволочные в январе — 13,5%, в марте — 11,7%, бандажные в январе — 23,7%, в марте — 10,2%.

Сокращение простоев прокатных станков говорит о значительном улучшении их работы, о значительном уменьшении аварийности и о ликвидации других недочетов, являющихся причинами простоя. Как на одну из причин продолжающегося значительного отставания прокатных цехов главный инженер ГУМПИ Точинский указывает на недостаточность новых заводов, на незаконченность цехов, ненадежность меццохвовых и межагрегатных связей. Таким образом задача форсирования проката сводится к ускорению окончания полной ре-

конструкции, ликвидации неравномерности технической реконструкции и к повышению квалификации кадров, обслуживающих прокатные цехи.

Тов. Орджоникидзе в своем выступлении на Совете тяжелой промышленности обещал стране дать в 1935 г. сверх плана не менее 0,5 млн. т проката. Для того чтобы осуществить это обещание, прокатные цехи должны значительно улучшить свою работу и значительно подвинуться в деле освоения новых прокатных станов, наладив равномерную и четкую их работу из месяца в месяц. Производственные мощности имеются для этого вполне достаточные. Необходимо только добиться налаживания правильной эксплуатации. За первые четыре месяца работа прокатных станов повышалась и составляла против среднесуточной декабря в 21,4 тыс. т в апреле 23,9 тыс. т.

Указанный нами рост продукции черной металлургии и рост показателей освоения новейшей техники неизбежно должны сопровождаться соответствующим ростом производительности труда. Динамика производительности труда в общем соответствует динамике качественных коэффициентов, которые мы приводили выше. Производительность труда дается по всей черной металлургии, т. е. по чугуну, стали, прокату в целом.

В 1931 г. производительность упала против 1930 г. на 2,5%, в 1932 г. она выросла на 15%, в 1933 г. — на 10%, в 1934 г. — на 26%, на 1935 г. рост производительности труда намечается 18%.

Мы видим, что в 1932 и 1933 гг. темп роста производительности труда выше темпов технических коэффициентов, что объясняется улучшением организации рабсилы в 1932 и 1933 гг., а также реализацией указания партии о борьбе с текучестью.

Каменноугольная промышленность

Установление степени освоения новейшей техники в каменноугольной промышленности является более сложным, чем по электростанциям и по черной металлургии.

Довоенный уровень добычи угля был достигнут в 1926/27 г. Форсированная реконструкция каменноугольной промышленности началась в годы первой пятилетки, а механизация — с 1930 г. Так, за 1927 и 1928 гг. основные фонды возросли с 296 до 385 млн. руб., а к 1932 г. — до 910 млн. руб.

По каменноугольной промышленности НКТП по восстановительной стоимости основные фонды выросли с 510 млн. руб. на 1/1 1931 г. до 1 174,8 на 1/1 1934 г. и до 1 450 млн. руб. на 1935 г., т. е. за четыре года почти в три раза.

Эти данные говорят об ускорении темпов капиталовложений в каменноугольную промышленность, т. е. об ускорении ее технического перевооружения.

И в каменноугольной промышленности мы имеем значительное ускорение темпов прироста добычи угля в 1934 г., являющееся результатом не только расширения фронта работ, но также значительно лучшего использования имеющихся шахт.

Приводим сопоставление роста продукции с приростом мощности новых и реконструированных шахт, введенных в эксплуатацию (по НКТП):

	1927/28 г.	1930 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Добыча угля (в млн т)	35,2	46,5	63,0	71,9	88,3
	за первую пятилетку				
Прирост мощности (в млн. т) . . .		57,0		18,6	9,9

В то время как за пять лет (1929—1933) прирост добычи угля составил 36,7 млн. т, т. е. по 7,5 млн. т в год без особых колебаний по годам, прирост за 1934 г. составил 16,5 млн. т, т. е. в два с лишним раза больше.

Это ускорение прироста продукции в 1934 г. происходило конечно не за счет ввода в 1934 г. в эксплуатацию новых шахт общей мощностью в 9,9 млн. т. За предыдущие годы введено в эксплуатацию гораздо больше мощностей, а прирост продукции, как мы видели, в два раза меньше 1934 г. Так, в 1931 г. введены в эксплуатацию новые и реконструированные шахты мощностью в 29,2 млн. т, в 1932 г. — 12,8 млн. т, в 1933 г. — 18,6 млн. т. Мощность новых и реконструированных шахт, введенных в эксплуатацию за первую пятилетку, составила 57,0 млн. т, а весь прирост добычи каменного угля за эти годы составил 36,7 млн. т. За 7 лет — с 1927/28 до 1934 — общая мощность введенных в эксплуатацию шахт составляет 85,5 млн. т, а весь прирост добычи — 53,1 млн. т.

Конечно у нас должны быть определенные резервы и мощности шахт, но приведенный нами разрыв между введенной в эксплуатацию мощностью шахт и приростом добычи является слишком большим, так как часть прироста добычи должна ведь получаться также со старых шахт. Если же сравнить прирост мощностей и прирост добычи за три года (1931—1933), то этот разрыв будет еще более высоким: 60,6 млн. т введено в эксплуатацию, а 25,4 млн. т — прирост добычи.

Сопоставление этих данных говорит о том, что освоение новых шахт в эти годы шло крайне медленными темпами. Перелом начался в 1934 г. Против 9,9 млн. т ввода в эксплуатацию добыча выросла на 16,4 млн. т, т. е. в 1934 г. мы начали осваивать резервы, накопленные в предыдущие годы.

Темп освоения новых шахт ускорился. Но все же и в 1934 г. остались еще большие резервы мощностей, что дает возможность за счет освоения добывать в ближайшие годы значительного прироста добычи. Если к этому еще прибавить ввод новых шахт по плану 1935 г. в 29,4 млн. т, то прирост для 1935 г., запроектированный в 18,5 млн. т, не является напряженным.

На данной стадии мы по каменноугольной промышленности в целом еще можем вести счет «освоения» к проектной мощности, ибо эти проектные мощности далеко еще не освоены. Но перед лучшими предприятиями каменноугольной промышленности вопрос о несостоятельности проектных мощностей уже встал, и мы имеем случаи перевыполнения их отдельными шахтами: премированная шахта № 51 Подмосковского бассейна в 1934 г. превысила проектную мощность. Шахта «Артем», лучшая шахта Донбасса, уже в 1933 г. превысила проектную мощность.

Из следующей таблицы видно превышение отдельными шахтами проектной мощности:

	Мощность (в тыс. т)	Добыча (в тыс. т)	
		1934 г.	1933 г.
Шахта «Артем»	700	730,8	861,8
Шахта им. Петровского	283	298,1	297,6
» № 10 Московского басс. . .	250	334,6	377,2
» № 51	250	251,2	283,2

На этом пути каменноугольная промышленность еще имеет большие резервы, помимо открытых резервных мощностей.

Приведенные суммарные данные показали, как медленно идет процесс освоения производственных мощностей по всей каменноугольной промышленности. По отдельным шахтам можно привести следующие данные:

Новая Щербиновка, пущенная в 1931 г., проектной мощностью в 1 150 тыс. т, дала в 1932 г. 557 тыс. т, в 1933 г. — 606,7 тыс. т и в 1934 г. — 722,1 тыс. т.

Рутченковская шахта 17-бис мощностью в 1 200 тыс. т, пущенная в 1931 г. В 1935 г. добыто всего 177,3 тыс. т, в 1934 г. — 390,8 тыс. т.

Шахта Карловка 7—8 мощностью в 1 035 тыс. т в 1933 г. дала 204 тыс. т и в 1934 г. — 321,2 тыс. т. Лучше идет шахта ОГПУ, введенная в 1931 г., мощность ее 1 400 тыс. т. В 1933 г. добыто 756 тыс. т и в 1934 г. — 940,7 тыс. т.

Шахта № 18 им. Сталина (бывшая Американка), введенная в 1931 г. Ее проектная мощность 1 млн. т, в 1932 г. добыто 398,6 тыс. т, в 1933 г. — 572,0 тыс. т, в 1934 г. — 793,6 тыс. т.

Шахта № 142-бис, введенная в эксплуатацию в 1931 г., мощностью в 400 тыс. т. В 1932 г. добыто 199,9 тыс. т, в 1933 г. — 300,8 тыс. т и в 1934 г. — 425 тыс. т.

Шахта № 5—6 им. Ворошилова, введенная в эксплуатацию в 1931 г., проектной мощностью в 1 685 тыс. т. В 1932 г. добыто 219,7 тыс. т, в 1933 г. — 549,7 тыс. т и в 1934 г. — 838,8 тыс. т.

Штольная центральная, введенная в 1928 г., мощностью в 600 тыс. т. В 1931 г. добыто 294 тыс. т, в 1932 г. — 322,4 тыс. т, в 1933 г. — 463,4 тыс. т и в 1934 г. — 543,2 тыс. т.

Кузбасс—«Пионер», введена в 1931 г., мощностью в 200 тыс. т. В 1931 г. добыто 26,6 тыс. т, в 1932 г. — 104,4 тыс. т, в 1933 г. — 246,3 тыс. т и в 1934 г. — 264,8 тыс. т.

Подмосковный бассейн, шахта № 12, введенная в эксплуатацию в 1930 г., проектная мощность 812 тыс. т. В 1931 г. добыто 54,4 тыс. т, в 1932 г. — 114,4 тыс. т, в 1933 г. — 196,9 тыс. т, в 1934 г. — 241,5 тыс. т.

Шахта № 18, введенная в эксплуатацию в 1932 г., мощностью в 400 тыс. т. В 1932 г. добыто 15,6 тыс. т, в 1933 г. — 76,1 тыс. т и в 1934 г. — 139,4 тыс. т.

Шахта № 56, введенная в 1931 г., мощностью в 200 тыс. т. В 1931 г. добыто 4,1 тыс. т, в 1932 г. — 47,3 тыс. т, в 1933 г. — 94,1 тыс. т и в 1934 г. — 147,7 тыс. т.

Только по шахтам средней мощности проектная мощность осваи-

вается в 2—3 года, по крупным шахтам на третьем и четвертом году добыча достигает 50—60% проектной мощности. Такое положение совершенно недопустимо. Оно является показателем того, что кадры каменноугольной промышленности не справились пока с задачей освоения. Оно является также показателем того, что крупные шахты нередко сдаются в эксплуатацию с большими недоделками, которые тормозят нормальную производственную работу.

Тов. Орджоникидзе в своем выступлении на Совете тяжелой промышленности отметил, что топливо выглядело на Совете «как-то серее», чем другие отрасли, и что, «если за топливо как следует не взяться, оно может задержать наше наступление».

Техническое перевооружение каменноугольной промышленности по линии строительства крупных механизированных шахт, механизация добычи посредством врубовых машин и отбойных молотков таково направление технической реконструкции.

Вот данные о росте механизации добычи угля: в 1927/28 г. — 16,5%; в 1928/29 г. — 24,4; в 1930 г. — 40; в 1931 г. — 59,6; в 1932 г. — 65,4, в 1933 г. — 70,4, в 1934 г. — 74,1 и в 1935 г. намечено 80,1%.

Однако механизацией охвачены далеко неравномерно все процессы добычи.

В то время как механизация добычи и доставки доведена до уровня механизации США, механизация откатки сильно отстала.

	Добыча	Доставка	Откатка
	% механизации		
Донецкий бассейн 1927/28 г.	19,4	25,9	—
1930 г.	45,3	49,3	6,4
1932 г.	71,9	87,0	12,3
1934 г.	79,1	86,7	48,8
Кузбасс 1930 г.	22,1	20,2	12,3
1934 г.	61,6	73,6	30,9
Подмосков. бассейн 1931 г.	49,3	1,6	41,9
1932 г.	55,7	8,0	47,0
1934 г.	57,5	31,8	85,0
Германия (Рур)	93,0	90,0	90,0
США	77,5	—	85,0
Англия	35,0	17,5	50,0

Анализ этой таблицы показывает, что наша каменноугольная промышленность с 1930 г. гигантскими темпами осуществляла механизацию добычи, но некомплексно, что отражается на ходе освоения.

В каменноугольной промышленности освоение новейшей техники означает освоение механизации всего процесса добычи. Выражением этого освоения является выработка соответствующих механизмов, а в общем по всей отрасли — рост производительности труда.

Каково же положение с производительностью механизмов?

Число врубовых машин составляло: в 1927/28 г. 372, на 1/I 1931 г. — 970 и на 1/I 1935 г. — 1 730. Отбойных молотков: на 1/I 1931 г. — 3 300 и на 1/I 1935 г. — 11 200.

Месячная производительность механизмов составляла (см. табл. на стр. 40).

В переводе на годовую работу это составит для 1932 г. 25,2 тыс. т, для 1934 г. — 29 тыс. т, в то время как в Германии годовая выработка дает 26,1 тыс. т, в США — 21,9 тыс. т и в Англии — 21,6 тыс. т.

Выше у нас также производительность труда по отбойным молоткам. Это значит, что эти операции механизированной добычи нашей каменноугольной промышленностью в общем освоены. Однако неком-

Месячная производительность в тоннах

Г о д ы	Тяжелые врубовые машины			Отбойные молотки		
	Всего	Донбасс	Кузбасс	Всего	Донбасс	Кузбасс
1930	—	1.733	—	—	—	—
1931	2.038	2.001	2.986	133	134	204
1932	2.095	2.041	3.344	123	113	150
1933	2.162	2.158	3.206	141	146	120
1934	2.449	2.412	3.840	159	154	194

плектная механизация и общие недостатки работы каменноугольной промышленности не дали возможности полностью использовать это обстоятельство. Сменная производительность на одного рабочего у нас более чем в два раза ниже, нежели в германской каменноугольной промышленности, при этом рост производительности труда целиком относится к 1934 г. Так, в 1930 г. среднегодовая добыча на одного рабочего составила 207,3 т, в 1933 г. — 206,8 т, а в 1934 г. — 236,7 т, т. е. на 14,2% больше.

Было бы однако неправильно отнести этот прирост производительности целиком за счет освоения.

Один дополнительный в месяц день выхода на работу одного рабочего дает около 4% роста производительности труда. Рост производительности труда на рабочего получается также от сокращения административно-управленческого персонала и от других организационных мероприятий, улучшающих условия труда (правильная система зарплат и т. д.).

Ясно, что в очень значительной части рост производительности труда в 1934 г. произошел за счет факторов организационных, за счет ликвидации функционалки, перестройки управления и упорной борьбы за правильную организацию производства.

Какой же вообще прирост производительности труда можно получить в каменноугольной промышленности от механизации?

Косвенный ответ на этот вопрос может дать германская каменноугольная промышленность. В 1913 г. механизированная добыча составляла 1,5%, в 1928 г. она поднялась до 76,6%, а в 1932 г. — до 83,7%.

Производительность труда одного германского горнорабочего поднялась с 0,9 т в 1913 г. до 1,4 т. Если значительную часть этого роста выработки отнести за счет технической реконструкции в целом, то мы получим примерно возможный прирост производительности в 1,5 раза.

Для нашей каменноугольной промышленности речь должна идти о большем росте, так как мы имеем в 1934 г. сменную производительность на одного рабочего всего 0,89 т. На лучших шахтах сменная производительность на одного рабочего в 1½—2 раза выше средней по бассейну.

За январь—апрель 1935 г. дневная выработка одного рабочего составляет 0,935 т, на 9,9% больше соответствующего периода прошлого года.

Это говорит о том, что и в 1935 г. продолжается значительный рост производительности труда, и по мере ликвидации всяких организационных недочетов в производстве этот рост все больше будет происходить за счет освоения техники.

Нужно также указать, что огромное значение для роста добычи и для роста производительности труда имеют методы организации и добычи каменного угля в соответствии с естественными условиями залегания. Большое значение имеют удлинение лавы и концентрация добычи, методы управления кровлей и др.

Мы не будем в настоящей статье заниматься анализом этих методов. Метод концентрации у нас еще находится в стадии опытов. Необходимо разверить его шире, так как опыт Германии говорит о больших его преимуществах.

Из всего сказанного следует, что каменноугольная промышленность имеет еще огромные резервы и по мощности эксплуатируемых шахт и по возможности роста производительности труда.

Освоение в некоторых отраслях химической промышленности

Большинство отраслей химической промышленности впервые создано советской властью на протяжении первой и второй пятилеток. Мы остановимся здесь на некоторых из них, имеющих крупное народнохозяйственное значение, и прежде всего на производстве удобрений.

Производство суперфосфата в 1930 г. составляло 390 тыс. т, в 1934 г. — 850 тыс. т и по плану 1935 г. — 1 150 тыс. т.

Азотные удобрения в переводе на сульфат-аммоний в 1930 г. составляли 22 тыс. т, в 1934 г. — 269 тыс. т и по плану 1935 г. намечено 415 тыс. т.

Преципитат, т. е. более концентрированный фосфатный тук, начал производиться только в 1934 г., и производство его еще крайне незначительно.

Как же освоено производство этих удобрений? При общей мощности наших суперфосфатных заводов в 1 100 тыс. т производственная программа на 1935 г. в натуре составляет 980 тыс. т (в пересчете на 14-процентный суперфосфат — 1 150 тыс. т).

Следовательно по суперфосфату мы близко подошли к освоению производственной мощности, и некоторое отставание является главным образом результатом работы на низкосортном сырье отдельных заводов (Пермский, Воскресенский).

Производство существующих суперфосфатных заводов несомненно может быть увеличено за счет устранения диспропорции между отдельными цехами предприятий и за счет замены существующего периодического метода производства непрерывным, что с 1935 г. осуществляется на Воскресенском заводе.

Основной задачей суперфосфатных заводов является улучшение качества продукции за счет повышения содержания фосфора, что может быть осуществлено в результате применения высококачественных апатитовых концентратов. Так же стоит задача значительного сокращения расходования серной кислоты. Так Невский завод, работающий на апатитовом концентрате, уже в 1933 г. расходовал на 1 т суперфосфата 0,26 т серной кислоты при расходе на других заводах 0,34 и 0,38 т.

Значительно отстает выработка азотных удобрений от имеющихся производственных мощностей. В лучшем положении по этой группе находится выработка сульфат-аммония на ЧКХ, Березниках

и Горловке. На всех этих заводах в 1935 г. должна быть освоена проектная мощность, причем Чернореченский завод работает давно, Березниковский — с конца 1932 г. а Горловский — с половины 1933 г. Установки сульфат-аммония на коксовых заводах работают из рук вон плохо, особенно заводы востока.

Значительно хуже идет освоение производственных мощностей по аммиачной селитре. Так, в 1934 г. на пяти заводах при проектной мощности в 130 тыс. т было выработано 96 тыс. т, в том числе на трех заводах это был второй год работы, а на двух — Горловском и Сталиногорском — первый год работы.

В 1935 г. на этих же пяти заводах при возросшей мощности до 213 тыс. т дано плановое задание 123 тыс. т.

Недогрузка объясняется недостаточным количеством аммиака (Сталиногорск) и неосвоенностью установки на Горловке.

Из-за недостатка аммиака слабо используется мощность установки монта-селитры в Сталиногорске: при проектной мощности последней в 85 тыс. т выработка 1934 г. была 11,7 тыс. т, на 1935 г. программа утверждена в 30 тыс. т.

По лейна-селитре при мощности Горловского завода в 62 тыс. т в первый год работы его в 1934 г. было выработано 30 тыс. т. На 1935 г. программа дана в 43 тыс. т.

Все эти данные говорят о значительных резервных мощностях, которые должны быть освоены в кратчайший срок.

Особенно неудовлетворительно идет освоение преципитатных заводов. Воскресенский завод, построенный на мощность в 80 тыс. т, в 1934 г., в первый год своей работы, дал всего 1 700 т, а на 1935 г. плановое задание предусматривает 15 тыс. т.

Актюбинскому заводу, для которого 1935 г. является первым эксплуатационным годом, дано задание 10 тыс. т при 40 тыс. т производственной мощности.

Таким образом на мощность 120 тыс. т план 1935 г. предусматривает всего 25 тыс. т производства. Такое отставание в освоении производственных мощностей объясняется как недостаточной освоенностью аппаратуры, так и выявившимися ошибками в проектировке работ Воскресенского завода на бедных фосфоритах. Опыт работы показал, что без предварительного обогащения местных воскресенских фосфоритов, для чего должна быть построена флотационная фабрика, на проектировку и строительство которой уйдет три года, соответствующей эффективности Воскресенский завод не даст.

В настоящий момент для получения преципитата на Воскресенском заводе приходится работать на смеси местных фосфоритов с привозными апатитовыми концентратами.

Наряду с этим выявилось, что поставленная аппаратура разъедается фосфорной кислотой, и потребовалось заменить эту аппаратуру специальной аппаратурой из хромистого чугуна и хромоникелевой стали. Значительные недочеты оказались в работе фильтров, от чего получают значительные потери в производстве.

Все это говорит о том, что наша техническая мысль была недостаточно подготовлена для правильного установления технологических процессов и выбора соответствующей аппаратуры, в результате чего получают чрезвычайно медленный ход освоения и необходимость производства дополнительных капиталовложений для замены негодной аппаратуры в первые же годы эксплуатации.

Иное положение мы имеем в работе советской калийной промышленности. В 1930 г. приступили к проходке первого в Союзе калийного рудника. В 1934 г. этот рудник вступил в эксплуатацию, и в 1935 г. он дает полную производственную мощность — 1,5 млн. т сильвинита.

В процессе освоения выявлены некоторые проектные недостатки обогатительной химической фабрики. Задача 1935 г. состоит в исправлении дефектов фабрики и доведении ее работы до проектной производительности.

Если на протяжении 1935 г. эта программа будет выполнена, работники калийной промышленности покажут пример удачного освоения нового крупного промышленного производства в Советском союзе.

Особенно необходимо подчеркнуть большие успехи в освоении производства синтетического каучука из спирта. Это производство является результатом самостоятельной работы советской технической мысли, и производство синтетического каучука из спирта является единственным во всем мире.

Производство синтетического каучука во время войны было поставлено в нескольких странах, в частности в Германии. Германская промышленность шла этот период по пути синтеза так называемого метил-каучука, что не обеспечивало ни качества, ни экономических перспектив, которые открывают для этой промышленности методы, проводимые в Советском союзе.

Сейчас же после окончания мировой войны метод синтеза метил-каучука был ликвидирован ввиду экономической невыгодности.

Для Советского союза организация производства синтетического каучука является вопросом чрезвычайной важности, вопросом освобождения Советского союза от иностранной зависимости в таком важном деле, как производство автошин и других технических резиновых изделий.

Успехи, которые мы имеем в производстве синтетического каучука за три года его существования, говорят о том, что эта проблема разрешена в Советском союзе не только технически, но и экономически, так как увеличение выходов каучука из спирта пошло такими темпами, что при дальнейшем его развертывании себестоимость синтетического каучука может быть приближена к цене растительного каучука. Освоение нашими заводами синтетического каучука показывает следующее: в 1933 г. произведено 2,2 тыс. т, в 1934 г. 11,2 тыс. т, на 1935 г. программа была намечена в 20 тыс. т, но уже сейчас в результате перевыполнения плана I квартала годовое задание по синтетическому каучуку увеличено до 25 тыс. т.

Особенно необходимо отметить увеличение процента выхода денина из спирта. В 1933 г. он составляет 19,9%, в 1934 г. — 20,7%, в апреле 1935 г. — 27,3%.

Тов. Орджоникидзе, отмечая в своем выступлении успехи синтетического каучука, сказал, что производство синтетического каучука можно будет считать рентабельным при получении выхода из спирта 33% каучука. Мы видим, что промышленность синтетического каучука подходит все ближе к этой цифре. Советская техника заставляет картофель, из которого вырабатывается спирт, успешно конкурировать с тропическими каучуконосами, а руководители производства

синтетического каучука считают, что недалеко то время, когда Советский союз с 1 га посева картофеля будет получать столько же каучука, сколько получают плантаторы с 1 га тропической хевии. Такой исход несомненно явился бы победой мирового значения. Вместе с тем необходимо отметить, что качество синтетического каучука не стоит еще на должной высоте и что над этой проблемой надо еще основательно поработать.

Еще большие перспективы в этом деле открывает переход в производстве спирта от растительного сырья (картофель, хлеб) к синтетическому.

В настоящее время уже приступлено к постройке первого (опытного) завода по синтезу этилового спирта из нефтяных газов, что обещает создать новую очень богатую сырьевую базу для этого производства, соответственную экономии пищевого сырья, расхода рабочей силы и т. д. при значительно более низкой стоимости.

Спиртовой каучук дает возможность значительно сократить расход натурального каучука, позволяя получать полноценные резиновые изделия из смесей, содержащих 30—70% натурального каучука.

Не меньшие перспективы для создания собственной сырьевой базы резиновой промышленности открывает синтез каучука из ацетилена, являющегося полноценным заменителем природного каучука и с экономической точки зрения обещающего еще большие перспективы удешевления. Этот метод также уже переходит в стадию промышленного осуществления благодаря начатой постройке большого завода.

Общий вывод

Перед нашей промышленностью стоят еще огромные задачи как по завершению технической реконструкции, так и по освоению передовой техники. Вместе с тем и в целом ряде важнейших ведущих отраслей успехи в освоении техники позволяют ускорить темп развития этих отраслей.

Рост наших кадров дает возможность с каждым годом все полнее использовать наши резервы. Слова т. Сталина, что мы могли бы получить в 3—4 раза больше эффекта при надлежащем овладении производством, должны быть положены в основу нашей работы.

Наступил период нового ускорения темпов, о котором говорил т. Сталин, выдвигая лозунг освоения.

Тов. Сталин тогда указал, что переход к освоению новых заводов, новой техники несколько снизит наши темпы на первых порах. Но тогда же т. Сталин сказал, что во второй половине второй пятилетки мы на основе успехов освоения должны взять новый мощный разбег.

Этот срок настал.

Последние два года второй пятилетки должны быть годами могучего роста советского хозяйства на базе освоения самой передовой техники.

О советском рубле и советской торговле

Статья первая

«Деньги останутся у нас еще долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма — социалистической стадии развития». Этот исключительный по глубине тезис т. Сталина является ключом к правильному пониманию характера денег, товарооборота, цены, кредита, финансов, хозрасчета в условиях советской экономики и открывает новый этап в марксистско-ленинском исследовании этих категорий.

Сравнительно недавно еще встречались на страницах нашей печати «теоретические» высказывания о том, что вступление СССР в период социализма означает приближение конца сферы обращения денег, торговли. Этот вывод обычно аргументировался по-разному, но суть аргументов была одной и той же. Некоторые, обрекая деньги и торговлю на скоростную смерть, могильщиками их считали централизованное распределение и карточное снабжение, рассматривая последние как адекватные социализму формы, сменяющие денежное и товарное обращение.

Другие, после того как эта левацкая позиция была разгромлена, пытались дать новый «левацкий вариант» характеристики денег и товарооборота. Они связывали существование денег и товарооборота с наличием частной торговли, капиталистических и мелкотоварных форм хозяйства.

Торговля и деньги толковались ими как нечто извне «навязанное» социалистическому сектору, вынужденно используемое им потому, что существуют «несоциалистические» хозяйственные формы.

Отсюда следовал вывод, что по мере завершения коллективизации и ликвидации кулачества как класса отмирают деньги и товарооборот.

Тов. Сталин подчеркнул, что, будучи инструментом буржуазной экономики, товарно-денежная форма превратилась в СССР в орудие пролетарской диктатуры, служащее делу социализма, и тем самым в корне изменился ее характер.

Леваки же заимствовали у троцкистов трактовку товарно-денежной формы в СССР как капиталистической категории. У них этот инструмент буржуазной экономики и в условиях пролетарской диктатуры продолжал сохранять свой прежний характер. Отсюда следовал их вывод: либо этот инструмент буржуазной экономики сохраняется как капиталистическая категория, либо он вовсе отбрасывается и заменяется расчетными знаками, продуктообменом, что они и выдвигали.

Советская товарно-денежная форма — необходимый элемент социалистического воспроизводства. Пока существуют остатки старого разделения труда, различие между умственным и физическим трудом, между городом и дерев-

ней, общественный труд, являясь уже непосредственно общественным, должен еще иметь денежную форму выражения. Поскольку общественный продукт получает денежную форму выражения, естественно сохраняется сфера обращения, товарооборот. Пока труд не превратился в первую жизненную потребность, сохраняется необходимость денежной формы контроля над мерой труда и мерой потребления.

Создать полностью все организационные и технические предпосылки для окончательной замены денег прямым трудовым учетом и распределением можно будет лишь на базе перехода от социалистического труда к труду высшей фазы коммунизма.

Деньги при социализме являются прежде всего всеобщей мерой социалистического труда, социалистического продукта. Именно отсюда вытекают все функции денег при социализме.

По мере приближения к бесклассовому социалистическому обществу значение денег, торговли, цены, хозрасчета укрепляется. Построение фундамента социалистической экономики, окончательная победа колхозного строя обусловили переход к замене централизованного распределения и карточной системы, ослаблявших роль советского рубля, развернутой советской торговлей.

В данной статье освещаются некоторые моменты, характеризующие цену на современном этапе как денежную форму выражения продукта социалистических предприятий.

Советская цена, цена в социалистических предприятиях в корне отлична от капиталистической цены, выражающей движение капитала, капиталистические антагонизмы и эксплуатацию.

Тот факт, что в советской цене пролетарская диктатура осуществляет денежное выражение социалистического труда, определяет коренную противоположность советской цены цене капиталистической. За образованием цен при капитализме скрывается господство капитала, капиталистической собственности, закон стоимости в его различных проявлениях, прибавочная стоимость, капиталистическая прибыль, капиталистические монополии, эксплуатация пролетариата, крестьянских масс — в частности и через сферу обращения, — абсолютное и относительное обнищание трудящихся. Установление советских цен выражает господство пролетариата, социалистической собственности, отсутствие эксплуатации на социалистических предприятиях, союз пролетариата с трудящимися крестьянством, систематический подъем их материального уровня. Это значит в частности, что не может существовать советской цены рабочей силы, советской цены земли, советской цены фабрики.

В условиях капитализма колебания цен, соотношение цен и себестоимости отражают стихийные процессы, происходящие в области капиталистического производства, распределения и обращения, и в то же время они являются фактором стихийного перераспределения ресурсов в народном хозяйстве, фактором «перекачки» капитала из одной отрасли в другую.

В советской же цене: 1) пролетарская диктатура сама отражает ход социалистического воспроизводства, причем 2) этот ход социалистического воспроизводства определяется ею же и 3) пролетарская диктатура в то же время планомерно использует цену в интересах социалистического воспроизводства.

Если при капитализме колебания цен, отражая стихийные условия воспроизводства, сами по себе влекут за собой стихийную передвижку капиталов, то планоно устанавливаемая пролетарской диктатурой советская цена неразрывно связана с плановым распределением всех материальных ресурсов.

Установление советских цен служит для пролетарской диктатуры одним (но не единственным) из существеннейших орудий планового распределения и перераспределения ресурсов, а следовательно достижения определенных темпов социалистического накопления, роста промышленности и сельского хозяйства и их правильных взаимоотношений, роста реальной зарплаты, покупательских фондов населения, укрепления рубля и т. д.

Цена в социалистических предприятиях—это денежное выражение социалистического продукта, общественного труда, на него затрачиваемого, устанавливаемое пролетарской диктатурой с учетом себестоимости и накопления как во всем народном хозяйстве, так и в отрасли, производящей данный продукт, с учетом распределения народного дохода, в частности—между городом и деревней, с учетом соотношения накопления и потребления в народном хозяйстве, а также наличия рыночных фондов данного продукта, уровня и характера спроса на него.

Все эти моменты получают все более полное и лучшее сочетание по мере перехода к развернутой советской торговле, к единым ценам.

Основной линией пролетарской диктатуры при установлении общего уровня цен является систематическое их снижение, базирующееся на росте производительности труда и снижении себестоимости и увязанное с прочими моментами, отмеченными в приведенном выше определении советской цены. Это и находит свое выражение в движении цен во второй пятилетке. По мере отмены карточной системы и перехода к единым ценам (на этом мы подробнее остановимся в другой статье) все больше и больше усиливается база для снижения цен. Цена при карточном снабжении естественно чрезмерно низка для ненормированной торговли, она в частности не соответствует соотношению товарных фондов и покупательского спроса населения. Ясно, что создание подлинной экономической базы систематического снижения цен требует перехода к ненормированной торговле. При переходе к ненормированной торговле не только создается экономическая возможность такого снижения, но и безусловная необходимость его—хотя бы потому (помимо ряда других соображений), что быстро растущие товарные фонды при отсутствии снижения цен будут затовариваться, поскольку во второй пятилетке запроектирован значительно более быстрый рост товарного предложения, чем покупательского спроса. Новое соотношение спроса и предложения, связанное с развертыванием советской культурной ненормированной торговли, экономическое создаст значительную заинтересованность самих торгующих организаций и промышленности в снижении цен на свои товары, в снижении себестоимости, издержек обращения. Далее, переход к ненормированной торговле создал мощную базу экономического регулирования цен колхозного рынка, чего не было в рамках карточной системы.

Снижение цен является мощным рычагом одновременно и снижения себестоимости, и укрепления рубля, и повышения материального уровня трудящихся города и деревни, в частности роста реальной заработной платы. Все эти три момента наилучшим образом здесь сочетаются.

Являясь отражением производительности труда, цена в руках пролетарской диктатуры служит орудием роста производительности труда. Так например, рост производительности труда достигается путем давления на снижение себестоимости через снижение цен.

Далее, рост производительности труда вызывается и укреплением хозрасчета, связанным со снижением цен, что вызывает усиление борьбы за качественные показатели, и укреплением устойчивости рубля. Усиление роли цены и укрепление хозрасчета неразрывно связаны. Рост производительности труда вызывается и повышением материального уровня трудящихся, связанного со снижением цен, в частности со снижением цен на товары, потребляемые селом. Правильное соотношение цен как между сельскохозяйственными, так и между промышленными товарами является весьма существенным экономическим стимулом к росту производительности труда, качества этого труда, затрачиваемого на производство этих товаров.

Советская политика цен является существенным орудием строительства социализма, союза с крестьянством, классовой борьбы с капиталистическими элементами. Посредством цены осуществляется распределение и перераспределение народного дохода, соответствующее интересам социализма, социалистической индустриализации, социалистической перестройки села. Это находит свое выражение в особенности в той роли, которую цена играет в государственном бюджете. Огромную роль играет цена в едином комплексе с производственной помощью деревне, со всеми финансово-кредитными и торговыми рычагами в деле укрепления смычки пролетариата с трудящимся крестьянством, организационно-хозяйственного укрепления колхозов, превращения колхозников в зажиточных. Правильное установление цен, их снижение, неуклонная борьба за твердое соблюдение установленных цен являются мощным орудием борьбы с остатками капиталистических элементов, пытающихся еще зацепиться за рынок и найти там базу для своей паразитически-спекулятивной «деятельности». Советская политика цен предусматривает такой их уровень в государственной и кооперативной рознице, который оказывал бы систематическое снижающее воздействие на цены колхозного рынка и экономически бил бы по спекулятивным повышательным тенденциям рынка (что имеет немалое воспитательное значение для колхозников и колхозов); в то же время этот уровень цен в государственной и кооперативной рознице не должен благоприятствовать спекулятивным перекупкам товаров по пониженным ценам для перепродаж по повышенным (здесь важно, чтобы пониженный уровень цен был «подкреплен» достаточными товарными фондами). Советская политика цен предусматривает неуклонную борьбу с малейшими проявлениями такого пережитка капитализма в торговле, как «нэпманский дух» — превышение установленных цен, обсчеты потребителя и т. д. Борьба с «нэпманским духом» в торговле, — борьба с извращениями по линии цен — также одна из форм классовой борьбы.

Наконец, в условиях карточного снабжения, которое на опреде-

ленном отрезке времени играет весьма существенную положительную роль и сейчас заменяется ненормированной развернутой советской торговлей с едиными ценами, классовым интересам пролетарской диктатуры, интересам борьбы с капиталистическими элементами служит система двойных цен. На ряде этих моментов советской политики цен, связанной с непримиримой борьбой со всяческими буржуазными, антипартийными, оппортунистическими тенденциями, мы остановимся подробнее в другой статье, а пока вернемся к приведенному выше определению советской цены.

На современном этапе советские цены устанавливаются органами пролетарской диктатуры либо непосредственно, например в промышленности, госторговле, потребкооперации, заготовках, либо складываются на рынке под ее экономическим воздействием (колхозные базары). Таким образом изменения советских цен, изменения в соотношении цен и себестоимости определяются не стихийными процессами, а интересами пролетарской диктатуры, ее волей. Пролетарская диктатура исходит при установлении уровня цен, соотношений цен между собой и соотношений цены с себестоимостью из конкретного учета прежде всего следующих моментов:

1. Условий производства (производительность труда и отражающая ее себестоимость по отдельным отраслям и в народном хозяйстве в целом; задача максимального внедрения хозяйственного расчета и снижения себестоимости; плановое стимулирование производства тех или иных промышленных или сельскохозяйственных товаров).

2. Условий распределения и перераспределения ресурсов (социалистическое накопление, поступления в государственный бюджет по линии бюджетных наценок, налога с оборота и т. д.; соотношение накопления и потребления в народном доходе; задача повышения реальной заработной платы; темпы роста материального уровня трудящихся города и деревни; значение того или иного товара в потреблении трудящихся).

3. Условий обращения и потребления (покупательный спрос, его структура и степень удовлетворения; скорость оборота товаров; предотвращение возможности спекулятивных перекупок тех или иных товаров; задача влияния на цены колхозного рынка; задача внедрения тех или иных товаров в обиход).

Ясно, что все эти моменты взаимно переплетаются. При этом примат принадлежит условиям производства, производительности труда. Речь идет не только о производительности труда в той или иной отрасли, но и о производительности труда в социалистической промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте — в целом. Приведем пример того, как условия распределения зависят здесь от условий производства. От темпов роста производительности труда, а следовательно и снижения себестоимости в промышленности в огромной мере зависит и потребность в том или ином распределении и перераспределении ресурсов через госбюджет, через цену (как известно, через цены реализуется значительно больше половины доходов госбюджета). Уровень розничных цен на предметы потребления не может не зависеть от себестоимости и производительности труда в тяжелой промышленности. Борьба таких передовых командиров тяжелой индустрии, как директор Макеевки т. Гвархария, за рентабельность своих предприятий имеет в то же время огромное значение для создания ресурсов к снижению бюджетных

наценок, к снижению розничных цен. Советская цена отражает состояние производительности труда в социалистических предприятиях: именно повышение производительности труда в народном хозяйстве СССР создает в конечном счете базу, ресурсы для снижения розничных цен—отрицать это значит порывать с азбукой марксизма.

Ясно, что и условия обращения, учитываемые при установлении цен, также зависят от условий производства. Так например, степень насыщения спроса, учитываемая при установлении цены, зависит от объема производства данного продукта.

Все эти условия производства, распределения, обращения и потребления, учитываемые при установлении цен, не являются чем-то возникающим за спиной пролетарской диктатуры. Они сами создаются ею в процессе социалистического строительства. Но поскольку они созданы, для их развития в желательном направлении требуется соответствующее использование пролетарской диктатурой механизма цен.

Таким образом советская цена выступает как одно из весьма существенных звеньев во всем комплексе народнохозяйственного плана пролетарской диктатуры. Советская цена не является продуктом произвольного творчества. В ней отражаются процесс социалистического воспроизводства, производительность труда, классовые отношения. Весьма грубой ошибкой было бы выхолащивать материальное, трудовое, классовое содержание цены, превращать ее в некую идеальную категорию. Но не менее грубую ошибку делают те, кто рассматривает советскую цену как пассивное отражение всех этих материальных моментов. Советская цена не только отражает эти моменты — она является мощным рычагом в руках пролетарского государства, посредством которого оно воздействует на сферу производства, распределения, обращения и потребления. Чем лучше в советской цене учтен весь комплекс экономических условий, чем лучше цена экономически обоснована, тем в большей мере она является активной экономической силой. А развитие советской цены предполагает переход к единой цене, в максимальной мере экономически обоснованной, с растущим экономическим значением, с растущей экономической силой.

В советской цене выражается в денежной форме социалистический продукт, общественный труд, на него затраченный. Но при этом, естественно, получается известное отклонение цены отдельного товара от его себестоимости.

Как выше уже было сказано, при установлении цены, т. е. при плановом денежном выражении общественного продукта, пролетарская диктатура исходит не только из затрат труда на данный продукт, из себестоимости данного продукта (хотя этот момент и играет немалую, а подчас и весьма значительную роль). Принимаются во внимание состояние накопления во всем народном хозяйстве, покупательные фонды населения, задания по реальной зарплате. Все это учитывается при установлении общего уровня цен, обеспечивающего определенное соотношение накопления и потребления и соответствующего покупательным фондам населения.

От общего уровня цен, в частности розничных, от общего соотношения цен и себестоимости в огромной мере зависят финансовые ресурсы промышленного производства в целом, а следовательно за-

висят и финансовые возможности для расширения того или иного вида производства. Этот общий уровень цен получает определенную дифференциацию по каждому товару. Пролетарское государство, исходя из конкретных особенностей того или иного товара, из его роли в процессе воспроизводства, в товарообороте, в бюджете трудящихся, из особенностей производства и реализации этого товара, из состояния спроса на него, решает, каково должно быть соотношение между ценой и себестоимостью по данному товару. По одним товарам цена незначительно превышает себестоимость; по другим в силу тех или иных соображений даже иногда допускается уровень цены более низкий, чем себестоимость; по третьим товарам, которые являются относительно более подходящими для вовлечения денежных средств в бюджет, устанавливается весьма значительное превышение ценой себестоимости.

Ясно, что и соотношение цен между товарами в силу этого устанавливается не пропорционально трудовым затратам на каждый товар, не пропорционально его себестоимости.

Темпы роста производства тех или иных товаров также вовсе не пропорциональны разнице между их ценами и себестоимостью, так как бюджет в значительной степени перераспределяет эти разницы. Цена на трактор неизмеримо ближе к себестоимости, чем цена на водку. Ясно, что соотношение цен на трактор и на водку не пропорционально трудовым затратам на них, их себестоимости. Себестоимость в цене на водку составляет ничтожную долю. Государство считает необходимым устанавливать за трактор пониженные цены, а на водку начислять весьма высокую наценку, идущую в доход бюджета. В то же время и темпы развития тракторной и водочной промышленности не только не пропорциональны разнице между ценой и себестоимостью, но и в корне противоположны им. Если тракторная промышленность имеет блестящие перспективы роста, то водочная промышленность по понятным соображениям имеет совершенно иные перспективы.

Советская цена не выступает как основной рычаг, определяющий производство. Как в социалистической промышленности, так и в социалистическом сельском хозяйстве мы имеем непосредственно планируемое производство. Устанавливается производственная программа, ее количественные и качественные показатели, планомерно осуществляется капиталовложение, снабжение средствами производства. Не соотношение цены и себестоимости на тот или иной советский товар является основным фактором, определяющим направление капиталовложений на производство этого товара и объем производства этого товара. Однако это соотношение цены и себестоимости выступает здесь как существенный дополнительный фактор, экономически стимулирующий производство тех или иных товаров и дающий ресурсы для расширения производства этих товаров.

Устанавливая определенный уровень цен, снижая его, пролетарская диктатура создает экономический стимул к снижению себестоимости, а тем самым к повышению производительности труда и внедрению хозрасчета. Устанавливая определенное соотношение цен между отдельными товарами и даже сортами товаров в промышленности, пролетарская диктатура стимулирует производство определенных товаров и их сортов.

Эта функция цены используется до сих пор еще недостаточно как в производстве средств производства, так и предметов потребления.

Нужно добиваться того, чтобы, не повышая общего уровня цен и снижая его, привести соотношение цен на отдельные сорта товаров в большее соответствие с трудоемкостью этих сортов, их себестоимостью, а также со значением их для потребительского спроса. Нужна огромная кропотливая работа по упорядочению этих соотношений цен. Эта работа сыграла бы исключительную роль в деле укрепления хозрасчета и улучшения качества и ассортимента продукции нашей промышленности.

В социалистическом сельском хозяйстве подъем той или иной его отрасли определяется также в первую очередь не соотношением цен и себестоимости, хотя это соотношение и играет существенную роль, сплошь и рядом большую, чем в промышленности, особенно если учесть возрастание роли цены с переходом к развернутой советской торговле.

Устанавливая определенные заготовительные цены на с.-х. продукты, воздействуя экономическим путем на определенное соотношение цен на колхозном рынке (например в сторону относительно более высокого уровня цен на животноводческие продукты), пролетарская диктатура стимулирует большее развитие производства и товарности тех или иных сельскохозяйственных продуктов.

В первые годы нэпа в условиях мелкотоварного крестьянского хозяйства изменение соотношения цен на разные сельскохозяйственные продукты являлось одним из важнейших факторов изменения структуры сельскохозяйственного производства, в частности структуры посевных площадей. Пролетарская диктатура широко использовала цену как рычаг косвенного планового регулирования сельскохозяйственного производства. Теперь рычаг цены также играет существенную роль в планировании сельскохозяйственного производства, но он уже выступает в едином комплексе с рядом других рычагов пролетарской диктатуры, созданных в условиях преобладания производственной смычки, наличия широкой сети МТС, в условиях, когда сельское хозяйство состоит из крупных плановых хозяйств, в которых производственный процесс оперативно и непосредственно планируется.

При установлении цен пролетарская диктатура исходит из учета целого комплекса моментов, находя наилучшее их сочетание. Задачи повышения материального уровня трудящихся города и деревни, укрепления устойчивости рубля, снижения себестоимости, воздействия на колхозный рынок, борьбы с заговариванием связаны с соответствующим снижением цен, образуя как бы верхний лимит при установлении цен, но при этом учитываются и такие образующие нижний лимит моменты, как покрытие себестоимости, накопление, выполнение государственного бюджета, недостаточное покрытие спроса товарами фондами и борьба со спекулятивными перекупками. При всяком изменении цены отдельного товара учитывается соотношение его цены с ценами других товаров, так как цены представляют собой единую систему.

Учет соотношения спроса и предложения пролетарским государст-

вом при установлении советских цен так же отличается от роли спроса и предложения при капиталистическом ценообразовании, как диктатура пролетариата отличается от господства капитала. Это коренное отличие сказывается хотя бы в том, что и спрос и предложение в СССР носят совершенно иной классовый характер, что сама пролетарская диктатура определяет как фонды предложения и их структуру (товарные ресурсы, их распределение), так и покупательские фонды и их структуру (заработная плата, суммы за оплату заготовок, объем кредита и т. д.). Советская цена выступает здесь как одно из существеннейших орудий пролетарской диктатуры в новом установлении такого соотношения спроса и предложения, которое соответствовало бы интересам социалистического строительства на данном отрезке времени и на данном участке.

Далее пролетарское государство может реагировать на ослабление или усиление спроса на тот или иной товар непосредственным сокращением или расширением производства этого товара без тако-го посредствующего звена, как снижение или повышение цен.

Таким образом роль учета спроса и предложения при установлении даже розничных цен, не говоря уже об оптово-отпускных, имеет ограниченное значение, которое, однако не следует и преуменьшать, особенно в связи с переходом к развернутой советской торговле.

Правильный учет соотношения спроса и предложения при установлении цен должен, с одной стороны, обеспечить соответствующее удовлетворение потребительского спроса трудящихся, повышение их материального благосостояния и достаточную возможность сбыта товаров. С этим связывается верхний предел цены, но в то же время уровень цены не должен быть и чрезмерно низок, в противном случае в условиях открытой ненормированной торговли создался бы искусственный, взвинченный спрос, очереди, возникла бы почва для спекуляции.

В связи с этим устанавливается и нижний предел цены.

Советская цена должна служить фактором установления такого соотношения спроса и предложения, которое соответствовало бы условиям культурной советской торговли.

Она должна содействовать установлению такого правильного соотношения спроса и предложения, которое обеспечило бы в условиях широкой ненормированной торговли культурное обслуживание потребителя, возможность для него выбора товара и отсутствие спекулятивных перекупок, ажиотажа. Без экономически обоснованной цены, правильно учитывающей соотношение спроса и предложения и в частности устраняющей обстановку взвинченного спроса, не может быть нормальных условий для реализации товаров, культурной советской торговли, не могут быть до конца выкорчеваны методы механического распределения; без этого не может быть и подлинной экономической зависимости торговых организаций от покупателя, подлинной экономической заинтересованности в покупателе, не может быть и подлинного контроля рублем со стороны покупателя над продавцом. А это значит, что без правильного учета соотношения спроса и предложения при установлении цены не может быть и под-

линного укрепления роли советского рубля; либо (при затоваривании) рубль будет недостаточно быстро выполнять роль орудия обращения, либо (при взвинченном спросе) население будет «сбрасывать» деньги; не будут откладываться те денежные остатки, которые необходимы для правильного, устойчивого функционирования товарооборота, для культурной торговли. Итак, укрепление роли советского рубля требует такой скорости его оборота, которая соответствовала бы условиям культурной советской торговли. Это значит, что при установлении цен огромное значение имеет анализ скорости оборота того или иного товара, наличия остатков по данному товару на том или ином звене товаропроводящей сети и факторов, вызывающих изменение этих остатков. Правильное установление цен — мощный фактор ускорения товарооборота, борьбы с затовариванием, создания культурной советской торговли, борьба со взвинченным спросом, спекуляцией. Таким образом при установлении цен учитывается и в то же время определяется то или иное соотношение спроса и предложения.

Изменения в соотношении спроса и предложения зависят, разумеется, не только от изменения цен. В частности они зависят и от денежного обращения, а следовательно и от эмиссии денег. Количество денег в обращении не является безразличным моментом для советской цены. Это естественно, поскольку советская цена неразрывно связана со всеми элементами процесса обращения, да и не только обращения, а воспроизводства в целом.

«Деньги — расчетный знак, а цена, т. е. денежное выражение продукта, имеет в силу этого чисто номинальное условное значение; установление цен — это не экономический процесс, оно сводится к простой технике», — так рассуждали леваки. В этой вредной антимарксистской болтовне не в малой степени сказалась меньшевистско-идеалистическая концепция Рубина. Если советские деньги — простые расчетные знаки, а советская цена имеет чисто номинальное условное значение, то отсюда следует, что количество денег в обращении, объем финансирования, кредитования и уровень цен могут устанавливаться у нас произвольно, независимо от условий воспроизводства и что при любом количественном выражении сумма денег в обращении, объем финансирования и кредитования и уровень цен не могут оказать обратного отрицательного влияния на ход процесса воспроизводства. Если деньги — простые расчетные знаки, движение и реальное содержание которых произвольно определяются планом, то, естественно, отпадает и специфическая роль денег и цены в процессе воспроизводства, их воздействие на процесс производства.

Так например уровень цен становится безразличным в отношении стимулирования улучшения качественных показателей производства, отпадает влияние снижения цен на производственные показатели, на снижение себестоимости, на рост производительности труда.

Отпадает контроль рублем, роль хозяйственного регулирования через кредит, соблюдения кредитной дисциплины, сроков погашения ссуд, стимулирующих ускорение оборачиваемости средств. Сводятся на-нет финансовая дисциплина, борьба за хозрасчет, экономию, рен-

табельность, за улучшение качественных показателей. В самом деле, если деньги — расчетные знаки, если их количество произвольно, то к чему финансовая и кредитная дисциплина, к чему хозрасчет, к чему борьба за рентабельность?

Эта «концепция» отрицает дезорганизующую роль перенасыщения деньгами сферы обращения, перефинансирования, перекредитования, «снимает» задачу внедрения хозрасчета, контроля рублем, отрицает все значение рубля как мощного экономического рычага, посредством которого пролетарская диктатура вызывает рост хозяйственных показателей как количественных, так и качественных.

К сожалению влияние этой «концепции» сказалось в 1930—1931 гг. в фактах извращений партийной линии в практике финансово-кредитных органов (в частности в автоматизме кредитования «под план»), в фактах ослабления в тот период финансово-кредитной дисциплины.

Вопрос о количестве денег в обращении имеет огромное значение для правильного функционирования финансово-кредитно-денежной системы, для укрепления хозрасчета, для развертывания культурной советской торговли. «Левые» уроды, заимствовавшие у Преображенского его троцкистскую «теорию» безудержной эмиссии, естественно, отрицают то, что в условиях советской экономики чрезмерная эмиссия денег ведет к неблагоприятным последствиям для обращения, а через него и для производства. Из отрицания этих левацких взглядов однако вовсе не следует, что эмиссия в сколько-нибудь крупных размерах у нас вообще недопустима, что «высшей финансовой мудростью» для нас является бесконечное сокращение денежной массы, не взирая на то, что потребность в ней усиливается (быстрый рост товарооборота, рост сбережений и т. д.). Разумеется, условия, определяющие потребную массу орудий обращения в СССР, в корне отличны от условий, имеющих место при капитализме. При том эти условия не существуют как нечто внешнее для пролетарской диктатуры. Они сами создаются ею (товарная масса, цены, покупательный фонд, скорость оборота и т. д.). Но, коль скоро эти условия созданы и существуют, эмиссия должна их учитывать. Советские деньги — инструмент пролетарской диктатуры, причем пользование этим инструментом, естественно, имеет свои закономерности, и игнорирование этих закономерностей привело бы к его ухудшению.

Не останавливаясь в данной статье на анализе всей проблемы количества советских денег в обращении, коротко остановимся лишь на одной стороне этой проблемы — на вопросе о влиянии чрезмерной эмиссии на уровень советских цен. Эмиссия советских денег — производное от всего процесса расширенного социалистического воспроизводства. Решающим условием, обеспечивающим в конечном счете возможность избежать чрезмерной эмиссии, является выполнение плана в области производительности труда и себестоимости. Базой здорового советского государственного бюджета и денежного обращения является успешное выполнение планов в области социалистического производства. Допустим, что ход выполнения планов по себестоимости неудовлетворителен, допустим далее, что в связи с

этим для сбалансирования государственных расходов доходами была бы допущена такая безудержная эмиссия, которая совершенно игнорировала бы реальную потребность товарооборота в деньгах. Могла ли бы такая эмиссия оказать влияние на уровень цен даже в нынешних условиях, когда Россия неповская превратилась в Россию социалистическую? На этот вопрос следует безусловно дать положительный ответ, имея при этом в виду, что эмиссия не является здесь конечной причиной, что она сама определяется процессами, лежащими в сфере производства. Дать отрицательный ответ на этот вопрос значит неизбежно скатываться на позицию левацких «теорий» о «расчетных знаках», о «номинальной цене» и т. д. Эмиссия, игнорирующая пределы насыщения оборота деньгами, проявилась бы в конечном счете в искусственном возрастании покупательских фондов в городе и деревне. Этот искусственный рост покупательских фондов при отсутствии соответствующего роста товарных фондов неизбежно привел бы к возрастанию товарного дефицита. Необходимое для развития культурной советской торговли правильное соотношение спроса и предложения могло бы быть настолько нарушенным, что увеличились бы очереди, ажиотаж. Охвостье капиталистических элементов, остатки паразитов-спекулянтов попытались бы использовать эту ситуацию для спекулятивных закупок в целях перепродажи по взвинченным ценам. Поскольку при установлении цен учитывается степень напряженности потребительского спроса, при этих условиях были бы весьма сужены возможности снижения цен в государственной и кооперативной торговле.

Давление взвинченного покупательского спроса сказалось бы на колхозно-крестьянском рынке, в силу чего экономическое регулирование рынка было бы ослаблено, рыночные цены могли бы возрасти. При наличии товарного дефицита в сети государственно-кооперативной торговли могла бы обнаружиться тенденция к превышению ценами рынка цен госторговли и потребкооперации и следовательно к образованию двух цен. Все это в свою очередь могло бы создать известные затруднения для нормального функционирования ненормированной торговли и усилить базу для спекуляции. Повышение цен на рынке при сохранении стабильных цен в децзаготовках могло бы неблагоприятно сказаться на объеме децзаготовок и тем самым на наличии товарных фондов госторговли и потребкооперации, что еще более усилило бы товарный дефицит, наконец оно могло бы сказаться на известном повышении себестоимости, издержек обращения, например повышении расходов на груз, а следовательно на накоплении, что могло бы оказать обратное влияние на цены.

Партия уделяет особое внимание правильному использованию эмиссии, финансовой дисциплине, режиму экономии, решительной борьбе с перенасыщением оборота деньгами. Базой для этого является правильное соотношение производительности труда и зарплаты. Отставание темпов роста производительности труда может повлечь за собой чрезмерный выпуск денег в оборот (в связи с покрытием расходов, в частности зарплаты) без соответствующего выпуска товарных фондов. Партия добилась за последние годы исключительных, блестящих успехов в деле приведения денежной массы в соответствие с товарной; огромную роль в частности здесь сыграло достигаемое из года в год превышение государственных расходов доходами.

Изменение советских цен иногда отождествляется с изменением покупательного значения советского рубля, что неверно. За последние годы роль советского рубля, его покупательное значение резко выросло. Может ли этот рост покупательного значения советского рубля быть сведен к среднему изменению цен? Разумеется, нет. Покупательная роль советского рубля выражается не только в уровне цен, но и в степени возможности для трудящихся свободно превратить деньги в предметы потребления по своему выбору. Когда эта возможность ограничена, как при карточной системе, определенными товарами определенных сортов, определенными нормами, определенным местом и определенным сроком, функционирование рубля как орудия обращения не получает полного развития. Неограниченное превращение советских денег в средства потребления трудящихся, т. е. полное развитие этой функции орудия обращения делает возможной подлинно культурную советскую торговлю, контроль рублем со стороны потребителя над торговой организацией и экономически усиливает внимание со стороны последней к его запросам.

Чем больше возможностей для трудящегося бесперебойно превращать деньги в товары — средства потребления, чем богаче для него возможности выбора этих средств потребления по своему вкусу и желанию, тем выше роль советского рубля, тем больше его покупательное значение.

Низкий уровень цен при узкой товарной базе, при ограниченных возможностях превращения денег в средства потребления реально может отражать более низкое покупательное значение рубля, чем несколько более высокий уровень цен, но при широкой товарной базе, при широких возможностях превращения денег в средства потребления. И поэтому, когда речь идет о повышении покупательного значения советского рубля за последние годы, совершенно недостаточно характеризовать это только понижением среднего уровня цен, тем, что некоторый рост цен нормированных товаров как в 1934 г., так и в 1935 г. с лихвой перекрывается снижением цен колхозных рынков и ненормированной торговли. Необходимо учесть и коренной поворот в соотношении нормированной и ненормированной торговли, означающий исключительно большое развитие функции средства обращения советского рубля.

В 1931 г. товарные фонды, отпускавшиеся по нормам, превышали, товарные фонды, реализовавшиеся без норм.

В 1935 г. нормированный отпуск занимает уже весьма ограниченное место. Если привести весь розничный товарооборот (включая ненормированную торговлю как по единым ценам, так и по коммерческим, нормированный отпуск товаров, а также и базарную торговлю), к одним и тем же ценам, а именно к ценам ненормированной торговли, то структура его в мае 1935 г. будет следующей.

Ненормированная торговля по единым и по коммерческим ценам — 70 — 72 %.

Нормированный отпуск — 10 — 12 %.

Базарная колхозно-крестьянская торговля (кроме сельских базаров) — 16 — 20 %.

Таким образом около 90 % всех товаров, приведенных к одним и тем же ценам, реализуется в системе открытой ненормированной

торговли, а если вести учет в дифференцированных ценах, т. е. в тех фактических ценах, по которым товары реализуются в ненормированной торговле, на базарах и в нормированном отпуске, то этот процент повышается до 96. Иными словами, из каждого в среднем затрачиваемого потребителями рубля только 4 коп. приходится на покупку нормированных товаров.

В то же время произошло резкое снижение цен в ненормированной торговле. Цены на колхозном рынке за два года (весна 1933 г. — весна 1935 г.) снизились в среднем по СССР в $2\frac{1}{2}$ —3 раза. Если бы на колхозном рынке сохранились сейчас те цены, которые существовали два года назад, потребителю пришлось бы для покупки той массы продуктов, которые он приобретает в 1935 г., уплатить на 30—35 млрд. руб. больше, чем он фактически уплачивает в нынешнем году.

Цены в ненормированной торговле за эти два года снизились почти в 2 раза. Это значит, что если бы сохранился прежний уровень цен ненормированной торговли, то ненормированные товары, приобретаемые в 1935 г., стоили бы в тех ценах на 70—75 млрд. руб. больше. Таким образом вся масса реализуемых в розничном обороте без норм товаров стоит на 100—110 млрд. руб. меньше, чем она стоила бы при сохранении прежнего уровня цен. Произошло удешевление более чем в 2 раза. Реальное удешевление здесь однако гораздо значительнее, если учесть, что по качеству товаров, по богатству ассортимента сделан по сравнению с 1933 г. значительный шаг вперед.

Таковы некоторые показатели того резкого усиления покупательной силы советского рубля, которое имело место за последнее время.

Пролетарская диктатура сама распределяет денежную и товарную массу, сама определяет покупательную силу рубля. Проводя отмеченные выше снижение цен, она повышает покупательную силу советского рубля, повышает его роль. В значительной мере именно благодаря проводимому снижению цен (при росте товарных фондов) население не только не усилило стремления быстро «сбрасывать» деньги, а стало усиливать отложение сбережений. Быстро растут вклады в сберкассы. Снижение цен таким образом явилось средством укрепления советского рубля и как орудия обращения и как орудия накопления, что неразрывно между собой связано. Об этом — в следующей статье.

К вопросу о методологии изучения уровня жизни рабочих

I

При исследовании уровня жизни масс обычно буржуазная социал-фашистская статистика ограничивается изучением номинальной и реальной заработной платы, изучением индексов стоимости жизни, изучением индивидуальных и семейных бюджетов. Такое исследование чрезвычайно суживает проблему. Такое ограничение исключает из исследования целый ряд явлений, непосредственно, органически связанных с уровнем жизни или в значительной мере определяющих его. Так например обычно не учитываются безработица, изменение производственных условий, интенсивность труда, длина рабочего дня, изменение ряда условий жизни рабочего и т. д. Обычно рассматривается уровень жизни рабочего в плоскости приходной и расходной части его бюджета, изучается структура его бюджета, изменение этой структуры, соотношение отдельных частей его и т. д., и из этого рассматривания делаются выводы о повышении или понижении уровня жизни рабочего. Такое рассмотрение в значительной мере выхолащивает самую проблему; структура бюджета и ее изменение превращаются в нечто самодовлеющее, независимое от производственных и других условий. Этот прием является совершенно понятным с точки зрения задачи буржуазной статистики скрыть действительный уровень жизни пролетариата. Правда, иногда бюджеты увязываются с величиной доходов, рассматриваются по рубрикам производств, специальностей, районов и т. д., но все это является лишь статистическим разнесением по указанным рубрикам, без анализа основных явлений, характеризующих указанные рубрики и в значительной мере определяющих уровень жизни.

«В августе 1933 г. Аберфольской компанией установлена была норма в 6 станков вместо прежних 4. Расценок был также понижен с 1,57 долл. до 1,17 долл. Чтобы получить свой прежний прожиточный минимум рабочим приходится вдвое больше работать» («Daily worker»),

Этот пример может говорить очень многое.

Рабочий при гораздо большей напряженности (интенсивности) может получить ту же самую заработную плату. Структура его бюджета может остаться почти неизменной при условии неизменности цен и т. д. И даже больше: могут быть некоторые передвижки в сторону рубрики «разное» за счет других чрезвычайно важных рубрик, например за счет питания, одежды и т. д. Это может произойти вследствие чрезвычайной интенсификации труда, увеличивающей расходы по «болезни», входящие в рубрику «разное». Анализ же структуры бюджета, оторванный от анализа явлений, определяющих ее, может

привести к выводу о неизменности уровня жизни или даже к выводу о повышении уровня жизни (на основании принятого почти всеми статистиками бюджетов закона Энгеля. О нем будет сказано ниже). В то же время фактически будет иметь место значительное понижение уровня жизни рабочего.

Изучение рабочего бюджета должно быть увязано с изучением значительного комплекса явлений, определяющих потребности рабочего, и прежде всего с его производственной обстановкой, напряженностью труда, охраной труда, рабочим днем и т. д. и т. д.

Боули предлагает учитывать даже состояние района, в котором живет рабочий, ибо и оно влияет на уровень жизни. Например антисанитарное состояние улицы не может не вызвать понижения уровня жизни и т. д.

При сравнении уровней жизни рабочих различных стран необходимо брать не статический разрез этих уровней, а их динамику и направление динамики. Сравнение статических разрезов не дает основания для каких-либо значительных выводов, ибо даже например совпадение статических данных не дает оснований для выводов об одинаковости уровня, так как при этом не учитывается весь сложный комплекс явлений, определяющих уровень жизни рабочих той или другой страны, и различие этих комплексов: социально-экономический строй, производственные условия и т. д. Изучение динамики уровня жизни по основным линиям только и может вскрыть процессы, характерные для той или иной страны. Вследствие невозможности сплошного обследования, выбор объектов обследования должен быть тщательно установлен с целью максимального охвата типических явлений, основных слоев рабочих: квалифицированных и неквалифицированных, организованных и неорганизованных, что не имеет места в статистике ряда стран. Огромное значение для ряда стран имеет порайонный учет (например Китай), учет различных национальных слоев рабочих (например Америка).

Конечно при всем этом должны быть установлены изучаемые периоды, учтены особенности различных периодов для различных стран и т. д. Периоды должны быть взяты максимально большими, чтобы выявить характерные особенности динамики уровня жизни рабочих различных стран, направление этой динамики, чтобы было элиминировано влияние случайных обстоятельств, не вытекающих из внутренних особенностей социально-экономического строя той или другой страны.

Большая трудность проведения такой работы возникает из целого ряда обстоятельств. Во-первых, из отсутствия или даже невозможности установления тотальных индексов, охватывающих весь сложный комплекс явлений, определяющих уровень жизни. Во-вторых, из недостаточности, ограниченности статистических данных, различной организации статистических материалов и т. д.

Но эти трудности имеются и при бюджетном исследовании уровня жизни. Даже при бюджетном исследовании изучение других данных явлений этого сложного комплекса внесет коррективы в выводы и даже может изменить характер выводов. Изучение статистических материалов вследствие их ограниченности должно быть дополнено изучением монографий, документов, дополнительными исследованиями и т. д. В классической древности, как известно, не было хорошо поставленной статистики, но, несмотря на это, изучение документов дает

возможность нарисовать достаточно ясную, если не достаточно полную картину жизни отдельных слоев и классов древности. Вне сомнения исследователи современности имеют в своем распоряжении неизмеримо большее количество материалов, дающих возможность известного дополнения, корректирования, некоторого элиминирования элементов тенденциозности и других элементов, мешающих объективности научного исследования.

Но буржуазная наука не может быть объективной. Она кровно заинтересована в затуманивании, в извращении действительности. Тенденциозность является орудием борьбы за сохранение капиталистического строя.

Кроме уже указанных имеется ряд показателей синтетического порядка, в которых как бы в избранном виде отражается если не весь комплекс явлений жизненного уровня, то во всяком случае значительная часть его. К таким синтетическим показателям можно отнести например: а) динамику смертности, анализ этой динамики, структуру ее; б) рабочий период, предельный возраст — низший и высший: изучение предельного возраста должно корректироваться изучением динамики численности рабочего класса; в) заболеваемость, инвалидность; г) детскую инвалидность, динамику населения и т. д.

II

Исследование динамики номинальной заработной платы имеет конечно большое значение при анализе уровня жизни рабочих. При неизменности цен на средства существования (включая в последние и средства удовлетворения культурных потребностей) изменение заработной платы конечно показывает изменение возможностей приобретения большего или меньшего количества средств существования. Но буржуазная статистика даже и в этом, в значительной мере гипотетическом случае, не может отражать действительных изменений уровня жизни и даже больше — приводит к неверным выводам. Выше был приведен пример платы труда ткачей Аберфольской компании. То же самое может быть и при изменении длины рабочего дня. Номинальная заработная плата даже при условии неизменности цен может быть стабильной или даже иметь тенденцию к повышению, в то же время уровень жизни рабочих может быть неизменным или даже несколько понизиться. Кроме того публикуемые статистические данные не всегда отражают действительный уровень номинальной заработной платы. В некоторых странах статистические данные отражают движение тарифных ставок. В значительной части стран статистическим учетом охвачены не все слои рабочих, а главным образом слои лучше оплачиваемых, что следовательно далеко не отражает действительного уровня жизни рабочих той или другой страны, если бы даже движение номинальной заработной платы и отражало движение уровня жизни рабочих.

Но если бы даже и не было указанных и других недостатков статистики заработной платы, движение номинальной заработной платы без сопоставления с рядом других процессов не является показателем движения уровня жизни.

Маркс подчеркивает, что при сопоставлении и сравнении заработных плат различных стран необходимо учитывать: а) объем различных потребностей рабочих, б) движение цен, в) издержки воспитания.

рабочего, г) роль женского и детского труда, д) производительность труда, е) величину рабочего дня, ж) интенсивность труда и целый ряд других условий.

Но даже при самом поверхностном сравнении заработных плат необходимо сведение средней заработной платы (средневзвешенной) в данном производстве к оплате рабочего дня одинаковой продолжительности, и кроме того для учета производительности и интенсивности труда необходимо сведение повременной оплаты к почасовой.

Конечно это представляет большие трудности вследствие разной постановки статистического учета в различных странах, недостаточности статистических данных.

При анализе семейной заработной платы, когда берут структуру семейного заработка по удельному весу заработка различных членов семьи как показатель уровня жизни, удельный вес заработной платы главы семьи буржуазной статистикой (бюро труда Лиги наций) обычно ставится в прямое отношение к уровню жизни семьи. Чем больше удельный вес заработной платы главы семьи, тем выше уровень жизни ее, ибо это якобы говорит о меньшей остроте необходимости для других членов семьи иметь самостоятельный заработок.

Несмотря на то, что такой подход иногда имеет в условиях капиталистической экономики некоторое основание для соответствующих выводов, было бы совершенно неверным рассматривать этот показатель как показатель уровня жизни рабочей семьи. Рост безработицы, а следовательно понижение количества занятых в рабочей семье даже при пониженном заработке рабочего может повысить удельный вес заработной платы главы семьи. Такие случаи в современных условиях являются далеко не единичными, и они говорят далеко не о повышении уровня жизни, а о понижении его.

Таким образом и структура семейной зарплаты, как и самый уровень заработной платы, дают очень немного для анализа уровня жизни, если они берутся вне связи с другими условиями, определяющими уровень жизни рабочего.

Изучение реальной заработной платы наталкивается на еще большие трудности, особенно при изучении динамики ее. Статистика в значительной мере искажает картину действительного движения реальной заработной платы. Индекс стоимости жизни часто чрезвычайно условно отображает действительную стоимость. Обычно не учитываются изменения структуры потребностей и структуры потребления. Английский *index cost of living* (соотношения между расходами на отдельные продукты установлены на основании бюджетного обследования 1904 г.) три десятка лет кладется в основу исчисления изменения уровня жизни, хотя за это время вне сомнения произошли значительные изменения и производственных условий, и потребностей рабочего, и структуры потребления. Эти изменения показывают и бюджетные обследования.

Бюджетные обследования обычно охватывают пять рубрик: питание, одежду, жилье, отопление и освещение, разное. Выше уже было указано, что анализ структуры бюджета вне связи с анализом других явлений, определяющих бюджет, не может быть достаточным показателем уровня жизни.

При обследовании семейных бюджетов (семейные бюджеты конечно гораздо более показательны, чем индивидуальные бюджеты, и кроме того индивидуальные бюджеты почти невозможно выделить из семейных бюджетов) обычно пользуются законом Энгеля, признанным

почти всеми статистиками рабочих бюджетов мира. Закон Энгеля в основу кладет, как известно, движение удельного веса расходов на питание. Чем больше удельный вес этих расходов, тем ниже уровень жизни рабочего. Высокий удельный вес расходов на питание говорит о большой напряженности этой потребности, являющейся наиболее острой потребностью, и следовательно остальные потребности не могут получить соответствующего удовлетворения.

Это положение кажется правильным и обычно подтверждается огромным количеством данных. Конечно при этом подчеркивается, что закон Энгеля является верным лишь при равенстве всех прочих условий. Но совершенно ясно, что нет и не может быть «прочих равных условий». Условия изменяются и в пространстве и во времени. Правда, исследователи указывают на то, что вопрос питания находится под влиянием таких факторов, как климат, раса, вкусы и относительный уровень цен. Производственные условия и другие социально-экономические факторы обычно не подчеркиваются¹. Между тем, как уже было указано выше, изменения бюджета и его структуры, рассматриваемые в отрыве от изменения производственных и других условий, дают очень немного оснований для научно обоснованных выводов, даже если берется одна и та же страна и одна и та же эпоха.

По данным «Lebour Research» (1933 г.), структура бюджета рабочей бочей семьи резко изменилась с 1914 по 1932 г.

Таблица № 1

	1914 г.	1932 г.
Пища	55	37
Одежда	14	8
Квартира и налоги	14	17
Освещение и отопление	5	13
Прочие	12	25

Структура бюджета английских рабочих 1914 г. более резко отличается от структуры бюджета 1932 г., чем структура бюджета чистильщика улиц в Киото (Япония) от структуры бюджета фабричного рабочего Токио.

Таблица № 2

1926—1927 гг.	Чистильщик улиц (Киото)	Фабричный рабочий (Токио)
Пища	44,2	37,7
Одежда	5,9	12,1
Жилище	8,9	18,2
Отопление и освещение	6,4	4,7
Прочие	34,6	27,4

Если пользоваться законом Энгеля, то из сопоставления структуры этих бюджетов (даже принимая во внимание разнохарактерность статистических материалов и т. д.) можно сделать ряд выводов, явно нелепых даже для поверхностного наблюдателя.

1. Уровень жизни английского рабочего в 1932 г. повысился по сравнению с уровнем жизни в 1914 г.

¹ Впрочем и подчеркивание перечисленных факторов в значительной мере не оказывает большого влияния на их исследования.

2. Уровень жизни чистильщика улиц в Киото в 1926/27 г. был выше уровня жизни рабочего в Англии в 1914 г. и т. д.

Самый поверхностный анализ показывает несостоятельность этих выводов. 1932 год — гребень экономического кризиса. Количество безработных значительно увеличилось по сравнению с 1914 г., заработная плата понижена и т. д. В то же время формальный анализ структуры бюджета рабочих на основании закона Энгеля говорит о повышении уровня жизни. Фактически же имеется значительное понижение уровня. Но изменение структуры бюджета в данном случае говорит лишь об изменении характера уровня жизни и, если можно так сказать, об изменении структуры его. Напряженность различных потребностей изменяется. И в этом далеко не последнюю роль играет рост рабочего движения, выдвигающий далеко вперед культурные потребности (книжки, газеты, взносы в организации и т. д.). Структура бюджета показывает, что удовлетворение этих потребностей идет за счет удовлетворения потребностей так называемой первой необходимости (питания, одежды). Конечно тут имеются не только количественные изменения в натуральном выражении, но и качественные: изменение структуры питания, качества питания и т. д.

Характерной чертой бюджетных исследований в капиталистических странах является изучение структуры бюджета вне связи с изменением структуры потребностей, вытекающим из изменения социально-экономической и особенно производственной обстановки.

Такое элиминирование этих важных условий может привести к выводам, явно противоречащим мало-мальски объективному научному подходу.

В этом отношении очень любопытно сопоставление структуры бюджета семьи фордовского рабочего со структурой бюджета японского рабочего. Правда, годы не совпадают, но разница в годах очень незначительна и, пожалуй, еще усиливает положение, развиваемое в настоящей статье.

Таблица № 3

	Питание	Одежда	Квартира	Отоплен. и освещен.	Разное
Семья фордовского рабочего ¹ (1929г.)	32,3	12,2	22,6	6,0	26,9
Семья японского рабочего ² (в среднем) (1927 г.)	32,6	13,0	15,8	4,6	34

Разница в структуре незначительна. При «прочих равных условиях» по закону Энгеля имеется почти совпадение уровней жизни среднего японского рабочего и рабочего Форда. Но нет «прочих равных условий». Все условия неравны. Интенсивность труда различна, величина рабочего дня не одинакова, сами потребности не одинаковы и т. д. и т. д.

Закон Энгеля является верным, если имеются «прочие разные условия».

1. Производственные условия: рабочий день, интенсивность труда и т. д.

2. Одинаковые потребности.

3. Неизменный уровень цен и т. д.

Другими словами: если рабочий получает вместо 100 иен 140, то —

¹ По данным государственного бюро статистики США.

если не изменился рабочий день, если не изменилась интенсивность труда, не изменились цены на продукты и т. д. — рабочий удовлетворяет такие потребности, которые он в должной степени раньше не удовлетворял. И из этой передвижки потребления и делается вывод о повышении уровня жизни рабочего. Но совершенно ясно, что этот вывод можно при этих условиях сделать независимо даже от анализа структуры бюджета. Если не изменились условия и рабочий начинает получать больше (в натуральном или в ценностном выражении), то уровень жизни его повысился.

Самое трудное и самое важное — это изучение изменений бюджета на основе и в связи с изменением условий, следовательно в связи с изменением потребностей рабочих, и не отдельных групп рабочих или даже всех слоев рабочих, но также и безработных, которые далеко не отделены стеной от остальной массы рабочих.

Исследование всех слоев рабочих и безработных (хотя бы и на основании выборочного метода), изучение динамики бюджета и структуры его в связи с динамикой производственных и других условий и динамикой потребностей рабочих, вытекающих из изменения производственных и других общественных условий, характер и направление динамики — вот что должно быть положено в основу изучения уровня жизни и сравнения различных уровней жизни. Конечно трудно охватить всю сумму производственных условий. Приходится ограничиваться рядом важнейших показателей. Такими важнейшими показателями является интенсификация труда, рабочий день. Интенсивность труда получает свое выражение и в росте выработки рабочего на единицу времени. Правда, имеется еще ряд факторов, определяющих движение выработки в единицу времени, но так или иначе и интенсивность труда отражается в этом показателе. Показателями изменений интенсивности труда являются также изменение скорости машины, конвейера, изменение количества обслуживаемых машин (6 станков например вместо 4). Косвенными, но чрезвычайно важными показателями являются: движение несчастных случаев на предприятии, предельный возраст рабочих. Чем больше интенсивность труда, чем хуже производственные условия, тем ниже предельный возраст рабочих и т. д.

Рабочий Форда например получает заработную плату несколько более высокую, чем рабочие других предприятий, но у Форда интенсификация труда гораздо более высокая, чем на других предприятиях. Таким образом к уровню жизни рабочих Форда нужно подойти с другой меркой. Рабочий Форда гораздо скорее изнашивается, чем многие рабочие других предприятий. Известно, что предельный рабочий возраст на предприятиях Форда — 40 лет и даже ниже. Предельный рабочий возраст является достаточно хорошим показателем производственных условий рабочего. Конечно при изучении среднего возраста и предельного возраста надо принять во внимание ряд обстоятельств, которые могут придать совершенно противоположное значение этим показателям. Если предельный рабочий возраст понижается без увеличения общего количества рабочих, без широкого вовлечения новых кадров рабочих, при наличии большой безработицы, это конечно является показателем ухудшения производственных условий и при прочих равных обстоятельствах показателем понижения уровня жизни. Например США дает почти стабильное, а иногда даже снижающееся количество рабочих при огромной хронической безработице.

Со всем противоположное явление замечается в СССР. В СССР безработица ликвидирована. Количество рабочих непрерывно растет. Идет пополнение молодыми кадрами. Следующая таблица показывает этот огромный рост численности рабочих и служащих в СССР (в тысячах):

Таблица № 5

1927/28 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
11 599	12 167,9	14 530,9	18 989,5	22 942,8	22 301,2

Целые новые предприятия осваиваются в основном молодежью. В таких условиях совершенно ясно, что средний возраст не может являться показателем понижения уровня жизни рабочего.

Все показывает, что анализ бюджета рабочего, его динамики и его структуры должен быть связан с анализом ряда данных, в значительной мере являющихся показателем уровня жизни. Такая связь вносит чрезвычайно существенные коррективы в анализ самих бюджетов.

Решающую роль в этом играет анализ производственных условий, в значительной мере определяющих все важнейшие элементы уровня жизни рабочих. К наиболее важным и в той или иной мере поддающимся изучению показателям производственных условий нужно отнести: 1) производительность и интенсивность труда (последнюю в значительной мере на основании косвенных показателей); 2) рабочий день; 3) предельный возраст рабочих; 4) еще ряд таких показателей, как движение травматизма и т. д.

Предельный возраст рабочего является показателем продолжительности рабочего периода. Совершенно ясно, что продолжительность рабочего периода является чрезвычайно важным решающим показателем уровня жизни рабочего. Если продолжительность рабочего периода сокращается, то это говорит о быстром изнашивании рабочей силы без соответствующей компенсации ее.

Одним из ярких показателей производственных условий является текучесть рабочих. Она может быть показателем или недостаточности заработка, огромной интенсивности труда, плохой охраны труда, неодинаковых условий на различных предприятиях и т. д. или совместного действия различных факторов. На предприятиях Форда заработная плата более высокая, чем на других предприятиях. Структура рабочего бюджета, как было уже показано выше, формально отвечает требованиям более высокого уровня жизни. Но в то же время текучесть некоторых слоев рабочих очень значительна.

В 1914 г. из 14 тыс. рабочих сменялось ежедневно 5,3 тыс. Это вносит существенный корректив в выводы, которые можно сделать из рассмотрения заработка и структуры бюджета. Вне сомнения текучесть является следствием огромной интенсификации труда. На одном из электростанций Японии сменялось ежегодно 34,6% мужчин и 66,2% женщин. Большая текучесть женщин говорит о тяжелых условиях, более непосильных для женщин, хотя текучесть среди мужчин рабочих является также значительной⁸.

⁸ Дж. Оргатд, Экономическое развитие Японии.

III

К показателям производственных условий нужно отнести показатели изменений квалификационного, полового и возрастного состава. Понижение квалификации нужно отнести к показателям понижения уровня жизни. Повышение удельного веса детского труда является также показателем понижения уровня жизни, ибо говорит о недостаточности заработков взрослых, о необходимости втягивания детей в производство и даже в чрезвычайно тяжелые производственные условия (например детский ночной труд в Японии, отмененный в июле 1929 г.). Если вопрос о динамике квалификационного и возрастного состава рабочего класса как показателей уровня жизни является достаточно ясным, то вопрос о втягивании женщин в производство является более сложным. Это может быть показателем и повышения, и понижения уровня в зависимости от характера втягивания и от условий работы женщин-работниц.

В Германии например во время кризиса удельный вес женского труда в керамической промышленности повысился, как и в целом ряде других отраслей. Происходило вытеснение мужского труда при понижении заработной платы. Ставка заработной платы женщин в среднем на 30% ниже заработной платы мужчин. Вне сомнения такой характер втягивания женщин в производство показывает понижение уровня жизни рабочей семьи. Вопрос о втягивании женщин в производство тесно связан с вопросами организации быта рабочей семьи. Если втягивание женщин в производство не идет параллельно с организацией общественного питания, общественного обслуживания детей и т. д., то неизбежным следствием является ухудшение бытовых условий, что не может не отразиться на уровне жизни рабочей семьи.

IV

Бытовые условия являются важнейшими показателями уровня жизни рабочих. Особенную роль играет жилищный вопрос. Удельный вес в структуре бюджета расходов на жилище является часто мало показательным, если не вскрывается конкретное содержание этих расходов. Рабочий в Сурабае (Индонезия) тратит 50% своего заработка на жилище и 23% на питание.

Жилищные условия рабочего Сурабайи являются чрезвычайно тяжелыми, что конечно не только является выражением его уровня жизни, но и в значительной мере определяет этот уровень.

Жилищные условия, плотность населения, санитарное состояние, наличие водопровода, канализации, расстояние от места работы и т. д. не могут не оказывать самого сильного влияния на уровень жизни независимо от тех или иных структурных особенностей бюджета и даже в известной мере оказывают влияние на эту структуру. Одним из важных показателей уровня жизни рабочей семьи является здоровье и смертность детей, в значительной мере, зависящие от жилищных условий.

Сопоставление и увязывание различных рядов явлений, внутренние зависимых друг от друга, раскрывают содержание удельных весов структуры бюджетов, освобождают от некоторой фетишизации их, мешающей объективному научному исследованию, каким может быть только анализ на основе марксистско-ленинской методологии.

15,8% квартирных расходов по группе зарабатывающих в США от тысячи до 2 тыс. долл. в год, 22,6% квартирных расходов фордовского рабочего, 3,5% квартирных расходов американских миллиардеров, тратящих на квартиру сотни тысяч долларов в год, 50% квартирных расходов индонезийских рабочих являются величинами, которые сами по себе очень мало говорят. Они начинают говорить только в связи с анализом других явлений.

Чрезвычайно важными показателями уровня жизни рабочих являются безработица и численность рабочей силы. Рост армии безработных сам по себе является показателем понижения уровня жизни рабочих масс в целом, а также и понижения уровня жизни рабочей семьи. Совершенно ясно, что рост безработицы влечет понижение коэффициента занятости рабочей семьи, уменьшение отношения между работающими и неработающими членами рабочей семьи и следовательно понижение уровня жизни ее.

Переписи Индии, происходящие через каждые 10 лет, рисуют следующее соотношение между работающими и неработающими членами семьи:

Таблица № 7

	1911 г.	1921 г.	1931 г.
Промышленность	50 : 50	47 : 53	47 : 55
Транспорт	48 : 52	45 : 55	43 : 57

Обычно при анализе структуры бюджета культурные потребности относятся в рубрику «разное». Анализу культурных потребностей уделяется очень мало внимания, и они обычно имеют незначительный удельный вес в структуре бюджета рабочих. А между тем они являются чрезвычайно важными показателями его уровня жизни. Анализ их внес бы значительные коррективы в анализ бюджетов и их структуры. Яркой иллюстрацией является и рабочий Форда, уровень жизни которого считается обычно образцом высокого уровня жизни. Любопытные данные приводятся государственным бюро статистики труда США:

Таблица № 8

		Количество единиц	Количество семей
Билеты в кино	в год	33	1
Количество спектаклей и концертов	»	1	10
Журналы и другие периодические издания	»	10,6	1
Книги	»	1	5

Кроме этих данных, рисующих культурный уровень, вернее возможности удовлетворения культурных потребностей, имеются общие данные, характеризующие с этой стороны уровень жизни: общая грамотность, степень грамотности, рост или понижение квалифицированных кадров рабочих и т. д.

Конечно полных статистических данных, охватывающих весь этот сложный комплекс явлений, нет, но имеется ряд может быть разрозненных данных, но все-таки чрезвычайно ценных, позволяющих вне-

сти важные, а иногда решающие коррективы в анализ уровня жизни рабочих, основанный на анализе рабочего бюджета с явлениями, определяющими его.

Кроме того имеется ряд показателей общего, так сказать, синтетического характера. Об этом говорилось выше.

а) Динамика смертности. Эта динамика смертности должна быть взята по основным классам населения, по отраслям производства. Кроме того причины смертности должны быть указаны, ибо анализ причин может дать характеристику как производственных, так и бытовых условий.

б) Рабочий период.

в) Заболеваемость, инвалидность по данным больничных касс и прочие показатели, отмеченные выше.

Распределение народного дохода дает общую картину положения рабочего класса и его отношения к положению других классов.



Выводы: анализ структуры бюджета рабочих является совершенно недостаточным для анализа уровня жизни рабочего. Во-первых, структура бюджета должна рассматриваться в динамике. Во-вторых, ее рассмотрение должно быть увязано с анализом динамики ряда факторов:

а) Производственные условия. Рабочий день. Производительность и интенсивность труда. Динамика травматизма.

б) Женский и детский труд.

в) Бытовые условия. Скученность и т. д. Данные по жилищно-строительству.

г) Динамика безработицы. Динамика занятости членов рабочей семьи. Динамика численности рабочей силы. Сдвиги в рабочем классе.

д) Динамика культурности. Общая грамотность и др.

е) Динамика смертности взрослых и детей.

ж) Динамика здоровья (по данным призывов и школьных освидетельствований).

з) Доля рабочего класса в народном доходе.

Только при этих условиях получается действительная картина уровня жизни, характер и направление изменения его. Анализ бюджета и его структуры в свете всех этих процессов может быть действительно научно обоснован.

V

При подходе к изучению уровня жизни рабочих в СССР многие замечания, сделанные по отношению к исследованию уровня жизни рабочих в других странах, остаются верными: например необходимость рассмотрения всех явлений не в разрезе статистики, а в динамике, рассмотрение основных процессов этого сложного комплекса в их взаимной увязке и т. д.

Но специфическая социально-экономическая структура СССР также вызывает необходимость учета этой специфичности. Уже хотя бы то обстоятельство, что основные средства производства не находятся в руках отдельных частных собственников, а являются собственностью всего государства (фабрики, заводы, земля, недра и т. д.), что хозяйство СССР развивается планомерно, а не стихийно и т. д. — все это не

может не отразиться на уровне жизни рабочего и следовательно на характере исследования его.

Отсутствие распыленности народного хозяйства по отдельным хозяйственным единицам, плановость хозяйства, учет его создают возможности пользования такими статистическими аппаратами, которые являются невозможными в других странах. Это в значительной мере облегчает задачу исследования.

Кроме индивидуальной заработной платы, неуклонно растущей из года в год, рабочие получают в различной форме средства из так называемых общественных фондов, находящихся в руках государства. Эти добавочные средства составляют значительный процент по сравнению с основной индивидуальной заработной платой.

Индивидуальная заработная плата и расходы государства на культурно-бытовое обслуживание изменялись по всему народному хозяйству следующим образом (в млн. руб.):

Таблица 9

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Весь фонд	926	1 127	1 427	1 571	1 791
Расходы государства на культурно-бытовое обслуживание	1 632,1	2 715,6	4 308,1	4 954,6	6 050,0

Эти расходы государства на культурно-бытовое обслуживание рабочих составляют около 40% всего фонда заработной платы. Таким образом при учете заработной платы рабочих СССР и структуры потребления необходимо учесть и эти средства, идущие на обслуживание рабочих. Чрезвычайно важно учесть не только структуру индивидуального потребления рабочих, но и структуру расходов этого общественного фонда. Общественные фонды расходуются по следующим линиям: 1) пособия по соцстраху, 2) пособия профсоюзов, 3) стипендии, 4) просвещение и культурное обслуживание, 5) здравоохранение, 6) фонд улучшения быта рабочих. Наиболее крупные расходы идут на соцстрах, здравоохранение и просвещение.

Чрезвычайно важным является рассмотрение в структуре расходов отдельных рубрик общественных фондов. Это дает более или менее полную картину обслуживания рабочего указанными фондами. При изучении уровня жизни рабочего в СССР, заработной платы, потребления и т. д. чрезвычайно важно учесть огромные сдвиги, происшедшие и происходящие в населении СССР, благодаря которым происходит значительная передвигка целых групп с более низким уровнем жизни в группы с более высоким уровнем жизни. Например при переходе крестьян в 1931 г. на работу на стройку уровень жизни (заработная плата, потребление) повышался почти в три раза. Такие передвижки непрерывно происходят и в самой среде рабочего класса.

Конечно и по отношению к рабочим СССР далеко не является достаточным только изучение движения заработной платы и даже фондов общественного потребления, их потребления, структуры его вне связи с явлениями, которые в значительной мере определяют их и отчасти определяются ими, вне связи с производственными условиями и т. д. При изучении роста производительности и интенсивности труда как в условиях СССР, так и в условиях других стран необходимо

отличать и характер, производительность и интенсивность труда и их нормальный или ненормальный рост по отношению к здоровью рабочих.

Очень важными являются некоторые косвенные показатели, например движение травматизма, заболеваемости, инвалидности и т. д.

Следующие таблицы иллюстрируют движение этих показателей по основным отраслям промышленности СССР.

Таблица № 10

	Временной нетрудоспособности	Промышленный травматизм
	1933 г. в % к 1928 г.	1933 г. в % к 1928 г.
Каменноугольная промышленность	59,9	62,7
Добыча руд	62,3	57,5
Металлургия	75,4	61,6
Машиностроение	72,0	52,6
Электротехническая промышлен.	67,2	—
Спичечная промышленность	53,3	48,6
Лесопильно-фанерная промышленность	70,3	63,4
Текстильная промышленность . . .	77,2	64,5
Швейная «	64,6	40,9
Кожевенная «	59,2	42,9
Обувная «	57,5	49,7

Другим показателем производственных условий является рабочий день.

Динамика рабочего дня в СССР характеризуется следующими цифрами:

Продолжительность рабочего дня (число часов)	1912 г.	1928 г.	1933 г.
Вся промышленность	9,92	7,81	6,99

Одной из характерных черт производственных условий в СССР является ликвидация детского труда. Удельный вес женщин в промышленности растет, с 1928 по 1934 г. удельный вес женского труда вырос с 28,6 до 36,8%. Сам по себе рост удельного веса женского труда может быть показателем и понижения и повышения уровня жизни рабочих. Об этом уже говорилось выше.

Это является показателем понижения уровня жизни при условии меньшей оплаты труда женщин, при условии вытеснения мужского труда, при отсутствии соответствующей реорганизации бытовых условий и т. д. В оплате труда женщин и мужчин в СССР нет разницы. Оплата труда происходит на основе учета количества и качества труда независимо от того, к какому полу принадлежит тот или другой работник, причем удельный вес квалифицированного женского труда растет. В условиях отсутствия безработицы и непрерывного роста численности рабочего класса не может быть и вопроса о вытеснении мужского труда женским трудом. Один из важных вопросов — вопрос о предельном возрасте рабочих был кратко освещен выше. Там же указана была и специфичность разрешения этого вопроса в СССР.

Ликвидация безработицы является также специфической чертой социально-экономической структуры СССР, которую необходимо принимать во внимание при исследовании уровня жизни рабочих СССР.

Рост численности рабочего класса повышает коэффициент занятости членов рабочей семьи и следовательно значительно повышает и бюджет рабочей семьи. Например количество зарабатывающих в семье промышленного рабочего возросло с 1,2 в 1928 г. до 1,5 в 1931 г., т. е. на 25%. Весь доход семьи повысился за это время на 170% (конечно в этом росте значительную роль сыграло и повышение заработной платы рабочих).

Важным показателем уровня жизни рабочих является динамика квалифицированного и руководящего состава рабочих. В СССР идет неуклонное повышение удельного веса рабочих среди квалифицированного и руководящего состава промышленных предприятий.

Таблица № 12

Название должностей	% рабочих
Директора, их заместители и помощники . . .	52,5
Руководители цехов, смен и других частей производственного аппарата	51,4
Специалисты (не администраторы)	42,3
Мастера и десятники	76,8

Среди них имеется значительная прослойка работников с высшим и средним образованием.

Эти квалификационные сдвиги необходимо учитывать и как показатель культурного уровня, и как показатель материального уровня, ибо вместе с квалификационными изменениями меняется и оплата труда и следовательно меняется уровень потребления.

Изучение всех указанных явлений дает характеристику и производственных условий рабочего в СССР и характеристику возможностей бытового устройства.

Из бытовых условий наиболее важными являются жилищные условия и домашнее хозяйство. Одним из показателей жилищных условий и их изменений является динамика фондов жилищного строительства, развитие коммунального хозяйства (водопровод, канализация, трамвай и т. д.) в рабочих районах.

Капиталовложения в коммунальное хозяйство за 1932 г. увеличились по сравнению с 1931 г. на 65%, на жилищное строительство за 1934 г. по сравнению с 1931 г. — на 43,5% и достигли более 1,5 млрд.

Выросла и растет водопроводная, канализационная сеть, проведены в целом ряде городов новые трамвайные линии и т. д. Чрезвычайно показательным является социальный состав вселяемых в новые дома. Уже это в значительной мере говорит о перестройке бытовых условий.

Но в связи с втягиванием значительного количества женщин в производство чрезвычайно важным является вопрос о домашнем хозяйстве и воспитании детей.

Показателями перестройки быта в этом отношении могут быть: рост общественного питания, рост ясель и т. д. Данные таковы: закрытыми столовыми в 1932 г. обслуживалось 17,6 млн. чел., в

1933 г. — 18,2 млн. чел., яслями было охвачено детей в 1932 г. около 4,5 млн. и в 1933 г. — около 5,5 млн. детей.

Эти цифры говорят о реорганизации домашнего хозяйства, быта и о процессе высвобождения женщин из домашнего хозяйства. Выше уже отмечен был целый ряд показателей общего, синтетического характера.

К таким синтетическим показателям нужно отнести, как было уже указано выше: 1) динамику смертности населения, 2) показатель общей культурности, 3) показатели здоровья, охрана здоровья, 4) долю рабочего класса в народном доходе.

Учитывая специфическую социально-экономическую структуру СССР, необходимо изменить содержание четвертого показателя. Так как рабочий класс в целом является хозяином средств производства, стоит во главе всего хозяйства страны, то вернее употреблять показатель «распределения народного дохода».

Динамика рождения и смертности, т. е. динамика роста населения, является косвенным, но важным показателем уровня жизни.

Динамика роста населения такова:

1926 г. — 147 027

1929 г. — 154 287

1933 г. — 165 748

Еще более убедительные показатели динамики уровня жизни рабочих — показатели здоровья рабочих и рабочей молодежи. Очень интересные, важные данные можно найти в материалах измерений призываемых на военную службу рабочих.

Динамика физического развития рабочей молодежи
(по материалам измерений призываемых на военную службу рабочих)

	Средний рост (в см)		Средний вес (в кг)		Средняя окружность грудной клетки (в см)	
	1927 г.	1933 г.	1927 г.	1933 г.	1927 г.	1933 г.
Москва (русские)	167,33	167,98	61,28	62,64	87,84	89,02
Ленинград (русские)	167,01	167,99	61,19	63,14	87,67	90,39
Московская промышленная область (русские)	166,42	167,38	59,83	61,20	86,24	88,68
Ивановская область (русские)	165,92 ⁴	167,65	59,80 ⁴	60,91	86,28 ⁴	87,83
Горьковский край	166,10 ⁵	166,84	59,86 ⁵	60,87	86,60 ⁵	87,97
УССР (украинцы)	169,08	169,19	62,80	65,05	88,29	89,90

В связи с этим находятся и показатели меры охраны здоровья рабочего населения: динамика врачебной помощи, динамика обеспеченности основными видами здравоохранения, санитарно-курортное обслуживание и дома отдыха и наконец физкультурдвижение. Особенный интерес представляют последние показатели — санитарно-курортное обслуживание и физкультуробслуживание. В курортах и санаториях, домах отдыха за 1928 г. пребывало больше 500 тыс. чел., а в 1933 г. около 1150 тыс. (из которых около 90% рабочих). Физкультурдвижение характеризуется следующими цифрами: 1929 г. — 759 тыс.; 1933 г. — 6 203 тыс.

⁴ За 1925 г.

⁵ За 1926 г.

Все эти показатели являются важными и как показатели здоровья, как показатели мер охраны здоровья. Они говорят о росте здоровья и возможностях этого роста. Не менее важными являются показатели культурного роста. Такими показателями могут быть: рост грамотности, рост школ, количества учащихся, социальный состав учащихся. Представляет большой интерес и национальный состав учащихся, рост книжной и газетной продукции, посещение зрелищ, концертов и т. д.

Особый интерес представляет анализ бюджета времени рабочего. К сожалению, в других странах соответствующих исследований нет. В СССР периодически такие обследования ведутся, начиная с 1923/24 г. Бюджет времени является чрезвычайно важным дополнением к рабочему бюджету. Анализ его дает возможность осветить целый ряд явлений, обычно с трудом освещаемых на основании других данных. Потребности рабочего здесь располагаются в скале времени. Структура бюджета времени, ее изменение дают немало оснований для чрезвычайно важных выводов. Но и бюджет времени конечно нельзя брать изолированно от других факторов, определяющих уровень жизни рабочего. Очень много дает бюджет времени для анализа культурного роста рабочего.

	1923/24 г.	1930 г. (в часах)
М у ж ч и н ы		
самовоспитание	1,60	2,65
общественная деятельность . . .	0,26	1,72
Ж е н щ и н ы		
самовоспитание	0,53	1,30
общественная деятельность . . .	0,15	0,77

Такие сдвиги в бюджете времени возможны только на основе сдвигов в производственных и в бытовых условиях, на основе психологических сдвигов. Уже анализ этих показателей подчеркивает специфичность условий СССР, необходимость учесть эти условия и также необходимость рассматривать не отдельный какой-нибудь показатель, а чрезвычайно сложный комплекс их, динамику, их изменения и направления изменений.

Только таким образом можно достаточно обоснованно делать выводы об уровне жизни рабочих той или иной страны, можно сравнивать динамику и направление динамики уровней жизни рабочих различных стран.

И только такой анализ может дать картину уровня жизни рабочих капиталистических стран и СССР. Он покажет совершенно противоположные тенденции движения уровня жизни рабочих этих двух противоположных систем. Он покажет неуклонное понижение уровня жизни рабочих капиталистических стран, процесс абсолютного и относительного обнищания их и неуклонный подъем жизненного уровня рабочих в Стране советов.

О конъюнктурной работе в СССР

(задачи и организация текущего учета выполнения народнохозяйственного плана)

I. Введение

Развертывание социалистического строительства предъявляет возрастающие требования к учету, в частности к текущему учету выполнения народнохозяйственного плана — советским «конъюнктурным» наблюдениям.

За последние шесть лет три раза собирались всесоюзные совещания по вопросам текущего учета: в 1929, 1932 гг. и весной текущего года. На каждом из этих совещаний вырабатывались мероприятия по приведению учета в соответствие с теми требованиями, которые предъявляло социалистическое строительство на соответствующем этапе.

Совещание по конъюнктуре в 1929 г. было созвано Секцией конъюнктуры Госплана СССР. Оно совпало с тем периодом работы по конъюнктуре в Госплане, когда от работы фактически были отстранены вредитель Громан и его группа, монополизировавшие в своих руках эту работу.

Проводя в практике конъюнктурной работы свою меньшевистскую концепцию природы народного хозяйства СССР и народнохозяйственного плана, Громан и его группа игнорировали план, обращаясь к нему лишь в тех случаях, когда можно было использовать в своих интересах неблагоприятное соотношение между плановыми заданиями и их выполнением. Майское совещание 1929 г. прошло под знаком коренного поворота в конъюнктурной работе. Центр тяжести конъюнктурной работы было решено сосредоточить на анализе выполнения народнохозяйственного плана.

В 1932 г. вопрос о текущем учете выполнения народнохозяйственного плана обсуждался на совещании Центрального управления народнохозяйственного учета с представителями республиканских и областных управлений народнохозяйственного учета. После выделения из состава Госплана СССР б. экономико-статистического сектора и образования централизованной системы учетных органов во главе с Центральным управлением необходимо было размежеваться плановым и учетным органам по линии конъюнктурной работы. Совещанием были сформулированы задачи работы учетных органов в области текущего учета выполнения народнохозяйственного плана и намечена организация этой работы в системе учетных органов, разделение труда различных звеньев системы и кооперация.

Определена была роль центральных, республиканских и областных орга-

нов, с одной стороны, плановых, учетных и ведомственных органов — с другой.

Совещание 1932 г. происходило в начале последнего года первой пятилетки. С тех пор прошло более трех лет. Социалистическое строительство сделало дальнейшие гигантские шаги вперед. Итоги социалистического строительства к VII съезду советов сформулированы в докладе т. Молотова в тезисе: «Россия нэповская стала Россией социалистической». Это находит свое выражение в том, что 96,0% народного дохода создаются социалистическим хозяйством и всего лишь 4,0% приходится на капиталистический сектор и мелкое частное хозяйство; таково же соотношение в области производственных фондов; к началу 1935 г. свыше $\frac{3}{4}$ всего населения занято в отраслях труда, организованных социалистически. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) сделал практические выводы из достигнутых успехов. Ликвидация нормированного распределения хлеба и других продуктов является следствием успехов социализма, роста товарных фондов, позволяющих отказаться от метода рационаирования сначала в области этих продуктов, а затем перейти к отмене нормирования и других продуктов на основе развертывания советской торговли ими. В ряде партийных документов даются совершенно определенные указания, что нормированное распределение продуктов отнюдь не является установленным навсегда. Наилучшей формой распределения является развернутая советская торговля. К нормированию приходится прибегать в определенной обстановке, в условиях нехватки продуктов. Социалистическое хозяйство с его огромным развитием производительных сил создает возможность максимального удовлетворения индивидуальных потребностей и вкусов. Разница между капиталистическим и социалистическим хозяйством и в том, что в условиях первого удовлетворение потребностей и вкусов могут осуществлять лишь избранные, ничтожное меньшинство, в условиях социалистических — вся масса трудящихся.

Переход от нормированного распределения к советской торговле сначала некоторыми продуктами, но затем все большим количеством их с установкой на полную ликвидацию нормированного распределения ставит перед учетом ряд задач. Одно дело, когда учет в целом и текущий учет в частности осуществлялся в условиях, когда по существу не было проблемы сбыта: все, что ни производилось, сбывалось. Качество продукции было — для производителя — отодвинуто на задний план. Вкус потребителя не играл большой роли и не получал достаточного отражения в производстве, в частности предметов широкого потребления.

Насыщение товарных каналов, переход к развернутой советской торговле обозначает, что потребитель повышает свои требования, и товары, которые не будут соответствовать вкусам потребителя, не будут находить сбыта. Социалистическое хозяйство не может работать вхолостую. В плановом хозяйстве не может быть терпимо такое положение, когда будут производиться товары, которые не найдут себе сбыта. Это означало бы растрату человеческого труда. Такая растрата не может быть допущена. Хозяйственный процесс во всех его звеньях — от производства до потребления — должен быть так организован, чтобы производящие организации во-время информировались обо всех изменениях в области сбыта, спроса и могли своевременно перестраиваться. В деле такой информации решающая роль принадлежит учету — оперативной ветви его, текущему учету. Из этого должны быть сделаны выводы. Должна быть создана большая гибкость в работе, должны быть выработаны методы наблюдения и поставлено наблюдение в таких областях, которым до сих пор — по линии учета — не уделялось достаточного внимания: учет качества продукции, потребления, спроса.

Поднятию на новую ступень социалистического строительства должно корреспондировать соответственное подтягивание работы в области социалистического учета — в области советских «конъюнктурных» наблюдений.

II. Социалистический учет и текущий учет выполнения народнохозяйственного плана

Ставя вопрос о задачах и организации работ по текущему учету на данном этапе, мы не можем не остановиться на соотношении, которое существует между текущим учетом выполнения народнохозяйственного плана и социалистическим учетом.

В капиталистических странах конъюнктурные наблюдения представляют собой особую отрасль работы; они выделены из общих учетно-статистических работ.

Созданы специальные конъюнктурные институты. В работе по конъюнктуре пользуются специальными методами и приемами³.

В условиях СССР текущий учет выполнения народнохозяйственного плана представляет собой часть работы по социалистическому учету. Все основные черты социалистического учета присущи также текущему учету и вытекают из природы социалистического общества как общества организованного и развивающегося по плану в противоположность анархически-стихийной природе движения капиталистического общества.

Основные черты социалистического учета, определяемые природой социалистического общества, сводятся к следующему: социалистический учет — прежде всего всенародный учет и контроль; он органически связан с народнохозяйственным планом и представляет собой единую систему; в условиях переходного периода и в первой фазе коммунизма социалистический учет является учетом денежным в сочетании с натуральным; объект его — строительство социализма в широком смысле слова, охватывающее и проблемы населения и изучение естественных ресурсов; метод социалистического учета предполагает использование в едином комплексе специальных приемов и способов отдельных видов учета — статистики, бухгалтерии и т. д., представляющих в своем сочетании единый социалистический учет; задача социалистического учета — анализ и контроль хода выполнения народнохозяйственного плана. По линии всех этих черт и особенностей социалистический учет отличается от учета при капитализме. Чисто внешним является сходство по линии измерителя — то, что социалистический учет является денежным в сочетании с натуральным, поскольку деньги в СССР принципиально отличаются от денег в капиталистических условиях.

Каждая из основных черт социалистического учета является следствием природы социалистического общества и общества переходного периода как общества организованного, планового. Вытекая из природы социалистического общества, черты социалистического учета представляют собой единый комплекс и взаимно связаны друг с другом.

Создание системы социалистического учета — длительный процесс, отражающий, так же как и другие участки социалистического строительства, классовое сопротивление вытесняемых с занятых позиций капиталистических элементов. Заимствовав из арсенала капиталистического общества различные виды учета, выработанные на протяжении длительного истори-

³ Ср. статью Dr. Wageman, Les méthodes modernes des études de la conjoncture в журнале «Revue Economique internationale», Avril 1935.

ческого периода предшествующего развития, рабочий класс в условиях переходного периода перерабатывает их, превращая в элементы системы социалистического учета. Процесс создания системы единого социалистического учета не закончен. По линии развития одних сторон его мы значительно продвинулись, по линии других — отстаем.

Все черты, которыми характеризуется социалистический учет в целом, характеризуют и текущий учет. Особенность работы по текущему учету в том, что она должна носить оперативный характер. Основная и специфическая задача текущего учета — быстрая и своевременная сигнализация о ходе выполнения плана, активный контроль хода выполнения плана. Социалистический учет в целом по линии некоторых ветвей своей работы (например так называемая основная статистика, переписи и т. п.) может заниматься длительными академическими исследованиями; текущий учет лишь постольку выполняет свои функции, поскольку дает возможность на-ходу вмешиваться в выполнение плана, внося коррективы как в осуществление плана, так и в самые плановые задания.

III. Организация работ по текущему учету выполнения народнохозяйственного плана

В соответствии с задачами текущего учета на совещании в 1932 г. была принята схема организации работ, которая сохраняет силу и в настоящее время. В основном она сводится к следующему. Центром, руководящим всей работой по текущему учету, является Центральное управление народнохозяйственного учета. Работа по текущему учету организационно оформляется во всей учетной системе путем организации в соответствующих звеньях — республиканских, областных, районных, а также в ведомствах — секторах, секций либо групп текущего учета; в самом ЦУНХУ организован специальный сектор текущего учета.

Разделение труда между различными звеньями единой системы учета было намечено в следующем виде: Центральное управление, руководя всей работой, дает установки, систему показателей, формы, составляет отчет о выполнении народнохозяйственного плана. Низовое звено — учетный орган фабрики, совхоза, колхоза и т. д. — дает первичный учетно-статистический материал. Промежуточные звенья — район, область, республика, ведомство — являются, во-первых, инстанциями, передающими директивы и указания, идущие из вышестоящих инстанций, организующими и контролирующими работу нижестоящих учетных органов; с другой стороны, они обобщают статистический материал, поступающий из нижестоящих звеньев в районном, областном, республиканском масштабе, в отраслевом разрезе.

Учетно-статистический материал поступает в Центральное управление по двум основным каналам: по ведомственной линии — предприятие — объединение — наркомат — Центральное управление; по этому каналу получают материалы по промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, финансам; по учетной системе — предприятие — областное управление — республиканское управление — Центральное управление. Основной массив материалов статистики труда движется по этому пути. Материалы по строительству и торговле поступают по обоим каналам — от ведомств и от учетной системы. В отдельных случаях устанавливается получение учетно-статистических материалов непосредственно от предприятий. Система движения материалов — по ведомственной линии либо по учетной системе — устанавливается при выработке системы показателей и форм отчетности. Получаемый Центральным управлением отраслевой статистический материал поступает в соответствующие отраслевые сектора;

после проверки и анализа материал этот, оформленный в соответствующие таблицы, поступает для сводки в сектор текущего учета.

Взаимоотношения учетной системы, возглавляемой Центральным управлением народнохозяйственного учета и ведомствами по линии текущего учета, определяются тем, что на учетной системе лежит руководство организационной и методологической работой ведомств; последние же на основе директив Центрального управления должны представлять в установленные сроки статистический материал по утвержденным ЦУНХУ формам и показателям. Взаимоотношения учетной системы и плановой по линии текущего учета определяются тем, что учетная система, являясь руководителем и организатором всей работы по текущему учету, представляет в плановую отчет о выполнении плана; органы плановой системы на основании этого отчета с привлечением дополнительных материалов вырабатывают мероприятия, необходимость которых вытекает из анализа хода выполнения плана.

По этой схеме работа организована и в настоящее время.

IV. Характеристика состояния работ по текущему учету

За последние годы имеется ряд достижений в области работы по текущему учету. Разработана система показателей, по которой ведется систематическое наблюдение за ходом выполнения плана в центре. Ежегодно эта система пересматривается для внесения коррективов и в связи с заданиями соответствующего годового плана. На основе системы показателей выполнения народнохозяйственного плана по всему СССР строится система показателей в разрезе республики и областей с учетом специфических особенностей мест.

Ежемесячно материал о ходе выполнения плана оформляется в виде сводки, которая дает возможность в обозримом виде ознакомиться с основными показателями выполнения плана по всем отраслям народного хозяйства.

Разработаны динамические ряды за длительный промежуток времени, позволяющие выявлять сезонные моменты и специфические особенности развертывания отдельных отраслей на протяжении года и тем самым облегчающие анализ и оценку материала.

Большим достижением является издание большинством республик и областей своих материалов по текущему учету по аналогии с изданием Центрального управления народнохозяйственного учета. Районный — республиканский и областной — разрез учета выполнения плана совершенно необходим в соответствии с районным разрезом планирования.

Наконец, с 1934 г. начата работа по текущему учету в административных районах. Под руководством ЦУНХУ была разработана соответствующая система показателей; в конце 1933 г. была поставлена работа в нескольких районах в порядке опыта. На основе этого опыта была окончательно утверждена система показателей текущего учета выполнения плана в административном районе, и с 1934 г. работа начата повсеместно. Введение систематических конъюнктурных наблюдений в низовом звене имеет большое значение. Оно позволяет систематизировать и накапливать материал, характеризующий социально-экономическое лицо района; дает материал для оперативного руководства выполнением плана в районе; организует работу инспектора народнохозяйственного учета.

С другой стороны, систематическое наблюдение за ходом выполнения плана в административном районе дает возможность поставить на более

прочное основание работу областей в районном разрезе и дает также дополнительный материал, позволяющий контролировать данные в областном разрезе. По мере развертывания работы в районном разрезе все больше будет возрастать значение материалов в разрезе республиканском, областном и административного района в качестве материала, которым можно пользоваться для сопоставлений и контроля материала, представляемого в разрезе отраслей.

Период после 1932 г. был периодом экспансии работ по текущему учету, втягивания в эту работу широчайшей периферии.

Наряду с этими достижениями надо отметить, что некоторые стороны работы по текущему учету не подняты еще на должную высоту. Существенным дефектом является запаздывание поступления материала. Сводный материал бывает окончательно готов через 25—28 дней после окончания месяца либо квартала. В Германии материалы по балансу народного хозяйства за год печатаются через 15 дней после окончания года — 15 января следующего за отчетным годом. Правда, этот баланс строится на основе конструктивных расчетов. Но если сопоставить эти сроки (через 15 дней после окончания года — баланс народного хозяйства и через 25—28 дней после окончания квартала либо месяца — конъюнктурные материалы, которые нужны для оценки хода выполнения плана и оперативных мероприятий на основе показателей текущего учета), то вывод получается бесспорный: работа по конъюнктуре слишком растягивается во времени и значение получаемых в этом порядке материалов заметно ослабляется.

В социалистическом хозяйстве, в котором закон стоимости заменен плановым руководством, отражение хозяйственного процесса в системе координированных показателей должно быть получено в кратчайший срок. Идеал — это диспетчерская доска, на которой получается отображение всех операций одновременно с их проведением. Поскольку такая синхронность между реализацией плана и ее отражением в показателях учета невозможна и между этими двумя моментами должен быть какой-то интервал, этот интервал должен быть сведен к минимуму. В 1928 и 1929 гг. конъюнктурный материал бывал готов спустя 30—32 дня после окончания отчетного периода, в настоящее время — спустя 25—28 дней; нужно добиваться сокращения этого срока до 20—15 дней.

В связи с вопросом о слишком больших сроках прохождения конъюнктурного материала от низовой, первичной инстанции до последней, конечной, стоит вопрос о разном в сроках представления материалов по разным отраслям народного хозяйства и по разным областям в районном разрезе. С большим запозданием по сравнению с поступлением общего материала поступает материал по строительству, труду в масштабе всего Союза, по качественным показателям. Нужно ли доказывать, как затрудняется анализ выполнения народнохозяйственного плана, когда при анализе выполнения плана за квартал имеются данные по вышеуказанным вопросам лишь за два месяца и т. п. С другой стороны, разноречивое представление материалов местными — республиканскими и областными — органами. Это лишает возможности дать картину и анализ выполнения плана в территориальном разрезе.

Другой недостаток относится к системе показателей. В ней пока еще недостаточно представлены синтетические показатели. По некоторым отраслям отсутствуют показатели, без которых нельзя достаточно полно охарактеризовать и проанализировать выполнение плана в данной отрасли. Продукция является показателем обобщающим, синтетическим. Но для анализа работы промышленности одного этого показателя недостаточно, и при отсутствии показателей финансового положения промышленности,

запасов сырья и топлива и т. п. оценка весьма затрудняется. Недостаточно также раскрываются связи между отраслями. Пользуясь теми показателями, которые даются, можно в известной мере реконструировать связи между отраслями и экономической интуицией восполнить учетно-статистические пробелы. Но в условиях планового хозяйства, когда имеются исключительные возможности для развертывания учетно-статистической работы, нет необходимости прибегать к дополнительным изысканиям и конструкциям в таких областях, по которым мы можем иметь более или менее прямые данные. Связи между отраслями, которые раскрываются частными балансами — балансом металла, топливным балансом, балансом строительных материалов и т. п., а также более общими балансами — балансом спроса и предложения, балансом денежных доходов и расходов населения и т. п., — должны и могут освещаться.

Начатая в 1934 г. работа по освещению выполнения народнохозяйственного плана в районном разрезе — республиканском и областном — в дополнение к отраслевому пока еще не развернулась в нужном масштабе, охват районов не велик. Не получается полной картины выполнения плана в территориальном разрезе, и нельзя использовать эти данные для контрольных сопоставлений с данными в отраслевом разрезе.

Помимо разноречия в сроках получения материалов по разным отраслям и от отдельных республик и областей имеется также разноречие в цифрах, которые относятся к одним и тем же объектам. Так например, данные о ходе сева или уборки урожая в Западной Сибири получаются в централизованном порядке через НКЗ СССР, и одновременно поступает сводка основных показателей выполнения народнохозяйственного плана по Западной Сибири от соответствующего управления народнохозяйственного учета, и по одному и тому же показателю фигурируют разные цифры, правда, в большинстве случаев незначительно друг от друга отличающиеся, но все же различные. Источник этих цифр один и тот же — облзу, и цифры должны быть тождественными. Но как-то так получается, что в пути к конечному пункту происходят какие-то изменения, и приходится заниматься специальными изысканиями для установления окончательной цифры.

Отмеченная выше постановка текущего учета выполнения плана в административном районе пока еще не развернулась по-настоящему. Одним из серьезных моментов в этой области является вопрос об обеспечении районному инспектору возможности получения необходимых показателей. При утверждении отчетности утверждается также список адресатов, кому она должна представляться. В ряде случаев адрес районного инспектора народнохозяйственного учета не предусмотрен, поскольку в момент утверждения соответствующей отчетности текущий учет выполнения плана не был введен еще в районе.

К числу недостатков должно быть также отнесено недостаточное внимание со стороны ряда местных организаций к ведению систематической работы по текущему учету строительства, культуры и здравоохранения. Наш народнохозяйственный план включает вопросы культуры и здравоохранения. Выполнению заданий второй пятилетки в области культуры и здравоохранения должно быть уделено большое внимание в связи с решением важнейшей задачи второй пятилетки о значительном повышении материального и культурного уровня рабочих и крестьян. Нетерпимо такое положение, когда в силу традиции и недооценки этих вопросов в некоторых случаях им не уделяется достаточного внимания именно в порядке текущего учета, основная задача которого — своевременной сигнализацией обеспечить возможность выправления положения на отстающих участках. Из этого ни в коем случае не следует делать

того вывода, что мы требуем представления материалов по культуре и здравоохранению в те же короткие сроки, как по промышленности, транспорту, торговле и т. п.; для этих отраслей установлены другие сроки, и вот в эти-то сроки материал должен обязательно представляться. Едва ли нужно доказывать необходимость уделения достаточного внимания на местах вопросам текущего учета капитального строительства при том огромном значении, которое имеет капитальное строительство в деле реконструкции народного хозяйства, и том колоссальном объеме капитальных вложений, которые производятся по плану второй пятилетки. Дифференцированная в территориальном разрезе сигнализация о ходе выполнения плана капитальных вложений должна играть огромную роль в деле действенного вмешательства в ход выполнения плана в этой области.

Не реализовано некоторыми местными управлениями важнейшее организационное мероприятие для обеспечения работы по текущему учету: выделение специального сектора, секции или группы текущего учета в составе управлений. При отсутствии организационного оформления работа не может быть обеспечена, и в таких управлениях эта работа либо почти совсем не ведется, либо ведется несистематически, от случая к случаю; нет ответственного лица, неизвестно, кто отвечает за работу.

Не везде правильно поставлена работа над поступающими материалами текущего учета. В одних случаях увлекаются короткими декадными сводками и совершенно не делают месячных и даже квартальных сводок. В этих случаях выпадает весьма важное звено работы. Ряд моментов совершенно не может быть вскрыт и проанализирован на основе обычно неполных декадных материалов. В других организациях работа поставлена исключительно в разрезе месяца, и как бы ни были важны полученные на протяжении месяца данные, какого бы срочного вмешательства они ни требовали в ход выполнения задания в какой-либо отрасли народного хозяйства, работники текущего учета спокойно ждут срока выхода в свет материалов за месяц, чтоб лишь там, в месячной сводке, сообщить о весьма важном обстоятельстве, требовавшем немедленного вмешательства. В некоторых местах увлекаются исключительно оперативной сигнализацией об отдельных фактах и совершенно не дают связного отчета о ходе выполнения плана ни в виде декадной сводки, ни в виде месячной либо квартальной сводки. При одностороннем применении одного из только что описанных способов использования материалов текущего учета не может быть решена стоящая перед текущим учетом задача.

К числу весьма серьезных недостатков в работе некоторых организаций учетно-статистической системы относится недостаточно углубленная экономическая проработка учетно-статистических материалов. Выработаны определенные формы таблиц — макеты; потоком статистических материалов эти таблицы заполняются; работники, через руки которых проходит этот материал, ограничиваются формальным просмотром и так называемым логическим контролем, не раскрывая экономического смысла приведенного в таблицах учетно-статистического материала. В таких случаях работа по текущему учету шаблонизируется, нет реакции на боевые, актуальные вопросы момента, выхолащивается боевое, действительное содержание, которым должна быть проникнута работа по текущему учету. Материалы, полученные в результате такой работы, обычно монотонны, скучны, никому не нужны, не помогают в деле оперативного планирования.

Общим для большинства материалов по текущему учету является слабое освещение выполнения заданий по качественным показателям. Проблема повышения качественных показателей — центральная проблема второй пятилетки. Перед текущим учетом стоит задача систематически и полно

освещать положение дел в этой области. Между тем материал по качественным показателям, как мы уже отмечали, запаздывает, далеко не полон и в целом ряде случаев дается в таком виде, что анализ его затруднен. Сдвиг в этой области совершенно необходим.

При характеристике работы по текущему учету в районном разрезе нельзя не отметить затруднений, на которые наталкивается эта работа в связи с недостатками планирования. В союзном масштабе мы добились того, что плановые и учетные органы говорят на одном языке: когда речь идет о выполнении плана производства промышленности, то в показатели плана и в показатели учета включаются одни и те же отрасли, берется один и тот же круг предприятий, продукция выражается в одних и тех же ценах и т. д. и т. п. Когда же от союзного разреза плана мы обращаемся к районному разрезу его, то мы сталкиваемся с трудностями вследствие отсутствия ясности в соотношении народнохозяйственного плана в целом и планов отдельных республик и областей, а также в соотношении заданий по отраслям в целом и заданий, которые приходится на долю соответствующих предприятий в пределах отдельных республик и областей. Перед учетными органами каждый раз возникает вопрос, с каким планом сравнивать фактические данные: с планом ли, утвержденным для данной области в центре, либо с планом, утвержденным местными руководящими организациями. Между теми и другими планами имеется обычно расхождение, они друг с другом «не увязаны». При наличии по существу нескольких планов неизвестно, о выполнении какого плана идет речь. Сопоставление фактических данных с одним планом показывает выполнение планового задания, сопоставление с другим — невыполнение. Ответ на вопрос о соотношении между планом и его выполнением должен быть точным: план выполнен, недо-выполнен либо перевыполнен; в зависимости от того, какой характеристикой сопровождается показатель, решается вопрос об оперативных мероприятиях в связи с ходом выполнения плана. Перед плановыми органами стоит задача внести ясность в вопрос и создать условия для учетно-статистической работы.

К числу дефектов, которые должны быть устранены, относится неясность во взаимоотношениях между учетными и плановыми органами на местах по линии организационной. В решениях совещания по текущему учету в 1932 г. был очерчен круг работ Госплана и Центрального управления народнохозяйственного учета по линии текущего учета и точно намечено разделение труда в этой области: вся работа по организации и анализу учетно-статистического материала сосредоточивается в ЦУНХУ; Госплан на основании отчета ЦУНХУ, привлекая необходимый ему дополнительный материал, делает выводы и намечает мероприятия. По аналогии должна была строиться работа на местах. Между тем в настоящее время мы имеем на местах пестрое положение. В некоторых республиках и областях взаимоотношения между плановыми и учетными органами строятся по аналогии с отношениями, сложившимися между Госпланом и ЦУНХУ; в других вся работа по текущему учету выполняется плановыми органами; в некоторых областях работа по текущему учету выполняется плановыми и учетными органами совместно, ответственность за материал лежит на той и на другой системе; другими словами, нет ответственного за постановку текущего учета лица, работа обезличена. Для органов текущего учета ведение работы по текущему учету является не только вопросом «конституционным» — вопросом выполнения обязанностей, предусмотренных положением об органах народнохозяйственного учета. Вести либо не вести работу по текущему учету для учетно-статистических органов означает, быть ли действительными участниками планирования народного хозяйства и социалистического строительства, либо замкнуться в рамки академиче-

ских, оторванных от практики повседневной борьбы, углубленных, растянутых во времени работ. По линии работ по текущему учету связываются органы народнохозяйственного учета с практикой социалистического строительства, с оперативной-плановой работой. Если определить удельный вес работы по текущему учету в работах органов учетной системы, то на наш взгляд эта работа должна составить не меньше половины всех работ, приходящихся на долю учетных органов. Высокий тонус работы по текущему учету немало может содействовать повышению политической и экономической значимости «академических» работ учетной системы. Исходя из этих соображений и учитывая, что плановые органы имеют свои специальные задачи, мы считаем недопустимым какое бы то ни было ослабление работы учетно-статистических органов в области текущего учета, под каким бы организационным прикрытием оно ни происходило. Взаимоотношения плановых и учетных органов на местах должны строиться по типу взаимоотношений Госплана и ЦУНХУ.

Переходим к последнему вопросу — к вопросу об оформлении материалов по текущему учету. Этот, казалось бы, небольшой вопрос является в настоящее время вопросом серьезным. Речь идет о возможности пользоваться готовым проработанным материалом. Можно назвать немало примеров, когда проделана большая работа, но воспользоваться ею нельзя вследствие того, что материал подан в таком виде, что прочитать его невозможно. Здесь дело не в объективных причинах — нехватка бумаги, загруженность типографий и т. п. Лучше всего, разумеется, печатать материал в типографии; но если этого почему-либо нельзя сделать, должны быть приняты меры для обеспечения удобочитаемости материала, надо пользоваться многожильным аппаратом. Невнимание к этой «мелочи» сводит на-нет значение ряда порою весьма содержательных работ.

В. Выводы

Из сущности текущего учета и из краткой, отнюдь не претендующей на полноту характеристики состояния — в настоящее время — текущего учета, недостатков и трудностей в области этой работы вытекает ряд выводов по линии задач и организации советских конъюнктурных наблюдений на данном этапе. Организация хорошо поставленного и правильно и четко функционирующего текущего учета в СССР с необходимостью вытекает из природы СССР как хозяйства организованного, планового. У нас имеются все предпосылки и условия для такой организации конъюнктурных наблюдений. Каждое предприятие, руководитель любого участка социалистического строительства обязан отчитываться в выполнении планового задания, приходящегося на его долю в народнохозяйственном плане. Учет в СССР — всенародный учет и контроль. Повседневный, постоянный контроль выполнения плана — условие самого выполнения плана, и этот контроль осуществляется в порядке работы по текущему учету. На каждом этапе нашего строительства мы обязаны пересматривать организацию конъюнктурных наблюдений, для того чтобы вносить коррективы, вытекающие из новой обстановки.

При выработке мероприятий по поднятию работы по текущему учету нужно иметь в виду, что общая задача текущего учета — учет и контроль выполнения народнохозяйственного плана — конкретизируется следующим образом. Текущий учет должен давать верную цифру. Он должен давать ее в возможно краткий срок, для того чтобы ее можно было использовать действительно в порядке оперативного планирования. Эта цифра должна быть единой. Недопустимо такое положение, чтобы по одному и тому же показателю на один и тот же срок фигурировали разные цифры; такое по-

ложение равносильно отсутствию данных. Не может быть такого положения, что план выполнен и в то же время не выполнен, никаких выводов нельзя сделать при таких данных, никаких мер нельзя принимать. Следующее требование к текущему учету — конкретность показателей. Плановое задание адресуется определенному предприятию, определенному лицу. В текущем учете должен даваться конкретный ответ относительно того, как данное определенное задание выполнено адресатом, в какой срок. В то же время эта конкретность должна сочетаться с синтетическим отображением процесса воспроизводства, связывающим показатели в единую систему, поскольку единым является процесс расширенного социалистического воспроизводства. Лишь в контексте системы показателей может быть оценено положение, создающееся в результате различной степени выполнения плана различными отраслями, и намечены вытекающие из этого мероприятия.

Первая задача — пересмотреть систему показателей под углом зрения того, в какой мере она отражает выполнение основных задач второй пятилетки. План каждого года представляет собой отрезок заданий второй пятилетки и имеет свои особые, своеобразные черты. Нужно добиваться того, чтобы система показателей учета отражала своеобразие каждого года. В костяке показателей учета откристаллизовался массив показателей, который необходим как минимум при всех условиях. Этого мало. Нужно массив показателей, всю систему их перегруппировать так, чтобы вопросы, которые являются центральными, решающими в народнохозяйственном плане на каждый год и отражают общие основные задачи второго пятилетнего плана, получали яркое освещение, чтобы пользующийся материалами текущего учета не должен был проделывать специальных изысканий в поисках ответа на эти вопросы. Под углом зрения такого освещения воспроизводства должна пересматриваться система показателей ежегодно.

В связи с отмеченным выше отставанием и затяжкой в представлении материалов по текущему учету должны быть по всей линии пересмотрены сроки прохождения материалов текущего учета через различные инстанции, с тем чтобы эти сроки свести к минимуму. В. И. Ленин дал в свое время решающие указания по вопросу о срочности работы по текущему учету:

... «Текущая статистика (и пром. и землед.) должна давать итоговые важнейшие практические сведения (откладывая академическую разработку «полных» сведений), никак не позже, а обязательно раньше нашей прессы.

Надо уметь выделить практически важное и спешное, откладывая академически ценное в «долгий ящик»...

Для практической работы мы должны иметь цифры, и ЦСУ должно иметь их раньше всех...

Пусть $\frac{9}{10}$ наличных сил ЦСУ и Губстатбюро будут немедленно направлены на правильную и быструю разработку этих 8 вопросов, а $\frac{1}{10}$ на академическую работу.

...Если нельзя иначе, то надо $\frac{99}{100}$ сил отдать на разработку того, что практически немедленно нужно для нашего строительства»... (Письмо П. И. Попову. 1921 г. — «Статистика в работах В. И. Ленина». Комакадемия, Ин-т экономики, 1934 г.)

По ряду показателей удалось добиться того, что итог работы отрасли мы знаем через день-два: черная металлургия, погрузка ж.-д. транспорта. В данном случае мы имеем дело с показателями в натуральном выражении, работа значительно упрощена. Там, где речь идет о ценностном выражении и о сложном ассортименте продукции, срок для обработки материалов должен быть больший, но по сравнению с существующими сроками он может быть значительно сжат. Так, данные по розничному товарообороту

поступают в ЦУНХУ лишь 19—20-го числа следующего за отчетным месяца. При необходимости оперативно руководить этой отраслью такой срок является безусловно слишком длительным. Качественные показатели по ряду отраслей также поступают, примерно, в эти же сроки, в то время как материалы по продукции готовы на 5—8 дней раньше. Резервы для сокращения сроков имеются. Нужно усилить использование телеграфа в работе по текущему учету за счет сокращения пользования им в тех случаях, когда это не так необходимо, как в конъюнктурной работе. Нам представляется целесообразным и своевременным поставить вопрос об использовании радио в целях ускорения получения и проверки материалов текущего учета. Помимо ускорения сроков прохождения материалов текущего учета использование радио в работе по текущему учету имело бы и другое значение. Регулярное личное общение руководства с периферией содействовало бы поднятию значения данной работы, обязывало бы к подтягиванию на этом участке, повышало бы ответственность. Опыт использования радио при проведении одновременных операций — во время учета скота — дал прекрасные результаты; правда, там речь шла об использовании радио для проверки организационной подготовки, а не для проверки либо ускорения получения самих итогов учета. Но этот опыт можно продолжить и развить.

В работе по текущему учету есть два момента: политико-экономический и чисто технический. Политико-экономическая грамотность имеет решающее значение при выборе объекта наблюдения, установлении показателей, фиксации первичных данных и проработке идущего от низового звена материала. Мы знаем о том отражении, которое получает классовая борьба в работе по учету. Вокруг цифры, которая по-разному может отразить тот или иной процесс или явление, развертывалась порой очень острая политическая борьба. Социалистическое государство заинтересовано в получении правильной цифры. Классово враждебные элементы неоднократно пытались протащить неверные цифры, преувеличивая либо преуменьшая фактические данные. Даже во время последнего учета скота сообщали о случаях дачи неверных сведений, несмотря на разъяснительную кампанию. Другой момент — чисто техническая обработка цифрового материала, в которой все большую и большую роль играет механическая обработка материала при помощи счетных приборов и машин. Конечно и в этой части требуется внимательная, аккуратная работа для избежания нелепостей, которые иногда получаются вследствие чисто счетных ошибок. Но центр тяжести — в политическом и экономическом осмыслении учетно-статистического материала. В срочной, боевой конъюнктурной работе все внимание должно быть сосредоточено на анализе политического и экономического смысла получаемых в порядке текущего учета данных. Срочность конъюнктурной работы обязывает к тем большему вниманию, что по условиям действительного оперативного планирования практические мероприятия должны следовать по возможности немедленно вслед за конъюнктурным сигналом.

Далее, практика конъюнктурной работы диктует необходимость сочетания оперативного использования материалов текущего учета по мере их поступления с комплексной разработкой этих материалов по всему народному хозяйству в более поздние сроки. Неправильной нужно признать такую постановку работы, когда срочный материал, который немедленно должен был бы быть доведен до сведения соответствующих инстанций, маринуется до тех пор, пока будет собран весь материал и издан сборник. Неправильно также одно оперативное использование материала без обобщающих сводок по всем отраслям, когда руководящие органы лишаются возможности следить за выполнением народнохозяйственного

плана в целом. Одностороннее увлечение отдельных органов учетно-статистической системы одним только видом использования материалов текущего учета идет вразрез с задачами конъюнктурной работы. Работа в данном случае должна быть перестроена и направлена по обоим руслам.

В качестве актуальнейшей задачи должна быть выдвинута задача разработки развернутой системы качественных показателей и усиления работы в этой области во всех звеньях учетной системы, начиная с низового звена — с предприятия. Нужно охватить системой качественных показателей все отрасли народного хозяйства и давать их в таком виде, чтоб была возможность анализировать итоги по составным элементам. В связи с этим должны быть созданы организационные предпосылки, для того чтобы необходимый материал получался местными — республиканскими, областными и районными — органами народнохозяйственного учета по некоторым важнейшим показателям.

Большую роль в деле экономического осмысливания материала по текущему учету и усилению качественной характеристики выполнения плана может сыграть организация корреспондентской сети для обслуживания областных, республиканских и союзных центров. В низовой, разветвленной сети учетной системы, среди районных и участковых инспекторов народнохозяйственного учета могут быть подобраны кадры сильных, проверенных и опытных работников. Корреспондентская сеть должна сыграть большую роль в деле насыщения абстракции учетно-статистического материала опытом живой практики борьбы за выполнение социалистического плана. Она может быть дополнительным приводным ремнем, связывающим работу и работников по учету с практикой социалистического строительства в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. д.

В порядке дальнейшей конкретизации и углубления работы по наблюдению и контролю выполнения народнохозяйственного плана должна быть развернута работа местных органов народнохозяйственного учета. Отсутствие данных по некоторым районам, запаздывание по другим не дают возможности Центральному управлению народнохозяйственного учета давать картину выполнения плана в территориальном разрезе. Нужно добиться того, чтобы все районы — республики, области, края — присылали в центр отчет о выполнении плана, составленный по единой методологии, единой системе показателей и в строго определенные сроки. При наличии этих данных будет возможность отчет о выполнении народнохозяйственного плана в отраслевом разрезе дополнять характеристикой выполнения плана в разрезе территориальном. Лишь в таком двойном отражении хода выполнения плана учет будет давать материал, соответствующий двойному разрезу — отраслевому и территориальному, — в котором дается народнохозяйственный план.

И наконец, последний вопрос — популяризация важнейших итогов выполнения плана. Учет, который диктатура пролетариата заимствует у буржуазного общества, переделывается в учет социалистический в первую очередь на путях превращения его во всенародный учет и контроль. Многие уже достигнута в этой области. Качества всенародности и контроля должны быть в особенности присущи текущему учету выполнения народнохозяйственного плана. На производственных совещаниях, которыми охвачены все трудящиеся СССР, обсуждаются результаты выполнения плана на отдельных участках. Но важнейшие вопросы выполнения народнохозяйственного плана — выплавка чугуна, стали, добыча каменного угля, погрузка железных дорог, ход сева и т. п. — не являются в СССР частным делом тех, кто работает в отдельных отраслях: они интересуют каждого участника социалистического строительства. Для

информации о важнейших итогах выполнения плана следовало бы в дополнение к тому, что дается в газетах, давать соответствующим образом обработанный материал по радио и в кино.

* * *

Текущий учет — инструмент, роль которого весьма велика в деле выполнения народнохозяйственного плана. Не случайно вредители пытались захватить его в свои руки. Не случайно оппозиционные группировки внутри партии пытались использовать материалы текущего учета в своей борьбе против партии. Это обязывает к большой бдительности в конъюнктурной работе.

Инструмент текущего учета должен быть отделан со всей тщательностью, он должен быть боевым оружием в борьбе за выполнение народнохозяйственного плана.

Освоение новой техники и производительность общественного труда

I

В чем состоит связь между процессом освоения новой техники и уровнем производительности общественного труда в СССР? Какие позиции массовой борьбы за освоение техники особенно важны как факторы роста производительности социалистического труда?

В двух предшествующих статьях¹ мы попытались обобщить основные элементы процесса освоения новой техники.

Главные моменты неосвоенности, успешно преодолеваемые в процессе выработки высокой культуры социалистического труда: 1) недостаточная эффективность капитального строительства; 2) скрытые, мало изученные, полностью не использованные резервы производства дееспособности оборудования; 3) ненормально высокий расход сырья, топлива, энергии, вспомогательных материалов, основного капитала на производство единицы продукции, а также значительные потери этих элементов в не непосредственного процесса производства; 4) неудовлетворительное на многих предприятиях качество продукции; 5) отставание темпов роста выработки продукции рабочим от темпов роста технической вооруженности предприятия, цеха, рабочего места.

Есть многосторонняя внутренняя связь, во-первых, между всеми этими моментами, во-вторых, между ними и уровнем производительности общественного труда. Чтобы понять содержание и формы этих связей, необходимо помнить, что рост производительности общественного труда измеряется не только сокращением затрат живого труда на единицу продукции, но и экономией прошлого труда, ошествленнного в средствах производства Маркс неоднократно указывал на это обстоятельство:

«Для того, чтобы новый метод производства отразился действительным повышением производительности, он должен переносить на отдельный товар меньшую дополнительную часть стоимости, соответствующую снашиванию основного капитала, чем та часть стоимости, которая вычитается, сберегается вследствие уменьшения живого труда... Уменьшение общего количества труда, входящего в товар, казалось бы должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда при каких бы общественных условиях ни совершалось производство. В обществе, в котором производители регулируют свое производство согласно заранее уста-

¹ См. «Проблемы экономики» за 1934 г. № 5 и 6.

новленного плана, ... производительность труда безусловно измерялась этим масштабом»².

«С общественной точки зрения производительность труда возрастает также с его экономией (бережливым и хозяйственным его применением). Последняя включает в себя не только экономию на средства производства, но и устранение всякого бесполезного труда»³.

В этом обобщающем смысле систематическое повышение производительности общественного труда является центральным рычагом механизма снижения себестоимости и роста внутренних производственных накоплений.

Вторая пятилетка поставила перед нашей промышленностью в этой области новые задачи.

В восстановительный период развитие промышленности происходило в основном за счет внутренних накоплений. Решающие факторы накопления — опережение ростом производительности труда значительного роста заработной платы и систематическое стягивание в производство и улучшение использования оборудования. Роль «внешних» источников финансирования невелика. В системе их преобладает не бюджет, а кредит. К концу восстановительного периода кредитная система, утвердившись в товарообороте, все сильнее внедряется в тяжелую индустрию, формируя и укрепляя ее оборотные средства.

В первой пятилетке происходит существенная перемена в механизме накопления и финансирования промышленности. Объем внутрипромышленных накоплений, особенно в тяжелой индустрии, становится все более недостаточным для обеспечения ее роста и технической реконструкции. С 1926 по 1932 г. сумма чистой промышленной продукции выросла более чем в 2,3, с 1928 по 1932 г. — в 1,7 раза. Темп роста огромный! Но потребности расширенного воспроизводства развивались еще быстрее.

Несоответствие между энергично нарастающей потребностью промышленности в капитальных вложениях и размерами создаваемых в ней накоплений усилилось во второй половине первой пятилетки серьезным отставанием (преимущественно в трудоемких отраслях) темпа освоения техники от темпа обновления и расширения производственного аппарата промышленности. Это отставание выразилось в относительно медленном подъеме производительности труда, при более быстром, чем подъем производительности труда, росте заработной платы. В результате снизился удельный вес производительности труда как фактора роста чистой продукции и повысилась в ряде основных, особенно трудоемких, отраслей себестоимость. Внутренние накопления социалистической промышленности составили в первой пятилетке всего лишь около 30% суммы бюджетного финансирования промышленности.

В общем обороте средств, притекающих в этот период в промышленность извне, относительно снижается удельный вес кредита, выполняющего функции возвратного перераспределения временно свободных накоплений. Однако роль кредита как фактора хозрасчета значительно усиливается благодаря централизации всего краткосрочного кредита в Госбанке и последовавшей замене коммерческого кредита прямым банковским кредитованием.

Но одно это еще не решало проблемы финансирования промышленности. Невозможность создать огромные основные фонды за счет одних только внутрипромышленных накоплений и необходимость долгосрочного безвозвратного финансирования выдвинули на передний план бюджет,

² «Капитал» т. III, ч. 1-я, стр. 198, изд. 1929 г. (Разрядка наша. — А. Г.).

³ «Капитал», т. I, стр. 412, изд. 1929 г. (Разрядка наша. — А. Г.)

могучий рычаг перераспределения народного дохода и ускорения социалистической индустриализации. С 1927/28 г. по 1932 г. удельный вес сумм, направленных на финансирование народного хозяйства, поднялся с половины до трех четвертей бюджета. Доля промышленности увеличилась наиболее значительно, причем внутри промышленности бюджет передал значительную часть прибылей легкой индустрии в тяжелую.

Во второй пятилетке происходят существенные сдвиги в системе источников накопления. На основе развернутого освоения техники и ее дальнейшего быстрого развития капитальные потребности расширенного воспроизводства всего обобщественного хозяйства в большей мере покрываются внутрипроизводственными накоплениями, чем в первой пятилетке. Удельный вес накопления обобщественного сектора в общей сумме его доходов подымается с 70% в 1932 г. до 80% в 1933 г. (без учета снижения цен, с учетом — несколько меньше). Соответственно почти вдвое снижается удельный вес привлеченных доходов населения. Рост внутренних материальных ресурсов обобщественного сектора должен быть обусловлен в основном снижением себестоимости во всех отраслях народного хозяйства в среднем примерно на 30%. По сравнению с первой пятилеткой прирост капитальных вложений в народное хозяйство составит 83 млрд. руб. Экономия от снижения себестоимости лишь в основных отраслях должна дать 70 млрд. Таким образом выполнение плана качественных показателей должно обеспечить подавляющую часть суммы капитальных вложений.

В 1933 и 1934 гг. себестоимость в капитальном строительстве, легкой и лесной промышленности не снизилась. В тяжелой индустрии с 1933 г. развивается систематическое снижение себестоимости по все более расширяющемуся кругу отраслей.

В речи, произнесенной 12 мая на заключительном заседании технического совета, т. Орджоникидзе остановился на проблеме рентабельности в советской промышленности. Он развил три основных мысли: 1) к разным заводам, в зависимости от степени завершенности их строительства и уровня освоения их техники, надо по-разному предъявлять требования рентабельности: Магнитогорский завод, который еще не окончен и не освоен, не может рентабельно работать, как например завод им. Петровского или московский завод «Серп и молот»; 2) необходимо со всем упорством и настойчивостью бороться за рентабельность, но это не значит, что если производство того или иного продукта на заводе еще не рентабельно, то надо его бросить (это указание было сделано в связи с тем, что директор завода синтетического каучука не считает целесообразным перерабатывать отходы своего производства в эфир, так как это дело не рентабельное); 3) так как на предприятии все более вырастает значение э к о н о м и к и, то в борьбе за рентабельность крупнейшей фигурой предприятия, ближайшим помощником директора должен стать бухгалтер, руководящий составлением баланса предприятия, ежедневно и ежемесячно сигнализирующий директору, как идет у него хозяйство.

Приближается время, когда передовые предприятия тяжелой индустрии, становясь все более рентабельными, будут работать без государственных дотаций. Реализуется одно из основных указаний т. Сталина: «Надо добиться того, чтобы тяжелая промышленность — и прежде всего ее машиностроительная часть — также давала накопления»⁴.

Планомерный рост производительности общественного труда, измеряемый сокращением живого и мертвого труда на единицу продукции, играет в решении этой центральной задачи решающую роль.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 600, изд. 1933 г.

II

Проанализируем внутреннюю связь указанных выше главных моментов освоения новой техники с уровнем производительности общественного труда.

Начнем с капитального строительства. Известно, что капитальное строительство, во-первых, отвлекает в крупных размерах на сравнительно долгий период времени различные элементы общественного продукта (средства производства и средства потребления) без непосредственного встречного возмещения их какими-либо вещественными эквивалентами и, во-вторых, определяет в известной мере качеством своей работы материальную структуру, прочность, дееспособность создаваемых основных фондов. Таким образом освоение новой техники и подъем производительности общественного труда связаны двояко с областью строительно-монтажных процессов: ускорением материальной отдачи капитальным строительством вложенных в него средств и повышением квалификации и прочности создаваемого им производственного аппарата. В первой статье мы показали, что от четырех основных факторов зависит сейчас сокращение периода и улучшение качества капитального строительства: 1) освоения и практического применения проекта-комплекса, 2) дальнейшей механизации строительных работ и лучшего освоения механизмов, 3) усовершенствования (менее совершенной, чем на заводах) организации труда рабочих строительной площадки, 4) более гибких форм материального и финансового снабжения строительства.

Освоение и практическое применение комплексного проекта, привнесшего большей частью лишь в тяжелой индустрии, полное превращение строительства из кустарного промысла в массовую, широко и комплексно механизированную сборку стандартных деталей и элементов, улучшение организации труда в строительстве и развитие более совершенных методов снабжения его материальными и финансовыми ресурсами форсируют сооружение предприятия, сокращают период омертвления капитальных вложений и следовательно повышают уровень производительности общественного труда.

III

Если в строительстве основных фондов еще далеко не полностью реализована возможная в плановом хозяйстве эффективность, то в использовании основных фондов также существуют крупные резервы. Причины этого известны.

Не изучена в достаточной мере сложная техническая мускулатура высококвалифицированного оборудования: часть оборудования работает без паспортов, паспорта, имеющие у других групп оборудования, быстро оказываются негодными, так как изменения, происходящие в оборудовании, не всегда регистрируются в его паспорте. Не полностью используется выявленный фонд производственной дееспособности оборудования. Слабо организован контрольно-управленческий производственный аппарат. Не освоен правильный режим «молочения» оборудования: ремонт имеет обычно не профилактический, а аварийный характер, следовательно основой ремонта являются не текущие, а капитальные работы, ненормально учащенные, весьма длительные, слабо контролируемые, малоквалифицированные. Наконец, межцеховая и внутрицеховая структура оборуду-

дования часто некомплектна, в силу чего оборудование не может работать на полную мощность.

Неудивительно, что фактические коэффициенты использования оборудования ниже потенциальных. Станковый парк наших автомобильных заводов используется максимум на 40%, тогда как у Форда — на 60—65%. Механизмы на строительных площадках стоят $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ всего времени. В процессе же работы они используются на 40—50% своей производительности. Неудивительно, что сводный коэффициент эксплуатации оборудования составляет сейчас 15—20%. В Донбассе добыча угля на врубовую машину несколько лет топчется на месте. Блюминги и прокатные станы простаивают около $\frac{1}{3}$ всего времени и т. д. и т. п.

Из нашей техники, как сказал т. Сталин, еще не выжимается максимум возможного. И здесь, вполне понятно, существует тесная связь освоения новой техники с уровнем производительности труда и рентабельностью предприятия. По плану второй пятилетки коэффициенты использования оборудования значительно растут.

Рост использования оборудования во второй пятилетке

	1932 г.	1937 г.
Коэффициент использования мощности электростанций	0,7	0,9
Скорость бурения на 1 станок-месяц в метрах (средн. по всем способам)	107,7	300,0
Коэффициент использования объема дом. печей (в средн. по СССР)	1,75	1,10
Проплавка медной шихты на 1 м ² пода отраж. печи в сутки (в т)	1,2	3,0
Съем серной кислоты в моногидрате с 1 м ³ объема в свинце (башенная система)	16,5	26,5
Вырезка пиломатериалов на 1 рамосмену (в м ³)	22,4	29,9
Среднегодовая выработка бумаги на 1 бумагомашину (в тыс. т)	3,8	7,5
Нагрузка на траулер в рыбной промышленности (в тыс. цент.)	12,0	18,0
Коэффициент использования (эксплоатации) экскаватора на строительстве	0,35	0,65

В первые годы второй пятилетки в использовании оборудования достигнуты серьезные сдвиги, особенно в черной металлургии. Каждая единица основного капитала дает сейчас стране значительно большую, чем в первой пятилетке, массу продукции. Есть все основания предполагать, что намеченные на конец второй пятилетки коэффициенты использования оборудования рядом предприятий и отраслей будут перекрыты.

В той же программной речи на техническом совете т. Орджоникидзе специально остановился на вопросе о проектных мощностях и показал всю условность и относительность этой категории: «Не отвечающими действительности являются также и наши, так называемые, проектные мощности. Что представляет собой наша проектная мощность? Кто проектировал наши заводы? Первые наши заводы проектировали американцы и немцы. Как проектировали американцы? Они исходили из следующего: русскому рабочему не сделать того, что может сделать американский рабочий. Поэтому использование оборудования на советских заводах неизбежно будет процентов на 20 ниже, чем на американских заводах... В чем дело? Почему мы должны этому подчиняться?» («З. И.» от 18 мая).

Актуальный интерес представляет в связи с этим проблема изменения соотношения основных фондов промышленности, объема ее валовой продукции и уровня производительности труда. Оглянемся несколько назад.

В восстановительный период довоенный объем промышленной продукции был достигнут раньше, чем восстановлены прежний размер основного фонда и прежнее количество рабочих. С 1926 г. развивается расширенное воспроизводство основных фондов нашей промышленности. Однако до 1929—1930 гг. рост продукции, правда, уже не так круто, обгоняет рост основного капитала. В 1930—1932 гг., когда была создана, но лишь частично освоена главная масса основных фондов первой пятилетки, темп роста продукции все более отстает от темпа ввода в эксплуатацию основных фондов, причем продукция растет в меньшей мере, чем прежде, за счет производительности труда и в большей мере — за счет увеличения количества рабочих. Во второй пятилетке соотношение этих элементов воспроизводства вновь изменяется. Если в последние два-три года рост продукции и в большей мере, чем в первой пятилетке, опережает рост числа рабочих, то рост основных фондов, несмотря на значительное улучшение коэффициентов его использования, все же опережает по плану в ряде отраслей рост продукции. Последнее обстоятельство объясняется двумя причинами: 1) повышением технического строения основных фондов и обогащением и усложнением их материальной структуры (рост вспомогательных и обслуживающих сооружений, которые особенно отставали в первой пятилетке, препятствуя тем самым освоению предприятий), в силу чего производство такого же вещественного объема продукции опирается на более крупные размеры основного капитала и 2) образованием некоторого производственного резерва, целиком обеспечивающего перевыполнение по годам плана второй пятилетки и мощный рост продукции с первых же лет третьего пятилетия⁶.

IV

Переходим к третьему показателю неосвоенности новой техники — высоким нормам расходов и значительным потерям средств производства и материалов. Маркс писал: «Повышение производительности труда заключается именно в том, что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого увеличивается, но таким образом, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается, следовательно, таким образом, что количество живого труда уменьшается больше, чем увеличивается количество прошлого труда»⁶.

Эта формула закономерного изменения (под влиянием развития техники) соотношения долей прошлого и живого труда в единице продукции как выражение роста производительной силы труда сохраняет все свое значение также для нашей промышленности. По плану второй пятилетки удельный вес затрат средств производства (амортизация, сырье, топливо, электроэнергия) в структуре себестоимости продукции всей промышленности должен повыситься до 60,9% против 54,3% в 1932 г. Указанное Марксом уменьшение общей массы труда на единицу продукции как показатель подъема его производительности будет однако тем значительнее, чем в большей мере рост доли прошлого труда будет ограничен жесткой систематической экономией средств производства, условия для которой всесторонне развиваются крупным, механизированным, научно организованным предприятием.

Совершенно ошибочно считать, что обеспечение роста выработки про-

⁶ См. «Второй пятилетний план развития народного хозяйства» 1935 г., т. I, стр. 305 и далее.

⁶ «Капитал» т. III ч., I, стр. 198, изд. 1929 г. (Разрядка наша.—А. Г.).

дукции рабочим полностью исчерпывает и решает сложную проблему производительности общественного труда. Повышение выработки рабочим может быть нейтрализовано и съедено расточительным расходом различных средств производства. Если автомобиль, быстрее сходя с конвейера, уносит избыточное количество различных материалов; если рост добычи угля на заводе сопровождается ненормально высоким износом врубовой машины; если повышенный сьем серной кислоты с кубометра объема башен идет рука об руку с повышенным расходом азотной кислоты; если параллельно подъему производительности труда доменного рабочего увеличиваются затраты дугья, фурм, кокса на тонну чугуна; если, с другой стороны (как это у нас часто бывает), уменьшение материала на единицу продукции сопровождается все же значительными, не входящими непосредственно в продукт, потерями материала (безвозвратные угары, вынос колошниковой пыли, излишние припуска в конструкциях и т. д.) — то в балансе общественного хозяйства сальдо производительности труда может обернуться отрицательным знаком. Ленинская формула производительности социалистического труда требует конечно борьбы не только за сокращение затрат живого труда при изготовлении продукции, но и прошлого труда, т. е. борьбы не только за экономию времени, прямо и непосредственно израсходованного в производстве какого-либо продукта, но и той части времени, которая затрачена обществом на создание средств, необходимых для добычи или изготовления данного продукта.

Больше того. Практика показала, что экономия прошлого труда повышает также производительность живого труда, что сокращение расходных норм сырья, топлива и т. д. сопровождается ростом выработки продукции на рабочего в единицу времени.

На этом участке борьбы за повышение производительности общественного труда мы за последние два года достигли значительных успехов, но все же сильно отстаем от уровней передовых капиталистических стран. Пережоги топлива составляют весьма солидный процент топливного баланса. На крупнейших металлообрабатывающих заводах нерационально расходуется масса металла. Благодаря высокому браку литья и большим припускам разрыв между черновым и чистовым весом станка достигает 30—35 % и выше; в Германии — 15—20%. Еще хуже на заводах мелких: здесь из кузниц выходятковки с неслыханными припусками на обработку, из литейных — отливки с гипертрофированными литниками, из механических цехов — детали с многократными запасами прочности. Расходы разнообразных вспомогательных материалов также ненормально высоки, так как производятся обычно «на-глаз», причем на заводах, оборудованных сравнительно одинаково, они часто резко различны. Крайне велики также неиспользованные отходы: ценные компоненты полиметаллических руд, огромные отбросы лесопильного производства, шлаки доменного процесса, многообразные природные и технические газы, различные отходы и отбросы других отраслей промышленности еще не втянуты систематически в производственный кругооборот веществ и образуют в совокупности значительную массу годовых народнохозяйственных потерь. Таким образом повышенные удельные нормы расхода материалов и значительные непроизводительные материальные потери — конкретные показатели систематического недобора по продуктивности социалистического труда, обусловленные частью неосвоенностью, частью незавершенностью (лишь первые шаги теплофикации, серьезно улучшающей использование топлива, медленные темпы перехода на местное сырье и топливо, отставание химизации ряда производственных процессов и др.) технической реконструкции хозяйства.

Во второй пятилетке стоит актуальная задача значительного (не ухудшающего конечно качества продукции) уменьшения расходных коэффициентов сырья, топлива, энергии, вспомогательных материалов, резкого сокращения материальных потерь, систематического повышения норм выхода продукции из единицы сырья.

Расходные нормы материалов

	1932 г.	1937 г.
Расход руды на 1 тонну передельного чугуна (южные заводы, кривор. руда) в т	1,7	1,6
Расход кокса на 1 тонну передельного чугуна (южные заводы) в т	1,6	1,2
Содержание меди в концентратах при обогащении руды . . .	12,0	25,0
Извлечение меди в отражательных печах (в %)	80	95
Удельный вес отходящих газов медной промышленности в сырьевом балансе серной кислоты (в %)	3,9	29,6
Выход крэклинг-бензина из нефтепродуктов, подвергнутых крэкнгу (в %)	21,1	25,0
Расход сырья на бочку цемента (известняка и мергеля) в кг	278	217
Выход сахара (в %)	13,1	14,5

У нас имеются все возможности, чтобы перекрыть эти нормы.

Лучшее использование материальных ресурсов не только ускоряет рост продукции и снижение себестоимости, но сокращает также объем капитальных вложений, так как сохранение структуры и качества использования строительных ресурсов на уровне 1932 г. потребовало бы значительно более крупного объема капитальных вложений для производственной программы второго пятилетия¹.

Мы подошли к такому этапу освоения, когда по-новому ставится вся проблема норм, удельных расходов, коэффициентов использования оборудования. Однако многие работники промышленности фетишизируют и абсолютизируют эти показатели, не понимают их условности, относительности, динамичности. В своей речи на заседании технического совета т. Орджоникидзе подробно остановился и на этой проблеме: «Если товарищи, болтающие о технических обоснованных нормах, думают, что они двигают вперед производительность труда, то они жестоко ошибаются, они проповедают застой, консерватизм и сами этого не понимают. Наши технические нормы вырабатываются в работе, вырабатываются в процессе освоения. Чем дальше вы будете идти эдак вперед, чем лучше будете осваивать технику, тем больше и больше будете приближаться к действительно технически обоснованным нормам».

V

Вполне понятно, что возможность экономии средств производства зависит не только от тех, кто их непосредственно применяет, но и от качества работы тех, кто их производит. Здесь мы подходим к следующему важнейшему показателю освоения новой техники — качеству продукции. Борьба за высокое качество продукции также является одной из основных форм борьбы за повышение производительности общественного труда.

Влияние качества продукции на производительность труда сказывается двояким образом — прямо и косвенно. Сначала о прямом влиянии. Применение в производстве плохо сконструированной машины, недоброкачественного сырья, избыточно зольного и влажного угля а) вынуждает рабочего затрачивать лишнее количество труда

¹ См. «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР», т. I, стр. 367.

для преодоления тех материальных сопротивлений, которые встречает он в неудовлетворительном качестве продукции: «рабочий при плохом материале для переработки того же самого количества затрачивает больше времени» (Маркс); б) вызывает п о в ы ш е н н ы й р а с х о д с ы р ь я, так как «от качества применяемых машин и орудий зависит больше или меньше та часть сырого материала, которая в процессе производства превращается в отбросы... Это зависит также от качества самого сырого материала» (Маркс); в) с н и ж а е т благодаря увеличенному браку ф а к т и ч е с к у ю н о р м у выработки продукции рабочим; г) у м е н ь ш а е т к о э ф ф и ц и е н т п о л е з н о г о д е й с т в и я несовершенной врубочной машины, домны, в которую засыпают необлагороженную шихту, прядильного станка, работающего на плохом сырье, подвижного состава транспорта, нерационально перевозящего сотни тысяч тонн золы, влаги, пыли и т. п. Это — п р я м о е отрицательное влияние низкого качества продукции на производительность общественного труда.

Обратимся к косвенной роли качества орудий труда в совокупном балансе производительности общественного труда.

Вопрос стоит так: на какую массу продуктов распределяется то количество труда, которое овеществлено в машине, иными словами, как быстро, в зависимости от своего качества, снашивается машина. Если качество машин, инструментов, сооружений неудовлетворительно, то с о к р а щ а е т с я срок их физической службы и у м е н ь ш а е т с я различие периодов пользования и снашивания машины. И может оказаться, что хотя производство машины стоит обществу все меньшего количества труда, но в процессе применения этой машины вызванное ею повышение производительности труда рабочего у р а в н о в е ш и в а е т с я или п е р е к р ы в а е т с я ненормально быстрым снашиванием машины, т. е. исключительно крупными долями овеществленного в ней прошлого труда, которые она присоединяет к изготовленному с ее помощью продукту, ибо чем быстрее происходит изнашивание машин, тем более труда требуется следовательно для воспроизводства продукта. Маркс первый в истории политической экономии развил мысль о том, что умение максимально увеличить и рационально утилизировать материальную разницу между использованием и снашиванием машины имеет огромное значение для уровня производительности общественного труда, так как, по существу, дает в руки человека мощную д о б а в о ч н у ю производительную силу, аналогичную д а р о в ы м силам природы. «Разница между использованием и снашиванием много больше у машины, чем у орудия, потому что машина, построенная из более прочного материала, живет дольше, а ее применение, регулируемое строго научными законами, делает возможной большую экономию в расходовании ее составных частей и потребляемых ею средств и, наконец, арена производства у нее несравненно шире, чем у орудия. Если мы отбросим от машины и орудия средние ежедневные издержки на них или ту составную часть стоимости, которую они присоединяют к продукту ежедневным средним снашиванием и потреблением вспомогательных веществ, например, масла, угля и т. д., то оказывается, что они действуют даром, как силы природы, существующие без содействия человеческого труда»⁸.

Таким образом повышение качества продукции обуславливает рост уровня производительности общественного труда, в о - п е р в ы х, освобождением рабочего от излишних трудовых усилий и повышением КПД оборудования, т. е. уменьшением количества оборудования, потребного для производства (и перевозки) данного количества продукции, следова-

⁸ «Капитал», т. I, стр. 294, изд. 1929 г.

тельно высвобождением от непроизводительной работы не только рабочей силы, но и основного капитала; во-вторых, сокращением удельных норм расхода сырья, топлива, вспомогательных материалов; в-третьих, понижением брака, следовательно соответствующим ростом фактической выработки продукции рабочим; в-четвертых, непрерывным развитием, совершенствованием, полным использованием той мощной специфической даровой силы, которая органически вырастает в крупном производстве из материальной разницы между пользованием и снашиванием орудий труда.

VI

Переходим к последнему по счету — но, конечно не по значению — показателю неосвоенности новой техники: относительно медленному по сравнению с имеющимися возможностями темпу роста выработки продукции на одного рабочего в единицу времени. Этот показатель не является конечно совершенно самостоятельным. В нем находят свое выражение те моменты неосвоенности техники, о которых мы уже говорили (неполное использование основного капитала, неудовлетворительное качество продукции, потери в производстве и т. п.). Содержа в себе эти моменты, он в известной мере как бы дает им сводное выражение, но вместе с тем отражает в своем составе и динамике ряд других фактов (уровень организации труда в производстве, система зарплаты, соотношение основных и вспомогательных рабочих, интенсивность труда и т. п.).

Как развиваются в нашей промышленности материальные предпосылки увеличения выработки продукции рабочим в единицу времени?

Техническая реконструкция в сочетании с социалистической организацией труда создает замечательные возможности сокращения затрат живого труда на единицу продукции. Обусловленный исключительно быстрыми коренными сдвигами методов технологии, уровня концентрации и форм географического размещения производства, рост производительности социалистического труда осуществляется разными путями.

Начнем с технологических сдвигов производства. Элементарной основой роста производительности общественного труда в результате изменения методов технологии производства выступает механизация. «Машина является наиболее могучим средством для того, чтобы увеличить производительность труда, или, иными словами, для того, чтобы сократить рабочее время, необходимое для производства товаров» (Маркс). Первичная механизация производства, дальнейшее усовершенствование отдельных частей машины и всей машины в целом, внедрение системы автоматов и полуавтоматов обуславливают систематический подъем производительности труда. Однако механизация производства обеспечивает серьезный и систематический подъем производительности труда при непременно условии комплексности ее внедрения. Необходимо обеспечить технологическое единство производственного процесса планомерным охватом соответствующими механизмами не только основных, но и подсобных операций, образующих в совокупности материальное содержание производства данного продукта.

Механизация всего народного хозяйства, особенно тяжелой промышленности, развивается в СССР исключительно быстрыми темпами и в огромных масштабах. Однако некоторые, особенно трудоемкие отрасли еще не переведены на достаточно высокий уровень механизации (транспорт, лесное хозяйство, строительство). В тех отраслях, где механизация продвинулась

далеко вперед и практически окрепла, стоят задачи усовершенствования механизмов, более глубокого развития автоматизации. В ряде отраслей (особенно каменноугольной, нефтяной, железорудной) механизация некомплектна что, естественно тормозит подъем производительности труда.

Но механизация не действует одиноко на производительность труда. В тесный, все более многосторонний, исключительно плодотворный контакт с машиной вступает электрический ток. Влияние электричества на машину исключительно велико и многообразно.

Во-первых, применение электрической энергии знаменует крупнейшую веху в историческом процессе обособления двигательной силы механизмов от узких, ограниченных физических возможностей рабочего и приобретения ею самостоятельной развитой формы машинного аппарата. Во-вторых, электромотор необъятно расширяет область применения машин. Симметричная форма мотора, его компактность, возможность сосредоточить большую мощность в сравнительно незначительном объеме открывают величайшие перспективы в области конструктивных изменений машины и создают (особенно со времени появления многомоторных приводов) предпосылки механизации и автоматизации таких процессов, которые при других видах двигательной энергии нельзя было бы автоматизировать. В-третьих, одиночный и многомоторный приводы преобразуют традиционную дислокацию машин и рационализируют все вспомогательное хозяйство цехов в направлении развития непрерывно-поточного производства. В-четвертых, электричество преобразует машину не только через систему привода. Продукты электрометаллургии и электротермии и повышают квалификацию материального состава машины, усиливая выносливость и дееспособность ее комбинированных органов.

Применение электричества в производстве осуществляется различными способами и соответственно в различных направлениях влияет на производительность труда.

Однако еще один могучий фактор все глубже и всестороннее включается в сложный механизм современного технологического цикла. Это — химическая реакция. Химизация производства повышает производительность общественного труда в основном следующими путями: 1) усвоением производственных процессов, 2) интенсификацией выходов из сырья, 3) удлинением срока службы материи как субстанции основного капитала (пропитка химическими веществами дерева и металлов), 4) созданием методами комплексного использования сырья и топлива огромной серии новых продуктов, часто менее трудоемких, более прочных и эффективных, быстро заменяющих старые продукты во многих отраслях хозяйства и быта. Приведем несколько примеров.

Успешность быстрой проходки глубоких нефтяных скважин в значительной мере зависит от качества глинистых растворов: один из основных факторов улучшения качества растворов — химическое добавление к ним. Применение взрывчатых веществ в горном деле, железнодорожном строительстве, добыче торфа, рытье канав и множестве других трудоемких и тяжелых работ во много десятков раз повышает производительность труда, улучшает качество работы, ликвидирует сезонность производственного процесса, сокращает потребность в металле и механизмах. В черной металлургии химическая подготовка шихтового сырья — один из важнейших факторов ускорения производства и повышения коэффициента использования агрегатов: улучшение качества кокса предварительным обогащением углей, агломерация пылеватых руд, улучшающая их химический состав, замена известняка, засыпаемого в доменные печи, известью обуславливают существенное улучшение качественных показателей черной металлургии.

Замечательные перспективы доменному, содовому, серноокислотному процессам открывает применение кислорода. Пропитка древесины антисептическими химическими веществами удлиняет срок ее службы: сосновые шпалы, пропитанные хлористым цинком, служат 8—10 лет, пропитанные каменноугольными маслами — до 15 лет. Внедрение химических методов в производство сплавов уменьшает механический и химический износ металлов, к которым современная техника мощных давлений, высоких температур, колоссальных скоростей предъявляет повышенные требования прочности. Созданием серии органических синтезов химия в ряде случаев значительно экономит общественный труд и позволяет заместить продукты, занимавшие прежде традиционно-монопольное положение, другими, более квалифицированными и эффективными и т. д. и т. п.

Технические сдвиги в производстве (механизация, электрификация, химизация) — материальная предпосылка концентрации и комбинирования. Опираясь на новую техническую основу, концентрация производства выступает в свою очередь качественно своеобразной формой роста производительных сил и несет с собой специфически повышенные потенции подъема производительности общественного труда. Производительность труда в связи с развитием концентрации производства испытывает комбинированное влияние растущей технической мощности оборудования и специфических производственных потенций социалистически обобществленного труда.

Третьим крупным фактором сокращения затрат живого труда на производство единицы продукции — наряду с изменением технологии и развитием концентрации и комбинирования производства — выступает социалистический принцип размещения производительных сил. Правда, вначале хозяйственное освоение некоторых районов требует дополнительных масс труда для преодоления специфических моментов их вековой отсталости, но в ходе развития социалистических форм размещения производительных сил эти добавочные затраты с избытком компенсируются все более рациональным географическим режимом обмена веществ в народном хозяйстве.

Итак, техническая реконструкция в сочетании с социалистической организацией очень быстро развивает материальные условия сокращения затрат живого труда на единицу продукции, т. е. прогрессирующего роста выработки продукции на рабочего в единицу времени. В первой пятилетке среднегодовой рост выработки продукции на рабочего составил 8%, во второй он должен подняться до 10%. В какой мере отставали мы к началу второй пятилетки от уровня передовых капиталистических стран по выработке продукции на рабочего? Вполне учитывая всю условность статистического сопоставления этих показателей, мы для некоторой общей ориентации приводим таблицу, составленную по материалам, почерпнутым из специальных советских и иностранных отраслевых журналов, статистических справочников и др. источников.

Сравнительные уровни производительности труда в СССР (к концу первой пятилетки) и в капиталистических странах в 1928—1930 гг.

	СССР	Капиталистические страны
1. Каменноугольная промышленность		
Период строительства крупной шахты (годы)	5—6	2—2 $\frac{1}{8}$
Скорость месячного прохождения стволов шахты (м)	10—15 сред.	35—40 не форс. 60 при форсир. темп 100 при напряж.

Срок оборудования поверхности шахты (месяцев)	4—6	2,5—3,0
Производительность угольного трудящегося на смену (<i>m</i>)	1,38	6,0—12,0 (США) 4,0 (Германия) 2,2—4,9 (США)

2. Нефтяная промышленность

Скорость проходки при вращательном бурении на станко-месяц (<i>m</i>) . . .	100—120	400—500 (США)
---	---------	---------------

3. Лесная промышленность

Средняя производительность лесоруба (<i>m</i> ³ в день)	3—4	13—14 (Канада)
Количество рабочих, необходимое для заготовки млн. куб. метров леса . .	около 3 000	700—800 (США)

4. Строительная индустрия.

Выработка на человеко-смену нерудно-ископаемых материалов (гравий, бут) в <i>m</i>	2	16—28 (США) 5,8 (Канада)
Выработка на 1 рабочего металлических строительных конструкций (<i>m</i> в год)	6—15	100—200 (США) 60—120 (Германия)
Выработка на 1 рабочего цемента (бочек в год)	1 017	5 350 (США) 3 050 (Германия)

5. Строительство

Количество укладываемых рабочим кирпичей в смену (штук)	не выше 1 100 в среднем 600 нижн. пред. 250	1 400 (Германия) 1 600 (США)
Средняя сменная производ. штукатурка (в <i>m</i> ²)	не выше 15 в среднем 10 нижн. пред. 5	24 (Германия) 30—35 (США) 3,6 (Германия)

6. Черная металлургия

Годовая производительность доменного рабочего (<i>m</i>)	250—300 (лучш. заводы)	1 300 (США) 600 (Германия)
Производство чугуна в человеко-час (в <i>kg</i>)	100—120	600—700

Грубо говоря, к концу первой пятилетки выработка советским рабочим промышленной продукции в единицу времени была в два-три раза меньше, чем в Германии и Англии, и в четыре-пять раз меньше, чем в США. За истекшие с тех пор годы производительность труда нашего рабочего значительно выросла. Но возможности дальнейшего роста еще очень велики. Совершенно ошибочно считать, что относительно низкие нормы выработки промышленной продукции советским рабочим — прямой результат и непосредственное отражение технической отсталости нашей индустрии. Такое положение вещей было характерно до первой пятилетки. Величайшие технические сдвиги, происшедшие в период первой и первые годы второй пятилетки, вносят принципиальное изменение в проблему производительности труда. Теперь СССР — страна мощной и первоклассной промышленности, крупного, обобщественного и механизированного сельского хозяйства. Сравнительно невысокий уровень выработки промышленной продукции рабочим обусловлен в настоящий период уже не столько сохранившейся еще конечно на отдельных участках относительной технической отсталостью социалистической индустрии, но

в значительной мере неумением полностью освоить, мобилизовать, использовать те огромные внутренние резервы роста производительности труда, которые даны новой мощной технической вооруженностью на базе социалистического строя производственных отношений.

Основные дефекты организации труда на наших предприятиях, препятствующие тому, чтобы «выжать из техники максимум возможного», по-настоящему оседлать ее, исчерпать до дна ее мощные ресурсы, заключаются в следующем:

1) Еще не ликвидирована полностью текучесть (сильно ослабевшая однако за последние два года). Наиболее стабилен состав рабочих в машиностроении и химической промышленности. Норма прогулов здесь почти вдвое ниже, чем в среднем во всей тяжелой индустрии. В черной металлургии текучесть и прогулы также меньше, чем средняя норма. Каменноугольная промышленность значительно отстала от передовых отраслей, в частности по сокращению прогулов. 2) Не полностью используются богатые технические возможности замены рабочей силы машиной, действующей в предприятии: количество рабочих, занятых на единицу оборудования, сравнительно велико и часто значительно превышает количество рабочих на единицу аналогичного оборудования в капиталистических странах. 3) Внутри предприятий не освоены рациональные и экономные формы разделения труда, выражающие правильные числовые пропорции основных и вспомогательных рабочих. 4) Недостаточен уровень интенсивности труда: ненормальная пористость рабочего дня, слабая уплотненность производственным трудовым процессом единицы рабочего времени, крупная доля непроизводительных пауз и перерывов в балансе каждой смены. 5) Не выработана на многих предприятиях гибкая оперативная система управления, отвечающая строгим и сложным требованиям передовой техники.

В этом году на заводах тяжелой индустрии появились два новых мощных рычага дальнейшего преодоления указанных дефектов организации системы труда: 1) перестройка на ряде передовых предприятий системы заработной платы (слияние на ряде заводов всех внутрицеховых фондов заработной платы в единый фонд и предоставление начальникам цехов права маневрировать фондами заработной платы для материального стимулирования рабочих; расширение разных форм поощрительных систем заработной платы и т. д.), роль которой в бюджете рабочего значительно выросла в связи с отменой карточек на хлеб, муку, крупу и некоторые другие продукты; 2) отличие, новая, выходящая ступень ударничества, возникшая по инициативе завода им. Менжинского.

Мы изжили уже в основном период голода в области техники. Упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Если бы мы располагали уже сегодня кадрами, стоящими на уровне требований новой и мощной техники, то страна могла бы получить втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь. Вся партия, вся страна призываются на борьбу за скорейшее осуществление нового, делающего эпоху, лозунга товарища Сталина: «Кадры решают все».

К вопросу о преодолении сезонности в земледелии *

Степень сезонности является одним из признаков уровня отсталости производства. Поэтому преодоление сезонного характера в с.-х. производстве не есть самостоятельный процесс, а является результатом развивающегося производства, его реконструкции и организационного укрепления. Но этот процесс происходит не самотеком: во-первых, задача преодоления сезонности требует сознательно проводимых мероприятий, во-вторых — преодоления сопротивления классовых врагов и их агентуры, вредителей и оппортунистов.

В борьбе за создание высококультурного передового сельского хозяйства, за приближение его по темпам роста продукции к промышленности, в борьбе за его рентабельность не последнее место занимает разрешение задачи преодоления сезонности.

Наше социалистически и технически преобразованное сельское хозяйство, вступив после окончания реорганизационного периода в полосу подъема, в состоянии преодолеть и преодолевает сезонный характер с.-х. производства.

Сельскохозяйственное производство СССР, став самым крупным в мире, превращается в разновидность индустрии. «Мы сейчас имеем в сельском хозяйстве не просто машины, а систему машин, целую цепь связанных между собой механизированных производственных процессов»¹.

Можно ли преодолеть сезонность сельскохозяйственного производства при господстве капиталистического способа производства?

Капиталистический способ производства проникает и в земледелие, но в силу непреодолимых при капитализме — и в особенности в его последней фазе — препятствий «все развитие земледелия безнадежно отстает от развития промышленности»². Отставание с.-х. производства принимает теперь, во время экономического кризиса, характер деградации. Следовательно при капитализме сельское хозяйство не может превратиться в передовую отрасль производства. Между тем лишь только такое превращение делает возможным преодоление сезонности производства.

В известном произведении американских буржуазных экономистов «Новейшие изменения в экономике САСШ» Нокс выдвигает следующую программу «борьбы» с сезонностью:

«Вполне возможно, что при новых способах сельского хозяйства

* Печатается в порядке постановки вопроса.

¹ «Правда» от 14/1 1935 г.

² Ленин, Соч., т. XIX стр. 99.

в деревне будут держать только основные рабочие резервы, пользуясь в разгар сезона трудом рабочих, привозимых из города...».

«В короткие периоды острой нужды в рабочей силе необходимо привлекать в деревни трактористов и неквалифицированных рабочих, нужных только при сборе урожая, а в то время, когда с.-х. работы приостанавливаются, следует предоставлять этим группам производительную работу в городской промышленности».

«... Намечается тенденция к устройству заводов в деревнях...».

Приводит ли такая «перспектива» к преодолению сезонности сельского хозяйства?

Конечно нет. Характер самого с.-х. производства ведь остается попрежнему сезонным. Дело сводится лишь к переброске рабочих из сельского хозяйства в промышленность и обратно, причем речь идет о такой периодической переброске, которая вытекает из сезонности сельского хозяйства и ею определена.

Преодоление сезонности с.-х. производства как один из моментов ликвидации отставания сельского хозяйства, превращения его в передовую отрасль производства, в индустрию возможно лишь при диктатуре пролетариата, когда индустриализация носит всесторонний характер.

Верно, что не все особенности земледелия могут и должны быть устранены. Но так называемые неустранимые особенности не препятствуют превращению сельского хозяйства в индустрию. Ленин, предостерегая от утрирования сравнения промышленности с земледелием, сделал такой вывод: «Вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии никогда не будет отличаться всеми теми чертами, которые она имеет в промышленности»³. Отсюда следует, что не все, а ряд особенностей сельского хозяйства устраняется. Сезонность с.-х. производства надлежит считать одной из преодолимых при диктатуре пролетариата особенностей сельского хозяйства.

На какой основе преодолевается сезонность в земледелии? На основе, как известно, социалистической и технической реконструкции сельского хозяйства, внедрения техники, но техники особого рода, вытекающей из одной из особенностей земледельческого производства, специфической роли земли в земледелии.

Первоначально земля выступает как «всеобщий предмет человеческого труда»⁴, поскольку она доставляет готовые предметы потребления без содействия человека. Но впоследствии, с развитием производительных сил в земледелии — орудий труда и рабочей силы, «земля становится средством труда» (разр. моя. — И. У.)⁵.

Подъем производительности труда в земледелии зависит и от рационального использования самой земли. Земля становится могучим средством подъема производительности труда, когда посредством других средств труда она улучшается, совершенствуется в качестве средства труда.

Специфичность роли земли в земледелии в том и состоит, что она превращается в средство труда, рациональное применение и усовершенствование (улучшение, обогащение) которого является одним из

³ Ленин, Соч., т. IV, стр. 191.

⁴ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1928 г., стр. 120.

⁵ Там же, стр. 121.

существеннейших факторов роста производительности труда в земледелии.

Из этой специфичности земли в земледелии вытекает и особенность техники в нем: сочетание техники (механической) с агротехникой.

Земледелие способно превратиться в передовую отрасль производства на базе именно такой техники.

В развитии такого типа техники дан главный ключ и к преодолению сезонности земледельческого производства.

В силу известных, неустранимых противоречий капитализм ставит непреодолимые препятствия усовершенствованию важнейшего средства труда в земледелии — земли и приводит ее к глубокому истощению.

Для капитализма характерен не столько рост агротехники, сколько хищническое использование величайшего средства земледельческого производства — земли, что является одной из причин страшной отсталости сельского хозяйства, невозможности превращения его в передовую культурную отрасль производства, преодолевающей сезонность.

В переходный период, когда ликвидируется монополия земельная собственность вместе с ликвидацией частной собственности на землю вообще и сельское хозяйство становится социалистическим и крупным, открывается широкий простор применению агротехники.

Вредители направляли свои усилия к отрыву агротехники от техники с.-х. производства, прекрасно понимая пагубность такого отрыва для развития сельского хозяйства и вместе с тем народного хозяйства в целом.

Вот что проповедывал известный вредитель Вольф еще в 1931 г.:

«Нам незачем вводить здесь стационарное сельское хозяйство, которое требует колоссального напряжения. В условиях механизированного хозяйства машинам нужно оставаться в поле в течение 40 дней. Мы можем земледельческую работу свести к выездам бригад на короткий срок для возделывания земли, связав при этом всю энергетику совхозов с какими-нибудь другими предприятиями: транспортными, промышленными, строительными и т. д.»⁶ (разр. моя. — И. У.)⁶.

Суть вредительского устремления Вольфа достаточно ясна. Здесь наглядно видно и то, что рассматривание механизации вне сочетания ее с высокой агрикультурой земледельческого производства приводит к чудовищному усилению сезонности (40 рабочих дней с двумя огромными интервалами — с весны до лета и с осени до весны). Эту карикатурную «индустриализацию» вредители и пытались навязать социалистическому сельскому хозяйству.

Вопрос о важнейшей необходимости одновременного и систематического развития техники (в узком смысле слова) и агротехники выдвигается теперь как актуальный вопрос практики.

Тов. Постышев на II областном съезде советов Киевщины заявил следующее:

«Несоответствие между степенью механизации сельского хозяйства и уровнем культуры и агротехники нашего земледелия является одним

⁶ Цит. по работе т. Никулина, Буржуазные теории и вредительство в освоении новой с.-х. техники, стр. 25.

из серьезнейших тормозов на пути дальнейшего крутого подъема социалистического сельского хозяйства.

Какое значение придает т. Постышев преодолению этого несоответствия, показывает его оценка главного достижения земледелия на Украине:

«Этот перелом в борьбе широчайших масс колхозников за агротехнику, за социалистическую культуру земледелия является самым крупным, самым серьезным нашим достижением в 1934 году»⁷ (разр. моя. — И. У.).

Внедрение агротехнических мероприятий явилось одной из серьезнейших причин большого сбора зерна в 1934 г. по сравнению с 1933 г., несмотря на гораздо менее благоприятные метеорологические условия.

Таким образом продвижение агротехники в соответствии с уровнем механизации является наиболее существенной задачей на данной стадии развития социалистического земледельческого производства.

Передовая механизированная техника не противостоит высокой агрикультуре, агротехнике, а наоборот, существует органическая взаимосвязь этих двух сторон специфического типа техники в земледелии. Эффективность использования машин обеспечивается наиболее полным их применением, что возможно лишь при условии серьезного внедрения агротехники, расширяющего число и объем с.-х. работ. С другой стороны, передовая агротехника, высокая культура не может быть применена (если отсутствуют сложные машины и система машин.

Итак, сезонность преодолевается на основе внедрения машинной техники и агротехники.

По каким направлениям идет преодоление сезонности? Сезонность преодолевается по тем линиям, которые характеризуют ее в земледелии, а именно: 1) более равномерное распределение труда в различные периоды с.-х. работ; 2) удлинение рабочего периода в году; 3) уменьшение перерыва труда внутри годового рабочего периода.

1. Самым важным средством преодоления сезонности является механизация работ. И на практике доказано, что механизация способна обеспечить производство работ силами постоянного кадра работников и в наиболее напряженный, «трудоемкий» период — во время уборки урожая. По данным Института социалистического земледелия Азово-черноморского края, в Миллеровском совхозе параллельно с ростом механизации уборки хлеба падает — и в большей степени — удельный вес сезонной рабсилы. В 1933 г. при 45,2% уборки хлеба комбайнами на 1 га затрачивалось 13,7 сезонных человеко-дней, а в 1934 г. при 75% механизации на 1 га затрачивается уже 6 сезонных человеко-дней, т. е. в два раза меньше. Тенденция тут ясно выражена: отпадает потребность в сезонных рабочих, что уже имеет место в частности в Северокавказском крае. Одна треть (5 из 15) совхозов края в 1934 г. убрала колосовые хлеба своим постоян-

⁷ «Правда» от 14/1 1935 г.

⁸ Данное указание т. Постышева на II Областном съезде советов Киевщины следует относить не только к Украине, а к СССР в целом.

ным кадром рабочих, а в прошлые годы, тысячи людей привлекались в совхозы, чтобы «спасать урожай». Характерно, что больший урожай и в меньшие сроки (по сравнению с 1933 г.) был убран в 1934 г. в большинстве этих совхозов в три раза меньшим количеством рабочих. Результаты оказались разительными, в частности в отношении эффективного использования комбайнов, освоения комбайновой техники, сокращения потерь и сроков сдачи (и в гораздо большем количестве) хлеба государству.

Чем вызван такой перелом в условиях значительного сокращения рабочей силы и полного отпадения надобности в сезонных рабочих? Резким скачком в механизации хлебоуборки в этих совхозах: с 8—31,5% (в 1933 г.) до 65,5—81,7% (в 1934 г.). Такого же уровня комбайнизации достигли совхозы Крыма, а Первомайский совхоз убрал всю площадь комбайнами.

Успехи в деле преодоления сезонности по линии более равномерного распределения труда в году на базе механизации, путем резкого снижения удельного веса ручного труда в наиболее «трудоемкий» (уборочный) период, характерные не только для отдельных групп совхозов отдельных районов.

Так, по всему Союзу процент механизации в 1934 г. по сравнению с 1933 г. с 20,3 по уборке зерновых повысился до 23,1 и с 65,2 по молотье до 70 (при задании для конца пятилетки в 85%). Большое отставание в темпах роста механизации хлебоуборки вызывается так называемыми «антикомбайновыми настроениями», носящими определенно выраженный классово враждебный характер. Отставание механизации хлебоуборки в большей степени имеет место в колхозах. По совхозам же в целом мы имеем огромный скачок уровня в механизации уборки хлеба: 1933 г. — 38,3%, 1934 г. — 74,2% (при задании в 90% механизации для 1937 г.).

1935 год даст резкий скачок в повышении механизации уборки хлеба в социалистическом сельском хозяйстве в целом, что обеспечивается также громадным увеличением выпуска комбайнов в нынешнем, третьем году второй пятилетки.

Благодаря механизации постепенно отпадает надобность в резком увеличении рабочей силы в уборочную кампанию.

В конце пятилетки намечено такое изменение.

Затраты на 1 га посева зерновых злаков

К а м п а н и и	Силочасы тяги		Человеко-часы	
	1922—1924 г.	1937 г.	1922—1924 г.	1937 г.
Весенняя	72	36	64	19,5
Уборочная	17	24	136	30

Отсюда вывод:

«Механизация сельскохозяйственного производства позволяет решить уже во втором пятилетии проблему более равномерного распределения сельскохозяйственных работ в основные периоды их производства»⁸.

2. Однако для достижения более равномерного распределения труда

⁸ «Второй пятилетний план развития народного хозяйства», т. I, стр. 218.

по с.-х. кампаниям необходим ряд других — помимо механизации — средств.

Установление севооборота, выработка плана работ, распределение участков по бригадам — все это определяет объем работ и вместе с тем объем труда по кампаниям.

Следовательно в деле достижения большей равномерности в сельскохозяйственном производстве по кампаниям значительную роль играет также система севооборота (соотношение культур, ярового, озимого клинов) и распределение участков полей севооборота по бригадам. Имеет место немало случаев, когда неудачный производственный план создает излишнюю напряженность в одном периоде и незначительный объем работ в другом периоде. Удачное сочетание культур, клинов (озимых и яровых), участков в бригадах и т. п. усиливает равномерность процесса производства по кампаниям и с этой стороны способствует преодолению сезонности.

Влияние разбираемого фактора особенно усиливается теперь, после II Всесоюзного съезда колхозников-ударников. «Полеводческие бригады выделяются на срок не менее полного севооборота», им «отводятся участки в полях севооборота на срок севооборота», бригадир назначается на срок не менее двух лет. Все эти принципы нового примерного устава с.-х. артели, укрепляющие постоянство бригад, в сильнейшей степени способствуют наиболее полному и равномерному производительному использованию средств труда и рабочей силы в социалистическом сельском хозяйстве.

3. Неравномерность напряжения труда по кампаниям смягчается и сочетанием различных видов с.-х. производства.

Такого рода сочетание вытекает из специфичности специализации в сельском хозяйстве. Эта специфичность иногда недостаточно учитывается, в частности при организации совхозов. Тов. Сталин на XVII партсъезде указал, что «сами совхозы слишком специализированы». А это является одной из причин того, что «они все еще остаются не на высоте своих задач». В чем же заключается специфичность специализации в сельском хозяйстве?

«По самой природе земледелия, превращение его в товарное производство происходит особым путем, не похожим на соответствующий процесс в индустрии. Промышленность обрабатывающая раскалывается на отдельные, совершенно самостоятельные отрасли, посвященные исключительно производству одного продукта или одной части продукта. Земледельческая же промышленность не раскалывается на совершенно отдельные отрасли, а только специализируется на производстве в одном случае — одного, в другом случае — другого рыночного продукта, при чем остальные стороны сельского хозяйства приспособляются к этому главному (т. е. рыночному) продукту. Поэтому формы торгового земледелия отличаются гигантским разнообразием, видоизменяясь не только в различных районах, но и в различных хозяйствах»⁹.

Работы по производству разных продуктов, разных отраслей сельского хозяйства не совпадают целиком во времени, и вследствие этого создается возможность более равномерного и полного использования рабочей силы и средств производства.

Это важнейшее указание Ленина имеет решающее значение. «Социалистическое с.-х. предприятие конечно не приспособляется к ка-

⁹ Ленин, Соч., т. III, стр. 237—238.

кому-либо рыночному продукту, но оно вырабатывает основные продукты по государственному плану, причем вырабатывает какой-либо продукт как главный, но помимо него — и для более производительной выработки его — производится ряд других продуктов.

Элементы животноводства должны иметь место во всех неживотноводческих с.х. предприятиях и не только в тот период, когда животноводство отстало, не только как временная мера. И наоборот, животноводческие с.х. предприятия должны заниматься и земледелием, в первую очередь возвращением соответствующих культур корма для скота.

Такой тип специализации относится не только к отдельным предприятиям, но и к целым районам и областям. Нет у нас областей исключительно аграрных или исключительно промышленных. Каждая область должна иметь свою с.х. базу, причем такую, которая вырабатывает все основные виды с.х. продукции. Ряд областей имеет в этом отношении значительные успехи: например Московская и Донецкая. В Московской области, быстро превращающейся из потребляющей в производящую, широко внедряется производство пшеницы, картофеля.

Бригада ЭИКП (авторов книжки «МТС и ее политотдел») столкнулась в фактами организации в колхозах бригад взаимопомощи. Так например, в крупном колхозе Гроссуловского района им. Ленина (Одесская область) полеводческие бригады имели договоры с огороднической и садовнической бригадами. Летом полеводческие бригады получали временно группу работников из огороднической или садовнической бригады, а поздней осенью временно отдавали последним часть своих работников. Тем самым достигались большая равномерность затраты труда по кампаниям и большее использование рабочей силы.

Интересно попутно отметить, что специфичность специализаций (подобно специфичности техники) в сельском хозяйстве не препятствует, а способствует преодолению сезонности.

4. Те значительные периоды времени, в течение которых работы в земледелии в основном не производились, все более и более превращаются из провалов в годовом рабочем периоде в части этого рабочего периода благодаря внедрению агротехнических работ.

Период с весенней посевной кампании до уборочной заполняется прополкой, подъемом паров, причем в крупном масштабе, захватывая основные массы работников. Прополка охватывает большую часть посевной площади зерновых, колосовых культур. По данным Наркомзема, в 1933 г. прополото по колхозам и по единоличному сектору 32,9 млн. га, а в 1934 г. прополото 47,9 млн. га (рост на 15 млн. га, почти на половину!), или 63,4% посевной площади. Подъем паров охватил в 1933 г. 23,6 млн. га, а в 1934 г. 26,3 млн. га, причем колхозы выполнили план подъема паров на 103,5%.

Большую полосу осени захватывает зяблевая вспашка, которая по своим размерам приближается к подъему паров. В 1933 г. было вспахано под зябь 30,4 млн. га, и план был выполнен всего на 83,3%, а в 1934 г. план выполнен на 101% — вспахано под зябь больше половины ярового клина — 42 млн. га. Рост взмета зяби (за один год почти в два раза!) особенно значителен по отдельным областям, например в Западной области (1933 г. — 865 тыс. га, 1934 г. — 1 630 тыс. га),

в Белоруссии (1933 г. — 795 тыс. га, 1934 г. — 1 463 тыс. га), на Украине (1933 г. — 4 876 тыс. га, 1934 г. — 9 694 тыс. га).

Все эти данные полностью подтверждают правильность приведенного выше указания т. Постышева о первых серьезных успехах в деле внедрения агротехники.

Вторая пятилетка намечает на 1937 г. охват зябью и парами 60 — 100% (в зависимости от культуры) ярового клина.

С.-х. производство превращается постепенно в непрерывный процесс, а возрастание масштабов таких работ, как прополка, подъем паров и зяби, постепенно выравнивает различие в напряженности труда в отдельных с.-х. кампаниях.

Мало того, кампании начинают сплетаться, и становится вообще трудным строго отделить одну кампанию от другой.

5. Особенно этому содействует сочетание различных работ в один и тот же промежуток времени.

Процесс подъема агрикультуры сельского хозяйства часто сталкивался с оставшейся косностью — «очередностью» работ. Между тем требования агротехники и более равномерного использования труда и средств производства не мирились с такой очередностью. Эта очередность, пропагандируемая остатками кулачества, приводила к тому, что планы работ в нужные сроки не выполнялись.

Для завершения всех работ в нужные сроки — что особенно существенно для выполнения планов и заданий и для обеспечения роста урожайности — необходима не очередность, а сочетание работ.

Благодаря сочетанию работ, особенными застрельщиками которого являлись политотдельцы, мы имеем значительные достижения не только в деле выполнения планов в срок, но и в отношении сокращения сроков производства важнейших работ, в особенности по посевным работам.

Сочетание работ приводит также к непрерывному и более равномерному процессу труда в земледелии при условиях широкого внедрения механизации и агротехники.

Такие основные сельскохозяйственные работы, как пахота, вследствие этого производятся почти непрерывно, причем определенными постоянными кадрами работников, проводящих в бригадах эти работы. Пахота например начинается весной (под яровой сев), продолжается летом (пары), осенью (озимый сев) и заканчивается осенью (зябь). На пахоте работают определенные постоянные работники, прикрепленные в бригадах к лошадям и плугам как пахари или к трактору как прицепщики. Эта группа работников составляла (по группе колхозов района деятельности Веселожутской МТС) немалую часть — 15—30% состава полеводческих бригад. Это было в 1933 г. Ряд других групп работников также имеет несколько постоянных работ в течение всего года.

В колхозах, не говоря уже о совхозах, образовывается растущее постоянное ядро бригад, имеющее почти круглый год непрерывную работу¹⁰. Это несомненно общее явление и явление чрезвычайной важности. Тенденция такова, что в конечном итоге все работники с.-х. производства будут иметь непрерыв-

¹⁰ «МТС и ее политотдел». Диаграмма на стр. 184—185 и стр. 187.

ную круглогодичную работу и квалифицироваться, овладевать техникой в с.-х. предприятии.

6. Перерывы в рабочем периоде создаются и под влиянием неблагоприятной погоды. Земледельческое производство до сих пор значительно зависит от климатических условий и непогоды. Так например, нередко треть и больше простоев тракторов падает на непогоду. И по этой линии идет борьба. Московские партийные организации провели например большую борьбу за производство молотбы в условиях частых дождей в 1933 г. (устройство на токах навесов и др.). В этом отношении очень мало еще сделано, но подобно тому, как мы преодолеваем неблагоприятные климатические условия, получая повышенный урожай (как в прошедшем 1934 г.), имеются возможности преодолевать постепенно «простои» и по «вине» погоды. И то и другое выражает борьбу за овладение силами природы. Влияние сил природы в земледелии значительно, но преодоление этой особенности есть необходимая (для превращения его в передовую, высококультурную отрасль производства) и возможная (хотя и очень трудная и разрешимая за длительный период времени) задача. В этом смысле начатое распространение небольших метеорологических станций нельзя недооценивать.

7. Все белло охарактеризованные процессы идут по линиям заполнения пробелов в рабочем периоде и более равномерного распределения труда на протяжении годового рабочего периода. Однако большое значение имеет относительно небольшая продолжительность рабочего периода. Противоречие между общей продолжительностью рабочего периода и периодом производства в земледелии является одной из характернейших черт сезонного характера с.-х. производства.

Преодоление сезонности идет и по этой линии.

Сверхранний сев, ощутительно повышающий урожай, требует более раннего начала рабочего периода (в календарном году). В 1933 г. сверхранним севом было охвачено 3,5 млн. га, что в значительной части районов составляло 20—30% ярового клина. В 1934 г., по данным Наркомзема, сверхранний сев охватывает уже 4,3 млн. га. Отдельные края чрезвычайно высокими темпами и в больших масштабах внедряют сверхранний сев: Украина — 704 тыс. га в 1934 г. против 317 тыс. га в 1933 г., Западная Сибирь 277 тыс. га в 1934 г. против 104 тыс. га в 1933 г. В деле преодоления сезонности в земледелии сверхранний сев 1) удлиняет рабочий период и 2) снижает напряженность работ во время весеннего сева. Следовательно сверхранний сев — одно из важнейших средств всестороннего преодоления сезонности.

В том же направлении действует другое мероприятие по повышению урожайности и преодолению сезонного характера земледелия: подзимый сев, или сев яровых под зиму (подсолнуха и других культур). За один ноябрь 1934 г. подзимый сев охватил 1,3 млн. га.

Таким образом, имеют место процессы, ведущие к растяжению рабочего периода в земледелии с первых месяцев (март) до последних месяцев (ноябрь) года.

Но и в этом случае остается зима. Можно ли включить и включаются ли зимние месяцы в рабочий период?

8. В зимний период в колхозах проводятся важные мероприятия и работы: очистка зерна, засыпка семенного фонда, ремонт орудий производства, инвентаря.

Однако рассмотрение деятельности в зимний период работников социалистического земледелия на этом ни в коем случае не может кончатся.

Особенно существенна культурная работа в зимний период. В условиях культурной отсталости работников социалистического земледелия, при широком внедрении передовой техники и высокой агрикультуры культурная работа — в особенности за зимний период — имеет колоссальное значение для дела создания передового с.-х. производства. Эту работу нельзя отделять поэтому от производственной работы, проводящейся в течение всех других времен года. Мало того, в современных условиях ту часть зимнего времени, которая затрачивается массами работников на повышение квалификации для овладения техникой предстоящих работ, следует, на наш взгляд, включить в рабочий период.

В колхозах Веселокутской МТС выдвинута чрезвычайно важная и интересная форма повышения знаний по овладению техникой и агротехникой колхозными массами: разбор зимой плана предстоящих работ наступающего года на основе изучения технической и агротехнической основ этих работ.

Прошедший ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) и декабрьский пленум Московского областного комитета партии в частности поставили задачу подъема культурной работы в деревне как работу первоочередной важности.

Таков ряд факторов, всесторонне преодолевающих сезонный характер с.-х. производства.

К чему сводится общий результат действия всей совокупности охарактеризованных факторов?

Можно определенно утверждать, что кривая линия затрат по кампаниям все больше и больше выпрямляется (срезаются «пики» и пр.), выражая процесс более равномерной напряженности труда на протяжении года. Этот результат можно проиллюстрировать на примере большого колхоза «День урожая» (Одесская область). По данным бригады ЭИКП, затраты труда (человеко-дни) распределяются по месяцам (за март — октябрь) таким образом (в ‰ к итогу)¹¹:

Месяцы Годы	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1932.	4,5	5,5	9,0	14,5	22,0	22,1	12,2	10,1
1933.	4,7	7,9	9,9	15,3	15,1	18,8	15,0	13,3

О чем говорят эти колонки цифр? Об увеличении удельного веса труда в первые и в последние месяцы за счет резкого уменьшения удельного веса затрат в летние месяцы, т. е. о более равномерном распределении труда по месяцам года. Конкретное изучение данного колхоза показывает, что в 1933 г. имел место значительный процент механизации уборочных работ и более широкое проведение таких агротехнических мероприятий, как прополка и подъем паров, явля. Надо иметь в виду, что эти результаты относятся только к 1933 г. (данных за 1934 г. не имеется) и далеко не к лучшему колхозу.

¹¹ «МТС и ее политотдел», стр. 166 и след.

Какие результаты имеются за 1934 г. (ликвидация применения труда сезонных рабочих и общее уменьшение количества рабочих в уборочную кампанию) по совхозам, показано выше.

Общий явно выраженный процесс все более и более равномерного распределения труда в социалистическом с.-х. производстве сопровождается процессом увеличения годового рабочего периода. Так например в колхозах Кабардино-Балкарии колхозники находятся в полевом стане с февраля по ноябрь.

Все это приводит к тому, что увеличивается число рабочих дней (и трудодней) у работников социалистического сельского хозяйства.

Число проработанных колхозниками-ударниками рабочих дней нередко превышает 200 дней в году (и еще большее количество трудодней). Особенно много рабочих дней имеют работники машинного труда: трактористы, комбайнеры, пахари, бороновальщики, прицепщики и др. (см. например «МТС и ее политотдел», стр. 159).

К такому закреплению (как в промышленности) неизбежно приводит процесс превращения сельского хозяйства в индустрию, составным моментом которого является преодоление сезонности.

Так создается в социалистическом сельском хозяйстве экономическая основа закреплению постоянных кадров, получающих возможность серьезно повышать (на постоянных работах) свою техническую и агротехническую квалификацию, что является на данной стадии развития самым важным обстоятельством, дает возможность быстро двигаться по линии культурной, жилищной жизни.

Важнейшее значение создания таких кадров для дальнейшего развития нашего социалистического сельского хозяйства в свете последних указаний т. Сталина само собою разумеется.

Нельзя также успокаиваться. Надо иметь в виду, что достигнутые результаты — лишь первые успехи (после завершения реорганизационного периода) и что разворот борьбы за преодоление сезонности еще впереди. Не следует упускать из виду, что полное преодоление сезонности с.-х. производства связано с его электрификацией, заканчивающейся превращением сельского хозяйства в индустрию.

Итак, преодоление сезонности влечет за собой как рост использования рабочей силы и средств производства, так и образование постоянного кадра работников. Совершенно очевидно, что эти обстоятельства имеют непосредственное отношение к делу повышения рентабельности и производительности.

В заключение поставим еще один немаловажный вопрос: приводит ли преодоление сезонности на базе механизации и агротехники к высвобождению рабочей силы в социалистическом сельском хозяйстве?

Выразители бессильной злобы буржуазии, стремящиеся всячески опорочить великое разрешение самого трудного вопроса социалистического строительства, разные борзописцы пытаются утверждать, что коллективизация не разрешает проблемы аграрного перенаселения.

Перед социалистическим сельским хозяйством конечно не стоит и не может стоять проблема аграрного перенаселения. Эта проблема в корне решена явно преобладающим наличием и окончательной победой в сельском хозяйстве социалистических форм производства: совхозов, колхозов и машинно-тракторных станций. Аграрное перенаселение в капиталистических условиях означает не что иное, как разорение крестьян, отрыв от них средств производства под влиянием конкуренции, эксплуатации, кабалы крупного капиталистического хо-

зяйства. Ясно, что эту суть, классовое содержание процесса аграрного перенаселения «забывают» рыцари пера буржуазии. В переходный период, в период до-массового перехода от мелкотоварного хозяйства к крупносоциалистическому еще имело место, хотя и при совершенно иных условиях расслоения, так называемое «аграрное перенаселение» совершенно иного типа и характера. Но год великого перелома положил конец этому факту, так как корни расслоения и нищеты в деревне были подрваны.

Деревня перестала быть мачехой, и поэтому «крестьянин стал оседать в деревне»¹⁸.

Если взять 1932 г. по сравнению с 1931 г., то мы, по данным ЦУНХУ, имеем резкое уменьшение оседания в городе—почти наполовину, на полтора миллиона (вместо 3,7 млн. — 2,2 млн.) чел.

Во второй пятилетке с.-х. население возрастет на 8,5 млн. чел. (на 6,5), так как деревня отдает городу в отличие от периода первой пятилетки лишь часть всего прироста—4 млн. чел., т. е. в два раза меньше, чем в первой пятилетке.

С.-х. пролетариат не только возрастает абсолютно, но возрастает почти таким же темпом (25,1%), как и городской пролетариат (26%), сохраняя свой удельный вес в рабочем классе (12,5—12,4%).

Таким образом налицо линия неуклонного роста числа работников в социалистическом сельском хозяйстве. Следовательно постоянные кадры, образующиеся преодолением сезонности, не уменьшаются, а увеличиваются.

Итак, внедрение механизации и агротехники, превращение сельского хозяйства в передовую индустриальную отрасль производства сопровождается не уменьшением, а ростом (и значительным ростом) числа работников.

Такое положение не может не вызвать дикого озлобления буржуазии, устами своих представителей откровенно признающей, что половина рождающегося человечества лишняя. Злопыхательство выражается и в утверждении, что в колхозах имеет место якобы скрытое перенаселение.

О бессмысленности применения понятия перенаселения в нашей действительности (при подрыве корней расслоения и отсутствии безработицы и в городе и деревне) мы уже указывали выше.

Но можно ли ставить вопрос так, что в колхозах есть и будет свободная рабочая сила, которая может и должна использоваться на других участках социалистического строительства (промышленность, транспорт и др.)?

Утверждение буржуазных злопыхателей о «скрытом» перенаселении в колхозах конечно неверное, клеветническое.

Мы имеем повсеместный рост не только человекоднев, но и трудовых, рост не только выходов на работу (т. е. использования трудовых резервов), но массового выполнения и перевыполнения норм выработки. Часто недостаток рабсилы служит узким местом для выполнения производственных планов.

Суть дела состоит в том, что потребность в трудовых вложениях не падает, а растет параллельно механизации:

1. Внедрение агрокультуры вызывает необходимость в дополнительных работах и увеличении их масштабов.

¹⁸ Сталин, Вопросы ленинизма, изд., 9-е, стр. 587.

2. Повышается удельный вес технических (трудоемких) культур.

3. Началось широкое развитие вслед за зерновым других видов сельского хозяйства: животноводства (в первую очередь), огородничества, садоводства и др.

4. Расширяется и посевная площадь (во второй пятилетке — на 5,3 млн. га).

Все эти и ряд других моментов требуют увеличения (наряду с механизацией), а не уменьшения трудовых вложений в сельское хозяйство. Поэтому, хотя некоторая часть подрастающего сельского населения и отдается городу, последняя, как мы видели, уменьшается.

Если взять земледелие изолированно, то и в этом случае нет основания полагать, что общегодовое вложение труда на единицу площади обязательно сократится, в ближайший период времени в особенности. В развитии социалистического земледелия мы имеем протекающие одновременно процессы следующего характера: 1) механизация работ, 2) увеличение числа работ и их объема как результат внедрения агротехники, 3) механизация новых видов работ и расширяющихся работ.

Следует ли ожидать в конечном результате падения трудовых вложений на единицу площади? Во всяком случае вопрос этот спорный. Самое главное заключается в том, что уменьшается количество труда, падающего на единицу продукции, т. е. растет производительность труда, причем одной из основных предпосылок этого роста, роста урожайности, является увеличение трудовых вложений на единицу площади.

В 1933 г. мы имели характерные случаи роста человекоднев на 1 га (при уменьшении человекоднев на единицу продукции, т. е. при росте производительности труда) за счет внедрения агротехнических работ (см. например «МТС и ее политотдел», стр. 144—146).

Показателем роста производительности труда является почти повсеместное увеличение продукции, приходящейся на трудодень и человекодень. Степень необходимости значительного роста трудовых вложений согласно требованиям агротехники как одного из важнейших средств решения главной задачи на данном этапе — повышения урожайности — особенно подчеркнута в новом «Примерном уставе с.х. артели». Этот пункт (6) детальнейшим образом разрабатывается колхозными массами при выработке нового устава с.х. артели.

Секретарь ЦК ВКП(б) т. Ежов в своем докладе на II колхозном съезде привел чрезвычайно яркие примеры органической связи увеличения трудовых вложений с ростом производительности труда. Приведем довольно длинную, но очень характерную выдержку из его доклада:

«Средний урожай свеклы в Киевской области в 1934 г. составил 100 ц на гектар. Колхоз «Коминтерн», Петровского района, Киевской области, в котором работает т. Демченко, дал в среднем 275 ц, а эвено, которым она руководит, дало рекордный урожай — 469 ц с гектара. Вот что рассказывает т. Демченко сама о своей работе:

«В 1934 г. было сухо, ни одного дождя. Тот урожай, который мы получили в нашем звене, зависел только от нашей честной работы. Ранней весной мы глубоко вспахали землю. Еще до посева свеклы мы старательно очистили поля от сорняков. Потом, просушив суперфосфат, мы удобрили поля, но мало этого, на каждый гектар мы вывезли по 3 центнера золы... Семена свеклы еще не взошли, а мое

звено уже вышло на поле, чтобы провести «слепую» шаровку. Когда свекла взошла, мы поле прошаровали вторично. Три раза мы очищали поле от сорняков, потом провели прореживание сахарной свеклы — на 2 пальца одно растение от другого... После прореживания... поливали мы лейками от 5 до 10 часов вечера. Когда свекла дала 3 полных листка, мы провели повторное прореживание... Через 2 дня мы произвели окучивание мотыгами, потом проверили сапками... Поливали мы свеклу 7 дней. Всего мы провели шаровку свеклы 10 раз. Большая засуха была в этом году; от палящих лучей солнца земля трескалась, открывая корни свеклы. Ветер заходил в эти трещины и высушивал свеклу. Тогда мы вышли на поле и заделали все трещины в земле... Когда появилась блоха, мы брали золу и осыпали ею посевы свеклы, делали это ночью, чтобы влага в золе не испарилась».

Вот как глубоко продуманно до последней мелочи велась работа в звене т. Демченко. Вот откуда 469 центнеров свеклы».

Таким образом рост трудовых вложений не понижает, а является важнейшим условием повышения производительности труда.

Можно ожидать, что в ближайший период, когда мы еще имеем отменное товарищем Постышевым отставание внедрения агротехники от достигнутого уровня механизации, будет иметь место рост, а не падение трудовых вложений на единицу площади.

Если обратиться к животноводству, то ясно, что эта отрасль, как и ряд других отраслей сельского хозяйства, лишь вступила в полосу подъема. Какие имеются большие возможности для развития в частности первичной обработки продуктов сельского хозяйства, показали некоторые высказывания на II съезде колхозников-ударников, например т. Митителя из Винницкой области.

Нужно также иметь в виду не только то, что со второй пятилетки главный упор берется не на расширение посева, а на подъем урожайности, но и то, что посевная площадь все же расширяется. Не следует забывать о громадных резервах неиспользованной земли. На Северном Кавказе например пятая часть земли не распахана, а в потребляющей полосе распаханно лишь 25—30% земли.

Наконец новый устав с.-х. артели дает возможность в определенных пределах серьезно развивать и личное, подсобное хозяйство, что также потребует определенных трудовых вложений.

Мы уже не говорим о тех громадных работах, которые связаны с благоустройством деревни: землеустройством, древонасаждением, мелиорацией и т. п.

Из всего этого следует, что сельское хозяйство в ближайший период не только не может высвободить часть работников, но настоятельно требует для выполнения своих задач притока новых работников, причем в значительном масштабе (что и предусмотрено пятилетним планом) наряду с большим и лучшим использованием наличных кадров работников.

При рассмотрении более отдаленного, перспективного развития сельского хозяйства в целом, как совокупности различных сочетающихся родов с.-х. производства, следует сделать вывод о неуклонном росте (хотя и несколько более медленном, чем в городе) работников с.-х. производства, с.-х. населения, что является одним из немаловажных процессов преодоления противоположности между городом и селом.

Таким образом процесс преодоления сезонности, приводящий к повышению производительного использования рабочей силы, сопровождается процессом не высвобождения, а роста постоянных кадров с.-х. работников при неуклонном росте производительной силы труда.

Окончательное преодоление сезонности с.-х. производства является длительным процессом, но мы уже имеем в этом отношении первые — после окончания реорганизационного периода — значительные успехи.

Эти успехи имеют важнейшее значение. Установление более непрерывного и равномерного процесса производства, увеличение рабочего периода, рабочих дней представляет одну из важнейших сторон превращения с.-х. производства в передовую индустриальную высококультурную отрасль народного хозяйства. Процесс преодоления сезонности приводит к повышению использования рабочей силы и средств производства, а также способствует росту дохода работников и их закреплению за сельским хозяйством. Пример сочетания наибольшего рабочего периода (февраль — ноябрь) с наиболее высокой доходностью в колхозах Кабардино-Балкарии достаточно характерен. А закрепление работников на постоянных в течение года (например на пахоте) работах с высокой доходностью есть одно из важнейших экономических условий самого важного процесса — повышения квалификации работников, осваивающих технику высококультурного сельского хозяйства, труд которых превращается в разновидность индустриального.

Химическая промышленность СССР¹

Для необходимого нам подъема производительных сил страны мы располагаем в порядке технической реконструкции нашей индустриальной базы двумя решающими методами: методом механизации и методом химизации технологических процессов. Они отнюдь не конкурируют между собою. Механическая обработка вещества лишь дополняется и углубляется химическими его превращениями в производственном процессе, хотя уже Маркс заметил, что «по мере овладения человечеством химическими методами и реакциями механическая обработка будет все более и более уступать место химическому воздействию»².

Эффективность обоих методов в конечном счете выражается однако лишь в большей или меньшей экономии человеческого труда за счет использования даровых сил природы, будь то механическая энергия двигателей или химическая энергия вещества. С этой обобщающей точки зрения конечно и «трансформация химической энергии должна быть включена в круг тех трансформаций энергии, которые находят свое завершение и свое определяющее начало в электрификации» (Г. М. Кржижановский). Вот почему мы, говоря о технической реконструкции, совершенно законно выдвигаем на первое место роль энергетической базы вообще и электрификации в особенности, а успехи ее измеряем коэффициентами энерговооруженности и производительности человеческого труда.

За последние годы мы уже добились достаточных успехов в области электроэнергетики, черной металлургии и машиностроения, чтобы обеспечить необходимые нам сдвиги по линии механизации труда. Тем более имеется оснований, чтобы мобилизовать общественное внимание на гораздо более отсталом участке фронта индустриализации СССР, а именно на фронте химизации. Эту задачу и ставит перед собой Академия наук. Особенно ясным становится значение ликвидации указанной отсталости, если учесть не только экономическое и политическое, но и оборонное значение химизации СССР. Если на великом пути индустриализации роль науки в качестве содействующего ей фактора вообще трудно переоценить, то на том отрезке этого пути, который мы называем химизацией СССР, эта движущая роль науки должна стать в наших условиях планового хозяйства особенно значительной и результативной. Академия наук намерена посвятить огромной теме химизации нашей страны целый ряд своих сессий, выдвигая на первый раз особенно актуальный раздел этой темы: химия и урожай. А мне в качестве общего введения в

¹ Доклад на майской сессии Академии наук (26 мая 1935 г.).

² См. «Пути химической промышленности во 2-й пятилетке». Институт экономики Комкадемии, М. — Л. 1933 г., стр. 14 (Из неопубликованной рукописи Карла Маркса).

нашу тему хотелось бы осветить общие контуры и масштабы советской химической промышленности, тот уровень производительных сил, которого она уже достигла, и те потенции к развитию, какие она уже проявила за советский период своего роста.

Понятие химической промышленности и ее границы не очень точно установлены. По одним классификациям в нее включаются одни производства, по другим—другие, и потому разноречивы в цифровых подсчетах по химии различных источников получается умопомрачительный. По действующей ныне классификации производств, принятой ЦУНХУ Госплана, сюда включается: 1) основная химия (неорганические кислоты, щелочи и соли, в т. ч. химические удобрения), 2) производства органического синтеза (в т. ч. анилинокрасочное, пластмассы, синтетический каучук, искусственный шелк и проч.), 3) тонкая химия (реактивов, фото и фармацевтических препаратов), 4) лесохимия, включая производство растительных экстрактов и 5) лакокрасочное производство. По другим классификациям в химическую промышленность включались также: 1) резиновая промышленность, 2) нефтеперерабатывающая, 3) спичечная, 4) мыловаренная, 5) стеклофарфоровая и др. Конечно в широком смысле сюда можно было бы с известным правом включить и всю металлургию. Но мы предпочитаем держаться более тесных границ и в последующем изложении будем давать все итоги по возможности применительно к действующей схеме ЦУНХУ.

Если оставить в стороне такие кустарные промыслы, как смолокурный, извлечение поташа из древесной золы, и селитры из навозных буртов, известные у нас с незапамятных времен, то первое известие о химическом производстве в России относится к началу XVIII века.

В 1717 г. ландрат Савелов в дворцовых волостях Московского уезда «изыскал в земле и в речке Дарке во многих местах купоросную руду, которая для опыта варена и вышло из оной из десяти пуд черной купорос, краска мумия, сера горячая; из помянутого купороса сделано масло и дух купоросный, водка крепкая». На основе этих опытов Савелову и купцам Томилиным дана была в 1718 г. жалованная грамота на постройку «в тех местах, где оная руда сыскана, всяких заводов» с монопольным правом беспошлинно делать и продавать «купорос, краску мумию, и дух купоросный, крепкую водку и иные вещи, какие из купоросной руды произведены быть могут»³.

Никаких дальнейших известий о судьбе этих привилегий у нас нет. У Голикова в перечисленных им заводах петровской эпохи (по 1725 г.) ни одного подходящего завода не отмечено⁴. Вероятно у Савелова дальше опытов производство кислот и не пошло. Во всяком случае в указе 1737 г. «о произвождении гор. Ярославля купецким людям Якову Шеханину с товарищи из выварков серной руды купоросу, краски мумии»—уже нет ни слова о производстве кислот⁵. У М. Чулкова за 1767 г. в особой ведомости перечислено 7 химических заводов Московской губ. с производством серы—182 пуда, железного купороса—1252 пуд. по 50 коп. пуд, краски мумии—801 пуд и празелени—72 пуда. Всего на сумму 969 руб.; но о купоросном масле

³) Полн. собр. законов, т. V, № 3180 от 9/III 1718 г.

⁴) Ив. Голиков, Деяния Петра Великого, т. XVIII, М. 1797 г.

⁵) Мих. Чулков, Историческое описание рос. коммерции, т. VI, кн. 2-я, стр. 153.

и здесь нет ни слова⁶. В приведенной у него же ведомости «купоросных» и «красочных» фабрик за 1773 г. мы находим 6 фабрик с производством «турецкого» или синего купороса ценою от 4 руб. 50 коп. до 5 руб. 70 коп. за пуд на 5 014 руб. 10 коп., 3 фабрики с производством яри веницейской по 40—46 руб. за пуд и яри медянки по 22—23 руб. за пуд на 3 643 руб. 80 коп. и 5 фабрик сурика и белил на 7 565 руб., всего по 14 фабрикам на 16 223 руб.⁷

Из приведенных цифр видно, что это были очень мелкие заведения. А кислот на них вовсе не производилось.

По сведениям департамента торговли и мануфактур, кстати сказать, весьма недостоверным, производство купоросного масла началось в России только с 1804 г.⁸ Другой официальный источник утверждает, что «первый собственно химический завод был устроен князем Д. В. Голицыным в 1805 г. в одном из его имений; в это время впервые введен был иностранцем Вуттихом способ приготовления серной кислоты в глухих камерах, тогда же введено было приготовление медного купороса, соляной и азотной кислот и нашатырного спирта»⁹. В отношении медного купороса это заведомо неверно, ибо синий купорос, как указано выше, производился уже в 1773 г. Но как бы то ни было, значительное развитие химическая промышленность получила у нас только в XIX веке.

О начальном масштабе химических заводов этого периода можно судить хотя бы по следующей справке. По первой официальной статистической сводке XIX века мы насчитывали за 1812 г. по всей стране всего 17 «заводов» основной химии с данными о числе рабочих и размерах продукции. Оборудование их состояло из 69 котлов или кубов, 16 колб, 8 кувшинов. «Употребленных в работу людей» по всем 17 заводам числилось 76, из них вольнонаемных 44. Таким образом на один завод приходилось на круг всего по 4—5 рабочих¹⁰.

По ценам 1912 г. их продукция 1812 г. стоила бы:

Сера 1200 п. × 1 р. 60 к.	1 920 руб.
Купоросное масло 3 555 п. × 79 к.	2 820 „
Крепкая водка 371 п. × 3 р. 35 к.	1 243 „
Поташ 2 646 п. × 1 р. 95 к.	5 150 „
Краска мумия 4 276 п. × 1 р. 30 к.	5 560 „
Купорос железный 2 100 п. × 50 к.	1 050 „

Итого 17 743 руб.

На одного рабочего в год это дает около 233 руб. Через сто лет, в 1912 г., годовая выработка одного рабочего в химической промышленности в тех же ценах повысилась в пределах России до 4 080 руб., т. е. более чем в 17 раз. Таков был начальный уровень производительности нашей химической промышленности в феодальный период ее развития.

Более заметных размеров химическое производство достигает на-

⁶ Там же, книга 2-я, стр. 616.

⁷ Там же, книга 3-я, стр. 637—638, 650.

⁸ Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов. СПб. 1865 г., т. II, № 5, стр. 40.

⁹ Историко-статистический обзор промышленности России под ред. Д. А. Тимирязева, т. II, СПб. 1886 г. Химические продукты, стр. 9.

¹⁰ Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г. СПб. 1814 г., стр. 133, 142 и 154.

чиная с 1830 г., в котором она, по оценке Мейендорфа, оценивалась в 4 млн. руб. ассигнациями, или примерно в 1 050 тыс. руб. серебром, включая сюда только основную химию и красители. К 1850 г. эта продукция возросла по ценности до 2 млн. руб., а с учетом снижения цен (на 16%) — в 2,37 раза, что соответствует росту физического ее объема на 54% за каждое десятилетие.

Дальнейший ее рост можно выразить следующими отчетными данными по 50 губерниям Европейской России (без поташа и селитры)¹¹.

Г о д ы	Число за- водов	Число ра- бочих	Продукция в тыс. руб.
1850	91	2 070	1 995
1853	104	2 576	2 554
1854	109	2 448	2 905
1855	97	2 064	3 434
1856	97	2 612	3 867
1857	113	2 500	3 442

За пореформенный период мы располагаем такими цифрами:

Г о д ы	Число за- водов	Число ра- бочих	Продукция в тыс. руб.
1863	98	2 600	3 076
1864	92	2 310	2 495
1865	92	2 227	2 860
1866	95	2 395	3 502
1867	107	3 050	4 617
1868	105	2 859	6 272
1869	87	3 674	6 414
1870	119	3 581	6 136
1871	119	3 736	6 015
1872	142	3 451	6 177
1873	139	3 899	6 024
1874	137	3 989	6 241
1875	150	3 918	5 185
1876	138	3 802	5 452
1877	142	3 891	4 859
1878	143	3 985	5 790
1879	160	4 254	6 037
1880	166	4 685	7 500

Как видим, крестьянская реформа за первые годы привела даже к некоторому снижению масштабов химической продукции, но затем за 16 лет она утроилась по своей ценности, а с учетом снижения цен за эти годы (на 25%) возросла по физическому объему раза в 4. Это соответствует годовому приросту на 9%, а за десятилетие — на 138%. Данные этих лет, собиравшиеся департаментом торговли и мануфактур через губернаторов, не отличаются полнотой и достоверностью. Но все же значительное ускорение роста продукции за капиталисти-

¹¹ За 1850 г. число рабочих подсчитано мною по сводке П. Крюкова «Очерк мануфактурно-промышлен. сил России» СПб. 1853 г. За остальные годы см. «Историко-статистический обзор промышленности России». Под редакцией Д. И. Тимирязева, т. II, СПб. 1886 г., стр. 15.

ческий период химической промышленности по сравнению с феодальным не возбуждает сомнений¹².

Более достоверными можно считать данные за 1887—1912 гг. Включая в учет, помимо основной химии и красочных заводов за этот период также коксо-бензольное производство, химико-фармацевтическое, лесохимию, и газовые заводы, т. е. всю химическую промышленность в тесном смысле этого слова, мы получаем в границах СССР такие итоги (без военных заводов)¹³.

Г о д ы	Число за- водов	Число ра- бочих	Продукция в млн. руб.
1887	539	10 757	15,6
1888	549	9 357	17,1
1889	461	8 885	17,3
1890	496	9 385	15,9
1891	472	9 700	18,8
1892	485	11 497	23,1
1893	466	11 822	25,3
1894	398	11 635	24,8
1895	329	11 446	24,3
1896	634	16 934	37,1
1897	709	17 243	39,1
1898	548	16 430	39,1
1899	387	15 617	38,9
1900	235	14 805	40,4
1908	230	16 381	60,6
1910	245	20 936	89,7
1911	252	19 740	72,8
1912	267	21 451	87,5

Число заводов в этой сводке резко сокращается за счет выпадения из учета, начиная с XX века, всех наиболее мелких полукустарных заведений. Но наряду с этим шла и действительная концентрация производства на всех более крупных заводах. Особенный подъем за указанный период химической промышленности начался со второй половины 90-х годов прошлого столетия. Всего за 25 лет продукция по ценности выросла в 5,6 раза, а с учетом снижения цен (до 30%) по физическому объему раз в 8. Это соответствует среднему геометрическому приросту до 9% в год.

Вся промышленность за те же 25 лет выросла у нас по индексу физического объема в 5,3 раза, а химическая в 8 раз, значит последняя росла в 1½ раза быстрее среднего темпа по всем отраслям.

Сопоставляя заводские цены главнейших химических продуктов и взвешивая их по сумме производства за соответствующие годы, можно вывести такую их динамику (принимая цены 1912/13 г. за 100):

Г о д ы	Индекс цен
1822	386
1830	228
1850	191
1866	190
1880	143
1900	84
1913	100

¹² См. «Историко-статистический обзор промышленности России», т. II, стр. 18—20, данные за 1864 г., из сборника сведений и материалов по ведомству мин. фин., СПб. 1866 г., книга 4-я, стр. 394; за 1863 г. по «Материалам к пересмотру таможенного тарифа», СПб. 1867 г., стр. 59.

¹³ По неизданной сводке ВСНХ.

Как видим, за весь XIX век наблюдалось довольно резкое снижение цен (с 1822 по 1900 г. в 4,6 раза). Но в XX веке под влиянием ряда причин наметилось обратное их движение.

Пользуясь этим индексом, можно условно выразить годовую выработку одного рабочего химической промышленности в неизменных ценах одного и того же года (1912), и тогда мы получим такую динамику производительности труда за 100 лет:

Г о д ы	Выработка 1 рабочего	
	в руб. 1912 г.	в %
1812	233	5,7
1850	504	12,3
1863	618	15,1
1880	1 115	27,3
1900	3 240	79,2
1912	4 080	100,0

Годовая производительность труда в химической промышленности таким образом возросла в 17,5 раза, а часовая с учетом сокращения рабочего дня с 12 часов до 9,6 часа (в 1913 г.) — примерно до 22 раз, цены же в серебре снизились за то же время менее 4 раз. Это свидетельствует конечно о том, что серебряный рубль далеко не точное мерило ценности. Впрочем огромное обесценение серебра за последнее столетие — факт довольно известный уже из сопоставления оценок его в золоте.

Любопытнее другое. За феодальный период годовая выработка химика выросла с 1812 г. по 1863 г., за целых полвека, всего на 165%, давая стало быть в среднем за 10-летие около 20% (геометрического) прироста. За капиталистический период этот прирост получает резкое ускорение. С 1863 по 1912 г., т. е. тоже примерно за полвека, мы имеем уже 560% прироста, что дает до 50% прироста в среднем за каждое десятилетие. Это ускорение находит свое объяснение прежде всего в новых социальных условиях труда. Свободный труд был всегда производительнее крепостного. Другим очень важным фактором была реконструкция техники производства вообще и энергооборуженности труда в особенности. О важности последнего фактора можно судить по следующим фактам. На химических «заводах» 1812 г. никаких механических двигателей не было. И даже в 1866 г. мы насчитывали на них не свыше 4 лошадиных сил установленной мощности на каждую сотню рабочих. Но в 1890 г. их было уже 28, в 1900 г. — 65, а к 1/1 1917 г. — до 100 HP на сотню рабочих. Учитывая, что каждая механическая лошадиная сила способна заменить по своей производительности 12 чернорабочих, легко понять вышеуказанный подъем производительности труда на капиталистическом этапе развития химической промышленности.

За годы мировой войны химическая промышленность, служа оборонным задачам, получила дальнейшее развитие. Но затем, в годы гражданской войны и разрухи, подверглась сильнейшему разгрому и пришла в большой упадок. Включая военные заводы, химическая промышленность в границах СССР росла и падала за эти годы следующим образом (в ценах 1912/13 г.):

Г о д ы	Число дей- ствующих заводов	Число рабочих	Продукция в млн. руб.
1913	230	33 303	164,0
1914	233	40 203	171,9
1915	231	54 336	239,0
1916	248	80 440	324,8
1917	259	117 645	206,7
1918	280	73 734	99,7
1919	184	65 069	84,5
1920	148	53 793	65,7
1921/22	75	29 062	21,1

К 1916 г. война всего за три года удвоила масштабы химической продукции, а послевоенная разруха и тяжелый неурожай 1921 г. сократили ее до $\frac{1}{3}$ от довоенного уровня.

Начиная с 1922/23 г. в химической промышленности СССР, как и в других отраслях производства, обозначился резкий подъем. Исчисляя объем продукции в тех же довоенных ценах, мы получаем за восстановительный период такие цифры:

Г о д ы	Число дей- ствующих заводов	Число рабочих	Продукция в млн. руб.
1922/23	88	31 538	30,2
1923/24	113	32 950	46,6
1924/25	137	32 239	77,6
1925/26	155	39 493	117,8
1926/27	165	40 769	135,8
1927/28	—	42 242	194,5

Октябрьская революция открыла новую страницу в истории химической промышленности России. Строящаяся на принципиально иных основах, служащая принципиально иным целям социалистическая химическая промышленность приобрела иные темпы, иной размах, иные масштабы, иной технический уровень, иное значение.

Уже в 1927/28 г. наша химическая промышленность превзошла свой довоенный уровень и вступила в период решительной реконструкции. В этом периоде мы перешли к учету объемного роста продукции в неизменных ценах 1926/27 г. За годы первой и второй пятилеток в химическую промышленность были сделаны огромные вложения, построен целый ряд новых гигантских химкомбинатов по последнему слову современной техники. Рост химпродукции за последние 10-летия показывает следующая таблица (см. табл. на стр. 125).

Приведенные итоги по так называемой планируемой промышленности не охватывают предприятий местного значения, кооперативных и некоторых других¹⁴.

В этих цифрах находят свое выражение те громадные усилия, которые были сделаны и делаются нашей партией и правительством в

¹⁴ Вследствие изменения классификации добиться полной сравнимости цифр за весь ряд лет нам не удалось. Так, за ряд лет неполностью выделена коксохимия, не в одинаковом объеме учитывается лесохимия и т. д.

Г о д ы	Число рабо- чих в тыся- чах	Продукция в ценах 1926/27 г.	
		общая в млн. руб.	на рабочего в тыс. руб.
1913	33,3	280	8,4
1923/24	33,0	80	2,4
1927/28	42,2	333	7,9
1928/29	49,3	450	9,1
1930	70,3	683	9,7
1931	92,2	930	10,1
1932	101,5	1 039	10,2
1933	109,8	1 252	11,4
1934	128,0	1 727	13,5

области создания и развертывания важнейшей для всего народного хозяйства и обороны СССР отрасли — химической промышленности.

Прежде всего по объему продукции, исчисленной в одних и тех же ценах 1926/27 г., наша химическая промышленность, несмотря на весь тот развал и прямые разрушения, каким она подвергалась за годы гражданской войны и блокады, уже более чем в шесть раз превзошла довоенный уровень. При этом все устаревшие довоенные заводы перестроены и переоборудованы заново. И в общем мы смело можем сказать, что вся химическая промышленность, имеющаяся в нашей стране, создана заново нашими собственными руками.

До революции весь основной фонд химической промышленности в нашей трактовке ее границ (без резиновой, жировой и спичечной) оценивался ниже 100 млн. руб. золотом. За годы же реконструкции производственные фонды цензовой химической промышленности по восстановительной оценке составляли в миллионах червонных рублей:

На 1/X 1928 г.	320,5
» 1/X 1929 »	416,2
» 1/I 1931 »	630,1
» 1/I 1932 »	774,3
» 1/I 1933 »	1 112,6
» 1/I 1934 »	1 682,8

За пять лет эти фонды выросли более чем в 5 раз и ныне составляют уже до 2 млрд. руб. Но особенно показательны темпы роста этой отрасли за последнее 10-летие по сравнению с темпами феодальной и капиталистической эпох и их развития. Возьмем только два характерных показателя: прирост производительности труда и общий прирост валовой продукции за одно 10-летие по всей стране.

	П е р и о д ы		
	феодальный	капитали- стический	советский
1. Прирост производительности труда за 10 лет в %	20	50	460
2. Прирост общего объема про- дукции за 10 лет в %	54	120	2 060

Как видим, потенции нашего развития огромны.

Чтобы сопоставить масштабы нашей химпродукции с итогами капиталистических стран, приведем такую справку: по данным Лиги наций и журнала «Die chemische Industrie», продукция химической промышленности по важнейшим странам в переводе на золотую валюту (по номинальному паритету) составляла (в млн. руб. золотом):

Страны	1913 г.	1929 г.
США	1 600	4 350
Германия	1 100	1 660
Англия	500	1 060
Франция	390	690
Италия	130	335
Япония	70	255

Насколько эти цифры сравнимы между собою и советскими данными в связи с разным охватом химпродуктов и различным уровнем цен, сказать трудно. Можно лишь напомнить, что после 1929 г. в связи с кризисом соответствующие цифры в капиталистических странах пошли вниз, и стало быть мы имеем здесь дело с рекордными итогами названных стран.

Динамику цен советской химпродукции в охвате нашей классификации можно отразить следующими индексами:

1913 г.	100
1926/27 г.	171
1929 г.	154
1933 г.	158

Для сопоставления же с капиталистическими странами мы произвели специальную работу, а именно: взяв отпускные цены за границей таких важнейших химпродуктов, как серная и соляная кислоты, сода кальцинированная и каустическая, сульфатнатрия и сульфатаммония, суперфосфат и др., и взвесив их по масштабам советской продукции 1933 г., мы нашли, что советский рубль, выраженный в химпродуктах, был равен в 1929 г. 34,2 американского цента, 1,44 английского шиллинга, 1,34 германской марки и 8,7 французского франка. Эти соотношения очень мало соответствуют обывательским представлениям о покупательной силе советского рубля, исходящим из оценок его в торговле. Советский рубль в химических продуктах по ценам 1929 г. можно по индексу оценить в 63 довоенных копейки и, если соответствующий этому рублю набор химпродуктов в Германии стоил 1,34 марки, или 62 золотых коп., США—34,2 цента, или 66 золотых коп., в Англии—69 и во Франции—70 золотых коп., то из этого можно заключить, что наши советские цены химпродуктов уже теперь реально стоят на более низком уровне, чем в передовых капиталистических странах. Этот вывод к сожалению нельзя распространять и на другие отрасли производства. Например продукты машиностроения у нас еще в 3—4 раза дороже, чем за границей, но для химии факт остается фактом. Чтобы подтвердить его конкретными примерами, приведем следующую табличку цен (см. табл. на стр. 127).

Как видим, кислоты у нас еще относительно дороги, щелочи дешевле, а химудобрения прямо дешевы. Конечно эта дешевизна в известной мере является результатом нашей политики цен, благоприятствующей земледелию, но тому же в части удобрительных туков содействуют и наши природные богатства в области апатитовой и калиевой промышленности.

Цены химпродуктов за тонну в 1929 г.

Наименование продуктов	СССР рубли	США доллары	Англия фунты	Франция франки	Германия марки
1	2	3	4	5	6
Серная кислота 66° Б) в моногидрате)	97,30	17,16	5,77	460	84,72
Соляная	230,98	55,93	—	1 198	134,06
Азотная	842,67	116,81	37,07	3 033	530,8
Сода кальцин.	68,00	21,07	5,99	550	—
Сода каустич.	185,00	54,91	16,60	1 500	135,0
Сульфат натрия	41,00	19,78	2,62	380	61,0
Медный купорос	400,00	121,90	24,85	3 535	—
Сульфат аммония	87,00	39,60	10,95	1 180	183,5
Суперфосфат 14%	23,80	10,80 ¹	1,26	296	29,5
Сильвинит и каинит на 100% K ₂ O	113,30	58,18	20,38	1 029	188,00

Пользуясь установленным соотношением цен, мы сможем уже с большей уверенностью сопоставлять достигнутый у нас уровень производства химпродуктов с другими странами. Оценивая выше указанную их продукцию по индексу в советских ценах 1929 г., мы получим для 1929 г. такой ряд в миллионах червонных рублей: в США — 6 500, в Германии — 2 670, в Англии — 1 535, во Франции — 985 и т. д. Наша продукция 1934 г. уже превзошла уровень Англии и Франции, но еще в 3—4 раза ниже докризисного американского уровня, приближаясь к германскому.

Из расчета на одного рабочего годовая продукция химической промышленности 1929 г. по нашим ценам составляла в США 35 000 руб., в Англии — 12 800, во Франции — около 6 850 руб. Цифры эти едва ли вполне сравнимы из-за несравнимости состава продукции в разных странах. Но порядок соответствующих величин все же весьма показателен. В СССР даже по наиболее технически вооруженным предприятиям Наркомтяжпрома на 1934 г. годовая выработка одного рабочего не превышала в тех же ценах (1929 г.) 13 600 червонных руб., что дает не свыше 39% американской нормы. Итак, по производительности труда в данной области мы уже опередили Англию и Францию, но еще очень значительно отстаем от США. Однако и в данной области это отставание происходит не по вине советского рабочего. Достаточно сказать, что на сотню советских рабочих, занятых в химической промышленности в 1933 г., приходилось всего 294 HP установленной мощности двигателей, а в США по цензу 1929 г. — 810 HP, т. е. в 2,7 раза больше нашего. Переводя мощность механической HP на человеческую по коэффициенту 1 HP=12 чел., можно сказать, что каждого советского рабочего обслуживает около 35 механических работников равной ему силы, а американца — 97. Исходя из этих условий механизации, при прочих равных условиях их производительность должна бы соответствовать соотношению 36 к 98, т. е. производительность нашего рабочего должна бы составлять не свыше 37% американской нормы, а на деле она, несмотря на более короткий день¹⁵, достигает 39%

¹⁵ У нас в 1934 г. — 7,0 часов, в США (1929 г.) — 8,4 часа, в Германии (1928 г.) — 8,25 часа и т. д.

этой нормы. Ясно, что очередная наша задача в области химической промышленности — это сильно подтянуться по линии механизации труда.

Одним из существенных отличий нашей советской химпромышленности от дореволюционной является высокая ее концентрация. Если в 1812 г. в крепостной России химическим заводом называлось предприятие с 4—5 рабочими, то в 1863 г. среднее число рабочих на 1 химический завод в капиталистической России поднялось до 26, в 1912—103, а в 1934 г., в советский период, оно уже достигло по 236 заводам планируемой промышленности 540 рабочих в среднем на 1 предприятие. Причем только один десяток лучших наших заводов дает ныне больше продукции, чем вся наша довоенная промышленность вместе взятая.

Переходя от общих итогов по всей химической промышленности к отдельным производствам, остановимся только на главнейших.

Важнейшими продуктами основной химической промышленности являются серная кислота и сода. Заводское производство серной кислоты на Западе относится к 40-м годам XVIII века (завод Уарда в Ричмонде, где серная кислота производилась в больших стеклянных баллонах). Содовое производство в заводском масштабе на Западе началось с 1791 г. (по методу Леблана). В России первый сернокислотный завод появился с опозданием лет на 60 против Запада (1805 г.), а первый содовый завод по способу Леблана у нас был основан только в 1864 г. (завод Пранга в Барнауле), т. е. с еще большим отставанием от Запада. Более повезло у нас аммиачному методу Сольве, открытому на Западе в конце 70-х годов, ибо первый крупный содовый завод по этому способу основан был у нас в Березниках уже в 1883 г. Но причиной этой удачи было то, что завод построен был самим изобретателем (фирма Сольве и Любимов) в порядке внедрения иностранного капитала в наши отечественные палестины. Как бы то ни было, масштабы производства названных продуктов в нашей стране (в границах СССР) видны из следующих цифр (в тыс. т):

Г о д ы	Серная кислота (в моногидрате)	Сода кальцини- рованная
1830	1,5	0,1
1863	5,3	0,1
1880	21	0,5
1900	97	76
1913	157	160
1928	242	230
1932	552	285
1933	627	325
1934	783	396
1937 (план)	2 080	700

Для сравнения укажем, что в США за 1934 г. было получено серной кислоты в моногидрате 3 170 тыс. т, в Германии — 1 207 (1933 г.), в Японии — 1 012 (1933 г.), в Англии — 916, в Италии — 775, во Франции — 600 (1932 г.) тыс. т и т. д.¹⁶ Уже из этих цифр видно, что мы еще сильно отстаем от США. Правда, с 1913 г. мы увеличили свое производство серной кислоты в 4—5 раз, а США только раза в 1½.

¹⁶ «Капиталистические страны в 1913, 1928—1934 гг.» Изд. Союзоргучета. Москва 1935 г., стр. 60 и др. изд.

(к концу 1934 г.), но по абсолютным размерам мы все же производим ее раза в 4 меньше.

В производстве удобрительных туков мы достигли следующих масштабов продукции (в тыс. т):

Г о д ы	Фосфориты (руда)	Апатиты (руда)	Сильвинит (сырой) 22% KCl	Суперфос- фат 14% P ₂ O ₅	Сульфат- аммоний 20,6% N ₂
1913	35	—	—	63	11
1927/28	104	—	—	148	13
1932	698	380	79	612	49
1933	812	687	303	708	138
1934	842	1 136	1 002	887	265

Несмотря на очень быстрые темпы роста за последние годы и создание совершенно новых отраслей — калийной и апатитовой, мы в области производства удобрительных туков сильно отстаем от целого ряда стран. Так, по производству сульфат-аммония мы еще ниже США (930 тыс. т в 1933 г.), Германии (1 860 тыс. т в 1931 г.), Англии (778 тыс. т в 1932 г.), Японии (470 тыс. т в 1933 г.), Голландии (385 тыс. т в 1933 г.) и Франции (343 тыс. т в 1932 г.), т. е. на седьмом месте. По продукции суперфосфата мы стоим ниже США — 2 601 тыс. т (1934 г.), Франции — 1 380 (1933 г.), Испании — 1 200 (1933 г.), Японии — 1 128 и Италии — 1 083 (1934 г.), т. е. на шестом месте, но выше Германии — 815 (1933 г.) и Англии — 490 т (1933 г.). По продукции калийных солей (150 тыс. т в пересчете на K₂O) мы стоим еще много ниже Германии (1 190 тыс. т в 1934 г.) и Франции (395), т. е. на третьем месте, но выше США — 130 тыс. т в 1933 г., а между тем наша потребность в удобрительных туках чрезвычайно высока и отставание на этом фронте для нас особенно чувствительно. Недаром план второй пятилетки поставил перед страной огромное задание — дать сельскому хозяйству в 1937 г. 3 000 тыс. т суперфосфата, 2 200 тыс. т фосфоритной муки, 1 680 тыс. т калийных удобрений и 1 410 тыс. т азотных¹⁸. Это значит, что за последние 3 года второй пятилетки наша промышленность должна повысить продукцию калийных солей процентов на 70, продукцию фосфоритов вдвое и азотных удобрений на 430%.

Как ни трудна эта задача, но мы должны ее решить. Мы должны преодолеть отставание нашего сельского хозяйства, воздействуя на него всеми доступными нам методами. Мы уже заложили необходимую для этого социальную и техническую базу на путях коллективизации сельского хозяйства. Распыленные нищенские наделы индивидуального крестьянского хозяйства с его агротехнической косностью сконцентрированы в большие земельные массивы, обеспеченные всем необходимым для ведения крупного хозяйства на уровне последних достижений науки и техники.

«Хотя плодородие, — как учил нас еще Маркс, — и является объективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно предполагает известное отношение, отношение к данному уровню земледельческой химии и механики и изменяется вместе

¹⁸ «Второй пятилетний план», т. I, М. 1934 г., стр. 214, 458.

с этим уровнем развития»¹⁹. Благодаря успехам индустриализации наша автотракторная промышленность уже довольно успешно выполняет задания хозяйственного плана по линии механизации сельскохозяйственного труда. В результате механизации по заданию второй пятилетки затраты труда на 1 га посева должны к 1937 г. сократиться по меньшей мере в 4 раза против норм индивидуального крестьянского хозяйства. На долю химизации земледелия в этой пятилетке возложены гораздо более скромные задания: урожайность зерновых должна быть поднята с 7,5 до 10 центнеров с га, т. е. всего на 33%. Но эти 33% составят в общем итоге прибавку примерно в 300 млн. центнеров хлебов по всему СССР, т. е. пудов по 10 на душу всего населения страны²⁰. А это уже величина достаточно осязательная на пути советских граждан к зажиточной жизни.

Однако задания плана туковой промышленности на 1937 г. далеко еще не покрывают всей потребности нашего сельского хозяйства в химудобрениях. По подсчетам НКЗ, минимальная его годовая потребность в связи с масштабами нашего полеводства составит 2,8 млн. т P_2O_5 , 2,0 млн. т N_2 и 1,8 млн. т K_2O . Это соответствует годовой продукции в 20 млн. т суперфосфата (14%), 12 млн. т сильвинита (15% K_2O) и до 10 млн. т сульфат-аммония (20% N_2). Для сравнения укажем, что за прошлые годы поступление всех видов удобрений, включая и импорт, составляло по СССР²¹:

В 1928 г.	300,3 тыс. т	на 6,5 млн. руб. при 905 тыс. га удобр. площади
» 1929 »	433,8 »	» » » 1250 » » » »
» 1930 »	676,8 »	» » » 31,3 » » » 1629 » » » »
» 1931 »	1 059,0 »	» » » 57,0 » » » 2 940 » » » »
» 1932 »	2 294,0 »	» » (90) » » » 4 500 » » » »

Таким образом еще в 1932 г. мы удовлетворяли всего около 5% исчисленной НКЗ потребности; чтобы покрыть ее полностью, нам предстоит расширить это потребление раз в 20. Задача грандиозная даже при наших темпах роста химической индустрии. Для ее разрешения нам придется, скажем, по суперфосфату раз в 5 превзойти американский рекорд продукции 1929 г. (3 896 тыс. т), по азотным удобрениям раз в 10, по калийным перекрыть продукцию Германии и Франции вместе взятых. Такая задача конечно далеко выходит за рамки второй пятилетки. Но ее нельзя слишком долго откладывать. Достаточно вспомнить, что каждая тонна суперфосфата, доставленная на советские поля, обратится там в полторы-две тонны чистого полновесного зерна, каждая тонна сульфат-аммония даст там 4 т пшеницы или 25 т картофеля или 40 т сахарной свекловицы и т. д. Возможно полная химизация наших полей — это совершенно неотложная задача наших дней.

Но эту задачу придется решать не одной лишь промышленности. Нам мало получить нужную массу продукции. Ее надо еще возможно эффективнее использовать. На разных почвах в различных условиях севооборота для разных культур эффект этот чрезвычайно различен. Уже ныне при относительно скромных масштабах производства туков с освоением их у нас больше затруднений, чем с производством. Мы должны мобилизовать для преодоления их огром-

¹⁹ Карл Маркс, Капитал, том III, ч. 2-я, изд. 1924 г., стр. 191.

²⁰ «Второй пятилетний план», т. I, стр. 218, 220.

²¹ «15 лет советской химии», Госхимтехиздат, 1932 г., стр. 159, 389, 392 и 394.

ные агротехнические кадры. Но мало того, вся общественность и прежде всего все научные силы страны должны мобилизоваться вокруг грандиозных проблем химизации советского земледелия.

В. И. Ленин еще в апреле 1918 г. призывал Академию наук мобилизоваться вокруг тех проблем научной теории, решение которых столь необходимо для возможно более быстрого экономического подъема страны.

К сожалению тогда Академия наук еще не была готова к решению таких задач. Но теперь она уже может за них взяться. Сосредоточенные в ней кадры крупнейших ученых страны уже вовлечены в социалистическое строительство. И страна вправе ждать от этих высококвалифицированных кадров на данном этапе, когда кадры решают все, вполне осязательных результатов.

О периодизации истории СССР*

«Россия нэповская стала Россией социалистической» (М о л о т о в). Социализм в СССР победил, идет борьба «за окончательную победу социализма в нашей стране, за победу социализма во всех странах» (С т а л и н).

Строительство социализма в СССР — неразрывная часть всемирной пролетарской революции, каждая новая победа социализма в СССР вызывает прилив бодрости и уверенности в сердцах трудящихся и угнетенных всех стран земного шара.

В свете уже осуществленных и предстоящих задач отчетливо ясно величайшее всемирное значение истории СССР. История великих побед пролетарской диктатуры в СССР насчитывает свыше 17 лет и каждодневно делается миллионами строителей социалистического общества. Об этих победах, завоеванных в огне классовой борьбы и записанных в ярких документах Ленина—Сталина, партии, Коминтерна и советского правительства, необходимо написать учебное пособие — «Очерк истории СССР»¹, по которому могли бы воспитываться поколения борцов за мировой коммунизм.

Теория Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, оценки итогов и перспектив развития, которые содержатся в решениях партии и правительства СССР, позволяют современникам и участникам великой борьбы за социализм «судить об эпохе по ее сознанию», а также писать историю по горячим следам борьбы.

Что должно быть в основе такой истории? В наших очерках, как и в других учебниках по истории, прежде всего необходимо обеспечить «историко-хронологическую последовательность в изложении исторических событий» (ЦК ВКП(б) и СНК СССР).

В «Очерках истории СССР» будет освещаться история государства пролетарской диктатуры, являющегося политической формой переходного периода от капитализма к коммунизму. Это — исходный пункт.

Развитие производительных сил или развитие материального производства является основой и всей общественной жизни и всей действительной истории. При этом необходимо исходить из того, что за основу истории нужно брать не развитие производительных сил вообще, как это делали эсеры, меньшевики, как об этом говорил т. Рыков², а такое их развитие, которое вело и привело к победе

* Печатается в порядке обсуждения.

¹ «Очерк истории СССР» готовится авторами трех институтов Комкадемии. Данное в этой статье решение вопроса о периодизации истории СССР явилось результатом коллективных усилий.

² Рыков говорил о том, что «центральная идея пятилетнего плана состоит в росте производительности народного труда». Тов. Сталин указывал на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК, что т. Рыков делает здесь серьезную ошибку, так как нам нужен не всякий рост, а такой рост, который обеспечивает систематический перевес и победу социализма.

социализма в СССР, которое обеспечивает ликвидацию многоукладности экономики Советского союза и установление в СССР единственного социалистического способа производства.

Основа истории — развитие производительных сил. Движущей же силой истории с момента возникновения классового общества, по выражению Маркса и Энгельса, всегда была классовая борьба. Лишь в коммунистическом обществе, в его низшей стадии, когда будут ликвидированы классы, движущей силой его истории не будет классовая борьба. В переходный же период происходит процесс уничтожения классов путем ожесточенной классовой борьбы (а не ее «затухания» или мирного вставания кулака в социализм, как это утверждали правые оппортунисты). Движущей силой истории переходного периода является борьба между побеждающим коммунизмом и отмирающим капитализмом. В классовой борьбе пролетариата против капитализма за социализм ведущая и решающая роль принадлежит партии и государству пролетарской диктатуры. «Политика есть концентрированная экономика. Политика не может не иметь первенства над экономикой» (Ленин). Именно в ведущей и решающей роли партии и пролетарской диктатуры находит свое выражение первенство политики над экономикой в переходный период.

По выражению Ленина, в переходный от капитализма к социализму период мы имеем целую кучу переходных периодов, которые составляют содержание проблемы «периодизации истории СССР».

Конкретно исторический подход требует прежде всего установления тех «переходных периодов в переходном периоде», которые характеризуют историю СССР. Совершенно очевидно, что содержание этих периодов (или, иначе, этапов) определяется коренными сдвигами в соотношении экономических укладов и классовых сил.

Государство пролетарской диктатуры, являющееся политической формой перехода от капитализма к коммунизму, есть исходный пункт и основа всей истории борьбы между рождающимся коммунизмом и отмирающим капитализмом, которая составляет предмет (содержание) истории СССР.

В работах Ленина и Сталина содержатся основы подлинно научной истории СССР. Зная законы борьбы между рождающимся коммунизмом и отмирающим капитализмом, развивая теорию Маркса—Энгельса, Ленин и Сталин обеспечили такую организацию борьбы рабочего класса, которая привела к установлению пролетарской диктатуры и победе социализма в СССР.

Научная история СССР может быть создана в условиях существующего разделения труда в научной области лишь коллективными усилиями прежде всего экономистов, историков и работников в области советского строительства и права. Поэтому не случайно для создания очерков по истории СССР кооперированы силы Институты экономики, истории и советского строительства Комкадемии.



Исходя из развитых выше принципов, мы попытаемся далее установить основные этапы (периоды) истории СССР.

Первый период истории СССР хронологически охватывает первый год пролетарской диктатуры (от Октябрьской социалистической революции до ноября 1918 г.). Этот период характеризуется следующими чертами:

1. Победа пролетарской революции не только в городе, но и в деревне на основе союза рабочего класса и деревенской бедноты при нейтрализации среднего крестьянства и подавление первых попыток активного сопротивления буржуазно-помещичьей и кулацкой контрреволюции.

2. Ломка старой государственной машины и создание нового типа государства — республики советов, построенной на основе советской конституции, причем «в первый период революции, когда трудовые массы национальностей впервые почувствовали себя самостоятельными величинами, между тем как угроза иностранной интервенции не представляла еще реальной опасности, сотрудничество народов не имело еще вполне определенной, строго установившейся формы».

3. Экспроприация экспроприаторов, ликвидация феодально-крепостнического уклада, овладение экономическими командными высотами, образование социалистического уклада производства.

4. Революционный выход из империалистической войны путем превращения ее в войну гражданскую против внутренней контрреволюции и начавшейся империалистической интервенции (сперва германской и впоследствии антантовской).

5. Одиночество первой в мире пролетарской революции в обстановке продолжающейся войны двух империалистических коалиций и вызревания революционного кризиса в капиталистических странах.

Этот период ознаменован триумфальным шествием советской власти (ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.). Ленин указывал на VII съезде партии: «Сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 7 ноября (25 октября) 1917 г.».

Борьба с нашествием немецких войск открывает полосу поражений, закончившуюся Брестским миром и германской интервенцией (февраль—март).

Ленин отмечал, что после заключения Брестского мира «период с марта по лето 1918 г. был периодом, когда военные задачи казались решенными»³. В этот период первой передышки (март-июнь) развернулось социалистическое строительство, началось развертывание пролетарской революции в деревне («Октябрьская революция городов для деревни стала настоящей Октябрьской революцией только летом и осенью 1918 г.», — говорил Ленин на VI Всероссийском съезде советов) и затем образование кольца фронтов гражданской войны и империалистической интервенции (июль—октябрь).

Основные исторические итоги первого периода истории СССР были подведены Лениным в речи о годовщине Октябрьской революции 6 ноября 1918 г. на VI Всероссийском съезде советов. Краткое содержание итогов сформулировано Лениным в следующем плане его речи:

«2) Разрыв империалистической войны (опубликование тайных договоров), власть пролетариата. Начало социалистической революции. Ее трудный рост: бешеное сопротивление всех империалистов, всей буржуазии и русской и международной. Рост рабочего класса. 3) От рабочего контроля к рабочему управлению. 4) От общекрестьянской борьбы с помещиками к внедрению пролетарской классовой борьбы в деревне. 5) От беззащитности к армии (Красной)... 6) От первых самостоятельных шагов советской организации к ее укреплению в общегосударственном масштабе и до совет-

³ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 60.

ской конституции. 7) От одиночества к международному союзу начавшейся революции...»⁴.

Внутреннее положение Советской России характеризовалось в этот период развитием пролетарской революции, обостренной классовой борьбой между пролетариатом и беднейшим крестьянством, с одной стороны, и свергнутыми эксплуататорскими классами (помещики, крупная буржуазия, кулачество) при нейтрализации и колебаниях мелкой буржуазии, главным образом середняков деревни. Внешнее положение характеризовалось одиночеством и слабостью Советской России перед лицом двух империалистических коалиций, на которые был расколот капиталистический мир.

В докладе на торжественном заседании Бакинского совета 7 ноября 1920 г. «Три года пролетарской диктатуры» т. Сталин указывал: «Было время, когда Советскую Россию не замечали, с нею не считались, ее не признавали. Это был первый период со дня установления Советской власти в России до разгрома германского империализма. В этот период империалисты Запада, обе коалиции — английская и германская, вцепившись друг в друга, не замечали Советской России, им было, так сказать, не до нее... С точки зрения международного положения этот период можно было бы назвать периодом полного одиночества Советской России... С точки зрения внутреннего положения этот период можно охарактеризовать как период разрушения старого мира в России, как период разрушения всего аппарата старой буржуазной власти».

Второй период — период военного коммунизма — начинается с ноября 1918 г. и заканчивается в марте 1921 г. (X съезд партии).

Вопрос о границах между первым и вторым периодом вызывает большие споры. Некоторые экономисты утверждают, что период военного коммунизма начинается с лета 1918 г. При этом они к мероприятиям военного коммунизма относят национализацию крупной промышленности (декрет от 28 июня 1918 г.) и организацию комбедов (11 июня 1918 г.). Эти взгляды нельзя признать правильными.

Разгоном Учредительного собрания (5 января) и ликвидацией двоевластия в деревне (9 ноября 1918 г.) завершается конституирование государства пролетарской диктатуры в форме советской власти, созданной на основе конституции РСФСР.

Осуществляя политику социалистического строительства и подавляя сопротивление свергнутой буржуазии и помещиков, партия и советская власть в этот же период овладевают экономическими командными высотами.

Начавшиеся после победы Октябрьской революции изменения в экономике, образование тех укладов, о которых говорил Ленин в 1918 г., завершаются в этот период июньским (1918 г.) декретом о национализации промышленности. Если даже учесть влияние внешних условий и значение сопротивления рабочему контролю со стороны буржуазии в издании этого декрета уже в июне 1918 г., мы должны признать эту меру — национализацию промышленности, организационно соответствующей основным задачам социалистической революции. Декрет об обязательном товарообмене (8 августа 1918 г.) между городом и деревней и декрет о натуралоге, датированный 30 октября 1918 г., завершают этот период, свидетельствуют о преобразовании сферы обращения в соответствии с изменениями в характере

⁴ «Ленинский сборник», XXI, стр. 254—255.

производства. Овладев транспортом и промышленностью, разгромив помещичье и кулацкое землевладение, передав землю трудящимся массам крестьянства, государство пролетарской диктатуры пыталось в этот период проводить соответствующую политику и в области обращения.

Таким образом мы видим, что от Октября (ноября) 1917 г. до ноября 1918 г. протекает в области экономики процесс образования социалистического уклада и осуществляется попытка преобразовать соответствующим образом сферу обращения (товарооборота). В соответствии с этим мы можем здесь вскрыть коренные сдвиги в соотношениях экономических укладов и классовых сил в этот период (по сравнению с укладами, существовавшими в России до Октябрьской революции, включая в этот анализ и показ того, как изменился удельный вес капитализма после национализации промышленности и транспорта).

Военный коммунизм был вынужден войной и разорением. Начавшаяся с момента выступления чехословаков развертывание гражданской войны и военного коммунизма нельзя понимать таким образом, что с этого момента начался период военного коммунизма. Он был именно вынужден этой развертывавшейся гражданской войной. Поэтому после выступления чехословаков (25 мая 1918 г.) мы можем вскрыть лишь нарастание элементов военного коммунизма. Переход же количества в новое качество следует отнести к таким историческим фактам, как лозунг Ленина (21 ноября 1918 г.) о переходе от политики нейтрализации к союзу с середняком (военно-политический союз для обороны завоеваний революции), второй съезд совнархозов (19—27 декабря 1918 г.), декрет о продразверстке (11 января 1919 г.).

Программа Коминтерна характеризует экономическую политику военного коммунизма «как организацию рационального потребления в целях военной обороны при системе усиленного нажима на капиталистические группы (конфискации, реквизиции и т. д.) при более или менее полной ликвидации свободной торговли и рыночных отношений, при резком нарушении индивидуалистических хозяйственных стимулов мелкого производителя, что связано с падением производительных сил страны».

Исходя из этого определения, главным в экономическом содержании военного коммунизма надо признать продовольственную разверстку, которая «в силу обстановки была нам навязана с абсолютной необходимостью» (Ленин). Экономическая основа установленного в этот период военно-политического союза со средним крестьянством создана была фактом перехода в руки не только бедноты, но и середняков помещичьих и кулацких земель. Перед лицом белогвардейских армий, боровшихся за возврат не только фабрик и заводов, но и земли бывшим их владельцам (капиталистам и помещикам), «крестьяне давали Красной армии свои продукты и получали от нее поддержку при защите своих владений» (Ленин).

Из этого экономического факта вытекал прежде всего политический поворот мелкобуржуазных масс населения на сторону советской власти. Этот поворот объясняется далее крупными победами Красной армии на фронтах, главным образом на чехословацком фронте, и общим укреплением пролетарской диктатуры осенью 1918 г. в результате разгрома натиска контрреволюции. Этот поворот

объясняется также крахом Брестского договора, аннулированного 13 ноября, и наглядным разоблачением интервенционистских стремлений держав Антанты, а также наивной веры в «учредилку», которая, как свидетельствовал опыт Поволжья и Сибири, служила лишь прикрытием для торжества контрреволюции.

В связи с наметившимся переломом в позиции мелкобуржуазных масс изменилась и политика нашей партии по отношению к этим массам, прежде всего средним слоям деревни. Лозунг союза со средним крестьянством, пришедший на смену политике его нейтрализации, был впервые сформулирован Лениным в статье «Ценные признания Питирима Сорокина», написанной 21 ноября 1918 г. В этой статье Ленин писал: «Поворот Питирима Сорокина отнюдь не случайность, а проявление неизбежного поворота целого класса.

Политик, сознающий свои задачи, должен научиться вызывать этот поворот в отдельных слоях и группах широкой мелкобуржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины... Уметь достигать соглашения со средним крестьянином — ни на минуту, не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту — это задача момента, ибо именно теперь поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен в силу вышеизложенных причин»⁶.

Следует напомнить также указания т. Сталина в его статье: «Ленин и вопрос о союзе с середняком». Критикуя утверждения о том, что будто бы этот ленинский лозунг относится к периоду комбедов, т. Сталин писал: «К концу октября 1918 г. мы имели уже перевес наших сил в деревне против кулачества и поворот середняка в сторону советской власти. На базе этого поворота и возникло решение ЦК об уничтожении двоевластия между советами и комбедами, о пере выборах волостных и сельских советов, о растворении комбедов во вновь избранных советах и, следовательно, о ликвидации комбедов. Советское оформление этого решения было принято, как известно, 9 ноября 1918 г. на VI съезде Советов». Лозунг Ленина относится не к старому периоду, не к периоду комбедов и нейтрализации середняков, а к новому периоду, периоду соглашения с середняком. Он отражает, таким образом, не конец старого периода, а начало нового периода»⁷.

Важнейшие характерные черты второго периода истории СССР — периода гражданской войны и военного коммунизма (от зимы 1918/19 г. до весны 1921 г.) сводятся к следующему:

1. Разгром германского империализма и открытое нашествие Антанты на Советскую Россию (три похода Антанты).

2. Послевоенный революционный подъем в капиталистических странах и ликвидация одиночества пролетарской революции в России.

3. Обостренная борьба (гражданская война) с помещичье-капиталистическими элементами внутри страны, поддерживаемыми и организуемыми антантовскими интервентами, и их полный военный разгром.

⁶ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 291, 293, 294.

⁷ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 325, изд. 9.

4. Военно-политический союз пролетариата с основными массами крестьянства (союз с середняком в условиях гражданской войны).

5. Военный союз советских республик как форма сотрудничества народов в интересах военной самозащиты национальных республик от империалистической интервенции, белогвардейской и националистической контрреволюции.

6. Военно-коммунистическая экономическая политика (организация рационального распределения наличных запасов, ликвидация свободной торговли и рыночных отношений, система усиленного нажима на капиталистические элементы путем конфискации, реквизиций и пр.).

Третий период в истории СССР — период восстановления народного хозяйства на основе нэпа и образования СССР — характеризуется новыми коренными сдвигами в соотношении экономических укладов и классовых сил как внутри страны, так и на международной арене и соответствующим поворотом в политике партии и советской власти.

Блестящий анализ новых соотношений классовых сил и экономических укладов, сложившихся к весне 1921 г., дается Лениным в его брошюре о продналоге и тезисах его доклада на III конгрессе Коминтерна о тактике нашей партии⁸. Изменения в соотношении классовых сил в международном масштабе определялись крахом попыток открытой интервенции империалистов Антанты против Советской России, временными поражениями западноевропейского пролетариата в революционных боях послевоенных годов, началом передышки и «мирного» сожительства советской страны с враждебным ей капиталистическим окружением. Изменения в соотношении классовых сил внутри страны определялись экспроприацией и политическим разгромом помещиков и капиталистов и новыми взаимоотношениями между пролетариатом и трудящимся крестьянством в связи с завершением гражданской войны и необходимостью перехода к мирному хозяйственному строительству. Коренной поворот в политике партии и советской власти, обусловленный этими сдвигами в соотношении классовых сил, нашел свое конкретное выражение в решении X съезда партии, положивших начало переходу к новой экономической политике.

Важнейшие характерные черты этого периода в истории СССР таковы:

1. Начало отлива революционной волны и контрнаступления буржуазии на пролетариат в капиталистических странах и развитие национально-освободительного движения в странах Востока.

2. Снятие Антантой блокады, полоса признаний и «мирное» сожительство между СССР и капиталистическим окружением.

3. Переход к новой экономической политике, установление экономической смычки с основными массами крестьянства на основе продналога и развития товарооборота под контролем пролетарского государства.

4. Экономическое соревнование социалистических и капиталистических элементов в народном хозяйстве («кто кого») при возрастающей роли социалистических элементов.

⁸ Ленин, Соч., т. XXVI,

5. Ликвидация хозяйственной разрухи и ведущая роль социалистического уклада в восстановлении народного хозяйства.

6. Укрепление строя пролетарской диктатуры на основе сплочения рабочего класса и упрочения союза с середняцкими массами крестьянства. Банкротство и разложение партий меньшевиков и эсеров как передового отряда контрреволюционной буржуазии.

7. Образование СССР как «военно-хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное советское государство» (Сталин), завершенное национально государственным размежеванием в Средней Азии в конце 1924 г. — начале 1925 г.

В этот период происходит переход к новой экономической политике (X съезд партии 8—16 марта 1921 г.).

Тов. Сталин указывал в политотчете ЦК на XVI съезде партии, что начальная стадия нэпа означала «отступление и допущение оживления частной торговли... при обеспечении регулирующей роли государства.

Через год после перехода к нэпу дается лозунг прекращения отступления, перегруппировки сил и подготовки наступления. Ленин в плане своего доклада на XI партсъезде писал: «Остановка отступления... «перегруппировка сил и подготовка» — лозунг дня. Подготовка наступления на частных хозяйственный капитал — лозунг»⁹.

30 декабря 1922 г. на I Всесоюзном съезде советов провозглашается образование СССР. После XII съезда партии (апрель 1923 г.) разворачивается социалистическое наступление на основе ленинского плана построения социализма. В докладе об итогах XIII съезда партии т. Сталин отмечал, что «в истекшем году мы впервые столкнулись в своей практической работе с широкой борьбой в большом масштабе между социалистическими и частнокапиталистическими элементами внутри нашего народного хозяйства».

После XIII съезда партии (май 1924 г.) разворачивается борьба за укрепление смычки между городом и деревней и ликвидацию хозяйственной разрухи. Тов. Сталин в докладе об итогах XIII съезда указывал, что съезд дал лозунги «по вопросу о смычке, рассчитанные на то, чтобы свладеть торговлей, установить прочную смычку между нашей индустрией и крестьянским хозяйством и подготовить, таким образом, условия для победы социалистических элементов народного хозяйства над частнокапиталистическими».

Вопрос о границах между восстановительным и реконструктивным периодами тоже вызывает большие споры. Конечно и в этом вопросе недопустим механический подход: вот такого-то числа кончается один период и начинается другой. XV партконференция в октябре — ноябре 1926 г. отметила завершение в основном восстановительного периода и переход к реконструкции. Но XIV съезд — съезд индустриализации — состоялся в 1925 г. Вскоре после XIV партсъезда (в апреле 1926 г.), в докладе «О хозяйственном положении Советского союза» т. Сталин говорил:

«Основной факт, определяющий нашу политику, состоит в том, что в своем хозяйственном развитии наша страна вступила в новый период нэпа, в новый период новой экономической политики, в период прямой индустриализации... Самое важное и самое характер-

⁹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 213.

ное в состоянии нашего хозяйства состоит теперь в том, что центр тяжести переместился теперь в сторону индустрии. Ежели тогда, в первый период новой экономической политики, нам надо было начинать с сельского хозяйства, ибо развитие всего народного хозяйства упиралось в сельское хозяйство, то теперь, для того чтобы продолжать строительство социалистического фундамента нашего хозяйства, для того чтобы двинуть вперед хозяйство в целом, необходимо сосредоточить внимание именно на индустрии. Теперь само сельское хозяйство не может двигаться вперед, ежели во-время не подашь сельскохозяйственных машин, тракторов, изделий промышленности и т. д. Поэтому ежели тогда, в первый период новой экономической политики, дело развития народного хозяйства в целом упиралось в сельское хозяйство, то теперь оно упирается и уже уперлось в прямое развертывание индустрии. Вот в чем суть и основной смысл того лозунга, того курса на индустриализацию страны, который был провозглашен XIV партсъездом и который проводится ныне в жизнь».

Поворот в 1925 г. от сельского хозяйства в сторону индустрии свидетельствовал о резком нарастании реконструктивных моментов — это исторический факт. Реконструктивные моменты в промышленности мы можем найти и в первый период нэпа, когда в центре стояло сельское хозяйство¹¹ (вспомните план Гозлро и Волховстрой). Но в 1925 г. они, количественно нарастая в предыдущие годы, показывают новое качество, приводят к повороту центра тяжести экономической политики партии в сторону индустрии.

Тем не менее лишь после завершения в основном восстановительного периода мы можем говорить о начале периода реконструкции. Но и в этом начальном периоде реконструкции мы находим весьма существенные моменты восстановления (вспомним, что даже в 1927/28 хозяйственном году производство чугуна составляло лишь 79% довоенного, мартена — 93,5%, проката — 91%)¹².

Поэтому кажется правильным отнести период с 1925 г. (XIV партсъезд) по 1/X 1928 г. к четвертому периоду завершения восстановления народного хозяйства и перехода к социалистической реконструкции.

Этот период характеризуется следующими чертами:

1. Частичная и временная стабилизация капитализма и подготовка нового революционного подъема в капиталистических странах.

2. Период предыдущки, длительной полосы «мирного» сожительства СССР в обстановке капиталистического окружения при одновременном обострении взаимоотношений с некоторыми империалистическими державами (угроза новой интервенции) в связи с антисоветскими кампаниями английских империалистов.

3. Превышение довоенных норм по основным отраслям народного хозяйства СССР (завершение в основном восстановительного периода).

4. Переход к социалистической реконструкции народного хозяй-

¹¹ Ленин подчеркивал в 1921 г.: «Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только через это можно добиться и улучшения положения рабочих...» (Соч., т. XXVI, стр. 331).

¹² XV партконференция в 1926 г., XVII партконференция в 1932 г. отмечают окончание в основном восстановительного периода в 1926 г. и к началу первой пятилетки именно на основе данных о восстановлении хозяйства к 1926 г. и 1928 г. в связи с ростом процесса реконструкции после XIV партсъезда.]

ства на основе осуществления политики индустриализации, кооперирования основных масс крестьянства и развития коллективизации.

5. Развертывание социалистического наступления на капиталистические элементы путем усиления ограничения их роста и вытеснения отдельных отрядов городской буржуазии и кулачества, решение вопроса «кто кого» в области торговли и возросшее сопротивление буржуазно-кулацкой контрреволюции.

6. Упрочение союза в середняком на новой основе, вовлечение основных масс крестьянства в социалистическое строительство через кооперацию и колхозы и оживление советов в деревне.

7. Укрепление мощи СССР на основе хозяйственного подъема и культурного развития национальных советских республик, роста политической активности рабочих и трудящихся, оживления советов и разгрома троцкизма, зиновьевцев и троцкистско-зиновьевского блока, в своей антипартийной борьбе докатившегося до открытой контрреволюции.

Завершение «восстановительного периода» вызывает усиление борьбы за развертывание индустриализации и построение социализма в СССР (от XV партконференции 26 октября — 2 ноября 1926 г. до XV съезда партии). Успехи в этой области обуславливают переход к политике коллективизации и новые классовые сдвиги в борьбе на подступах к первой пятилетке (от XV съезда партии 2—19 декабря 1927 г. до начала первой пятилетки).

К пятому периоду следует отнести период первой пятилетки (1 октября 1928 г.—31 декабря 1932 г.).

Важнейшие характерные черты периода первой пятилетки построения фундамента социалистической экономики СССР таковы:

1. Мировой экономический кризис, крах стабилизации капитализма и новый революционный подъем в капиталистических странах.

2. Развертывание соревнования двух систем — социалистической и капиталистической — с явным преимуществом первой над последней при одновременном развитии двух основных тенденций в капиталистическом окружении по отношению к СССР — тенденции империалистической интервенции и тенденции укрепления хозяйственных связей с СССР.

3. Вступление СССР в период социализма, развернутое социалистическое наступление на капиталистические элементы по всему фронту, окончательное и бесповоротное решение вопроса «кто кого» и в городе и в деревне.

4. Построение фундамента социалистической экономики в СССР на основе создания собственной индустриальной базы и победы колхозного строя в деревне (превращение СССР в страну передовой индустрии и самого крупного социалистического земледелия).

5. Массовый трудовой подъем рабочих и трудящихся масс (развертывание социалистического соревнования и ударничества, пафос нового строительства и дальнейший рост политической активности широких масс).

6. Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и превращение колхозного крестьянства в действительную и прочную опору советской власти в деревне.

7. Индустриализация советских национальных республик и расцвет культур (национальных по форме и социалистических по содержанию) народов СССР.

8. Укрепление политической мощи пролетарской диктатуры на основе развертывания большевистского наступления, повышения роли советов как проводников генеральной линии партии и полного разгрома правой оппозиции и других антипартийных и контрреволюционных группировок.

Этот период начинается с года великого перелома (первый год первой пятилетки) в борьбе за построение социализма в СССР.

Во втором году первой пятилетки совершается переход к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации (осень 1929 г. — весна 1930 г.), вступление СССР в период социализма и развернутое социалистическое наступление на капиталистические элементы по всему фронту (XVI съезд партии).

В третьем решающем году первой пятилетки построен фундамент социалистической экономики в СССР.

Выполнение первой пятилетки в четыре года происходит в четвертом завершающем году первой пятилетки.

Шестой и последний «переходный период в переходном периоде» — это период второй пятилетки построения бесклассового социалистического общества в СССР. Третья пятилетка откроет историю социалистического общества в СССР.

Характерные черты шестого периода можно определить, исходя из исторических итогов первых двух лет второй пятилетки и основных директив партии и правительства, нашедших свое выражение во втором пятилетнем плане развития народного хозяйства, который был утвержден XVII партсъездом.

1. «Депрессия особого рода» в хозяйственном развитии капиталистических стран, взлывание их в новый тур войн и революций и вызревание политического кризиса мировой системы капитализма.

2. Ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, окончательная ликвидация на основе полного завершения коллективизации крестьянских хозяйств и кооперирования всех кустарей частной собственности на средства производства, ликвидация многоукладности экономики Советского союза и установление социалистического способа производства как единственного способа производства с превращением всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей социалистического общества (XVII съезд партии).

3. Завершение технической реконструкции всего народного хозяйства и освоение новой техники и новых предприятий, превращение СССР в технико-экономически независимую страну и в самое передовое в техническом отношении государство в Европе.

4. Создание всех необходимых предпосылок для уничтожения вековой противоположности между городом и деревней, превращение сельского хозяйства по своей общественной форме в однотипное с промышленностью и сельскохозяйственным трудом в разновидность индустриального труда.

5. Изживание хозяйственной и культурной отсталости национальных республик и областей.

6. Развитие товарооборота между городом и деревней и усиление всех видов транспорта, особенно железнодорожного.

7. Дальнейший подъем материального благосостояния рабочих и крестьянских масс и развертывание культурной революции.

8. Укрепление мощи советской власти на основе усиления идейно-политической работы партии, подтягивания организационного руководства до уровня политического руководства и организационной перестройки всех органов пролетарской диктатуры.

9. Дальнейшая демократизация избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенными — прямыми, открытых — закрытыми (ЦК ВКП(б) — VII съезд советов).



Еще в 1920 г. спрашивал Ленин в письме к Адоратскому: «...Можете ли собрать материалы для истории гражданской войны и истории Советской республики?».

В настоящее время полным ходом идут работы по созданию истории гражданской войны и истории СССР. Собран богатейший исторический материал. Руководящие указания тт. Ленина и Сталина являются ключом к созданию подлинно научной истории победы социализма в СССР. В этой истории должны быть показаны развитие социалистического уклада и установление единственного социалистического способа производства, исторические факты классовой борьбы, изменения в соотношениях классовых сил, ведущая и решающая роль партии и государства пролетарской диктатуры, величайшая роль гениальных вождей революции — Ленина — Сталина. В ней должна быть показана борьба рабочего класса и всех трудящихся против всех врагов революции — от буржуазии, помещиков, эсеров, меньшевиков, контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма до подлых подонков зиновьевской контрреволюционной группы — фашистских убийц кристально чистого большевика-ленинца, лучшего ученика т. Сталина — Сергея Мироновича Кирова, руку которых направлял двурушник и враг партии Зиновьев и его контрреволюционная группа. В этой истории должны быть показаны повседневная борьба за социализм миллионной армии ударников и такие героические подвиги, как полет в стратосферу и спасение челюскинцев.

В настоящей статье поставлен на обсуждение лишь вопрос о периодизации истории СССР, начиная с момента установления пролетарской диктатуры в России.

Мы считаем правильным установление следующих «переходных периодов в переходном периоде»:

1. Октябрьская социалистическая революция в первый год советской власти (от ноября 1917 г. до ноября 1918 г.).

2. Гражданская война и военный коммунизм (от ноября 1918 г. до марта 1921 г.).

3. Восстановление народного хозяйства, образование СССР (от марта 1921 г. до 1925 г.).

4. Завершение восстановления народного хозяйства и переход к социалистической реконструкции (от 1925 г. до октября 1928 г.).

5. Первая пятилетка и построение фундамента социалистической экономики.

6. Вторая пятилетка и борьба за построение бесклассового социалистического общества.

О депрессии особого рода

I. Неравномерность движения депрессии

Уже прошло более 2 $\frac{1}{2}$ лет с тех пор, как мировая капиталистическая промышленность преодолела низшую точку своего упадка в кризисе. Этот срок был бы более чем достаточен в прежние времена для наступления нового оживления и подъема промышленности. Как мировой экономический кризис оказался наиболее длительным из всех прежних кризисов, так и нынешняя депрессия является наиболее длительной по сравнению с прежними депрессиями. Эта длительность является одним из выражений депрессии не обычной, а депрессии особого рода, как это определил т. Сталин на XVII съезде партии.

Буржуазные и социал-демократические апологеты капитализма пытались утверждать, что преодоление низшей точки кризиса означает скорое возвращение «процветания». Однако и на сей раз капиталистическая действительность оказалась жестокой по отношению к капиталистической апологетике. В годовом отчете Banque de Paris et des Pays-Bas руководители его с горечью констатируют: «Надежда на широкое восстановление дел, появившаяся в результате положительных явлений, зарегистрированных в некоторых странах в 1933 г., оказалась обманутой, и, несмотря на некоторые обнадеживающие показатели вроде увеличения мирового производства и общего сокращения безработицы, положение в целом не из блестящих»¹.

В 1934 г. капиталистическое производство в целом по сравнению с прошлым годом увеличилось весьма незначительно — всего на 5%. Это показывает, как сильно сократился темп «восстановления» промышленного производства после преодоления низшей точки кризиса. Достаточно отметить, что прирост мирового производства в 1933 г. по отношению к 1932 г. равнялся 15%. Со всей наглядностью выявляется, что все еще «в настоящее время не существует таких данных, прямых или косвенных, которые бы говорили о наступающем подъеме промышленности в капиталистических странах»².

Это в то время, когда советская промышленность только за один 1934 г. дала прирост продукции на 19,2%. Удельный вес СССР в мировой продукции поднялся до 16% против 14% в 1933 г. и 6% в 1929 г. Годы кризиса и депрессии особого рода в капиталистических странах совпали с годами бурного экономического расцвета СССР, приведшего к победе социализма во всем народном хозяйстве страны.

По некоторым оптимистическим подсчетам, относящимся ко второй половине 1934 г., из 55 стран капитала только 39% стран показали определенное улучшение, 33% стран находились «на путях к восстановлению», 19% стран продолжали все еще пребывать в тисках кризиса и 9% стран выявили дальнейшее углубление кризиса³. В последние две группы стран

¹ Le Temps, 11 Avril 1935.

² Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат, стр. 543, изд. 10-е, 1935 г.

³ См. The Manchester Guardian, January 7, 1935.

прежде всего входят страны, сохранившие золотой стандарт (Франция, Швейцария и др.). В странах золотого блока нарастает движение за обесценение их валюты в целях укрепления своих позиций на мировом рынке и улучшения своего промышленного производства. Отказ Бельгии от золотого стандарта в начале 1935 г. нанес серьезнейший удар всей системе золотого блока.

К началу 1935 г. капиталистическая промышленность в целом далеко не достигла еще предкризисного уровня. Из крупнейших империалистических стран только Япония дала промышленную продукцию выше уровня 1929 г., но Япония не оказывает решающего влияния на динамику мировой конъюнктуры. Даже в Англии, где движение конъюнктуры за последние два года выявило сравнительно более благоприятные черты для хода депрессии, чем в других странах, объем промышленной продукции к началу 1935 г. еле достигает размеров 1929 г. — года нехарактерного для общего подъема английской промышленности.

По данным Берлинского конъюнктурного института, кроме Японии, только Дания, Финляндия, Греция, Норвегия, Румыния, Швеция и Чили показывают в 1934 г. некоторое увеличение промышленной продукции по сравнению с предкризисным уровнем 1928 г. Во всех же остальных странах, в том числе и в главной стране капитализма, в его цитадели — в США, производство в 1934 г. было значительно ниже предкризисного уровня. Физический объем промышленной продукции в 1934 г. уменьшился по отношению к 1929 г. в США на 34%, во Франции — на 28%, в Германии — на 19% и т. д. Такой процент снижения объема производства через $2\frac{1}{2}$ года после преодоления низшей точки кризиса сам по себе настолько велик, что оставляет далеко позади себя процент кризисного сокращения производства в довоенный период развития капитализма. Низкий уровень производства при нынешней депрессии свидетельствует о той исключительной глубине капиталистических противоречий, которые разъедают капитализм изнутри и которые обычно должны быть в кризисе «насильственно выравнены». Общий кризис капитализма как системы продолжает углубляться.

Это не могло не привести некоторых буржуазных экономистов к грустному размышлению о судьбе капиталистической экономики. Известный конъюнктуровед Митницкий спрашивает, что же в конце концов означает кризис, вскрывая тем самым бессилие буржуазной теории понять капиталистические кризисы¹. «Мы тем больше забываем», — отвечает он на свой вопрос, что означает «кризис», — чем дольше и чаще употребляем это слово. Некогда «кризис» означал лишь обострение, поворотный пункт, решительное мгновение, совершенно короткий промежуток времени в длительном процессе. Сегодня это означает наше повседневное существование по крайней мере в хозяйственной области, это — уже будни, которые мучительно продолжаются очень долго... Люди полагали вернуть в одно мгновение все потерянное и питают себя надеждой, что им нечего больше терять. Они отождествляют конец падения с началом подъема. В этом они глубоко ошибаются».

Индексы промышленного производства капиталистического мира за последние годы подтверждают особый характер нынешней депрессии² (см. табл. на стр. 146).

Анализ этой таблицы показывает чрезвычайное обострение неравномерного развития мировой конъюнктуры. Неравномерность развития, являющаяся безусловным законом капитализма, все больше и больше

¹ Pester Lloyd, 25. Dezember 1934.

² Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung, 3. April 1935.

**Промышленное производство капиталистического мира
(1928 г.=100)**

	1929 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
США	107	58	69	71
Германия	100	61	69	86
Англия	106	88	93	105
Франция	110	76	85	78
Италия	109	73	81	87
Япония	110	117	137	153
Польша	100	54	55	63
Австрия	103	66	67	72
Чехословакия	104	66	63	70
Бельгия	101	63	67	66
Саар	107	74	82	91
Норвегия	112 ¹	103	103	109
Швеция	106	84	87	105
Дания	118 ¹	98	113	121
Финляндия	98	81	94	107
Венгрия	101	75	82	96
Румыния	101	96	109	—
Греция	102	103	112	—
Канада	108	63	65	80
Чили	120	85	95	113

приобретает решающее значение в движении депрессии особого рода. То обстоятельство, что при монополистическом капитализме неравномерность развития превратилась в решающую силу империалистического развития, со всей остротой сказывается на характере нынешней депрессии, отличая ее от депрессий при старом капитализме. В прежних депрессиях в период старого капитализма кривая промышленной продукции вверх шла более или менее равномерно во всех странах.

Широко развитый международный кредит, дальнейшее развитие мирохозяйственных связей, движение капитализма в целом по восходящей линии обеспечивали единство подъемной волны мировой конъюнктуры. Различие, которое наблюдалось в ходе капиталистического цикла по странам, особенно во время депрессии, довольно скоро перераставшей в оживление и подъем, не имело решающего значения в характеристике мировой конъюнктуры, или, как говорит буржуазный экономист Кемени, неравномерность не лежала в основе движения мировой конъюнктуры, определяемой им как компактное единство. Теперь же, продолжает он, «мировая конъюнктура как большой единообразный процесс существует больше в воспоминании, в реальном же мире господствуют силы, направленные друг против друга»².

Еще накануне мирового экономического кризиса фаза подъема не имела в с о б щ е г о характера. Английская промышленность перед этим кризисом в целом не переживала подъема. Кризис в Англии наступил не после фазы подъема, обычно предшествующей в капиталистическом цикле фазе кризиса, а непосредственно после застоя, охватившего английскую промышленность почти на целое десятилетие после кризиса 1921 г. Даже в Соединенных штатах, промышленный подъем которых накануне мирового кризиса вознесла социал-демократия, ряд решающих отраслей промышленности (судостроение, производство ж.-д. обрудования, текстильная промышленность, угольная и др.)³ не выходил из состояния глубокой и затяжной депрессии. Отсутствие всеобщей фазы подъема еще накануне мирового

¹ За 1930 г.

² Pester Lloyd, 25. Dez. 1934.

³ Новейшие изменения в экономике Соединенных штатов, т. II. стр. 515.

кризиса является результатом воздействия общего кризиса капитализма на движение промышленного цикла. Тем более в результате мирового экономического кризиса, принесшего новое обострение и углубление общего кризиса капитализма, повышательная волна не может быть всеобщей. Только во время самого кризиса ярко обнаружилось «компактное единство» мировой конъюнктуры. Кризис был в с е о б щ и м мировым кризисом, хотя даже в этом случае неравномерность развертывания кризиса накладывала особый отпечаток обострения на всеобщий характер кризисной фазы.

Одним из выражений усиления неравномерности движения депрессии особого рода является то, что среднегодовой индекс промышленной продукции в ряде стран, как например Бельгии и особенно во Франции, оказался в 1934 г. ниже соответствующего индекса в 1933 г., хотя мировое производство в целом несколько повысилось за это время. Фактически в конце 1934 г. промышленное производство во Франции вновь сократилось до уровня наибольшего упадка, достигнутого в середине 1932 г. Индекс физического объема промышленной продукции («Statistique Générale de la France») равнялся в декабре 1932 г. 73 при низшей точке 72,4 в июле 1932 г.¹ Новое сокращение индекса началось с середины 1933 г. В течение всего этого периода, в 1½ года, промышленное производство сократилось приблизительно на 20% — сокращение, которого не знали д о в о е н н ы е к р и з и с ы во Франции и которое свидетельствует, насколько обострилась неравномерность развития нынешней депрессии. Продукция черной металлургии Франции в отличие от других капиталистических стран сократилась в 1934 г. по отношению к 1933 г. Сильно сократилась и машиностроительная промышленность, индекс которой упал до 68,8 в январе 1935 г. против 82,6 в августе 1933 г. Сократилась продукция текстильной промышленности, снизилась железнодорожная нагрузка и ряд других важных показателей состояния экономики страны.

Ухудшилось за это время положение французского рабочего класса. Количество зарегистрированных безработных дошло к началу 1935 г. до рекордной за годы кризиса цифры, превышающей 400 тыс. Действительное число безработных не меньше 1 млн.² К тому же немногим меньше половины занятых рабочих работают сокращенную рабочую неделю. Отрицательное значение роста безработицы для экономики страны вынуждена отмечать французская пресса. «Среди статистических показателей, — пишет газета «Le Soir», — данные о безработице являются наиболее верным признаком экономической активности в стране. Смотря по тому, повышается ли безработица или сокращается, можно заключить, возрастает или ослабляется эта активность. Во Франции в течение 1934 г. количество безработных, получающих помощь, не переставало расти, достигнув своего максимума 405 тыс. в конце года, т. е. на 101 тыс. больше, чем год назад»³.

Французская экономика 1934 г. развивалась под знаком систематического сокращения производства и роста безработицы, в то время как в других империалистических странах индексы производства и занятости показывают известное повышение. Это привело к тому, что доля Франции в мировом производстве снизилась с 6,9% в 1933 г. до 5,7% в 1934 г. против 8% в 1930 г.

¹ Все индексы в статье имеют своей базой 1928 г. = 100, если не оговорена другая база.

² Во Франции около 6 млн. промышленных и транспортных рабочих. Орган германской тяжелой промышленности «D. Bergwerkszeitung» (28/II 1935) называет 850 тыс. безработных во Франции.

³ Le Soir, 1—2 Janvier 1935.

Усиление неравномерности движения нынешней депрессии выражается не только в том, что в отдельных странах в 1934 г. кризис по существу продолжал углубляться, в то время как колебание капиталистического производства в целом не возвращает его к точке наибольшего упадка, но также в том, что движение конъюнктуры и в тех странах, промышленность которых в целом дала известный прирост в 1934 г. по сравнению с 1933 г., происходило с большими срывами. Даже в Англии, где производство до середины 1934 г. повышалось два года под ряд более или менее равномерно, в III квартале 1934 г. наступает сокращение производства, оставляющее далеко позади летнее сезонное сжатие промышленности. Квартальный индекс производства (1924 г. = 100) падает с 103,1 (II квартал) до 96,8 (III квартал) и вновь поднимается до 105 в IV квартале¹.

Хотя квартальные индексы производства в 1934 г. выше соответствующих индексов 1933 г., однако характерным для нынешней депрессии является то, что темп прироста продукции в Англии понижался в течение всего 1934 г. В 1933 г. в I квартале продукция по данным «London and Cambridge Economic Service» сократилась на 4% по сравнению с I кварталом 1932 г., во II квартале продукция уже увеличилась по сравнению со II кварталом 1932 г. на 7%. В III и IV кварталах соответствующий прирост равнялся 13% и 12%. Иначе говоря, в 1933 г. в Англии наблюдалось нарастание и укрепление темпа увеличения продукции. В 1934 г. наметилось противоположное движение. Темп роста производства по сравнению с соответствующими кварталами прошлого года в 1934 г. понижался следующим образом: I квартал +16,5%, II квартал +15,5%, III квартал +10% и IV квартал +8%. Эта потухающая кривая нагляднейшим образом свидетельствует, что нынешняя депрессия даже в Англии пока не несет с собою предпосылок к подъему промышленности.

Хотя индекс производства достиг в Англии к началу 1935 г. почти докризисного уровня, однако ряд показателей характеризует худшее положение экономики страны теперь, чем в 1929 г., В настоящее время экспорт Англии стоит на значительно более низком уровне, чем в 1929 г., а как известно, экспорт имеет важное значение для Англии. Современная безработица намного больше предкризисной безработицы и превышает 2 млн. чел. «Поэтому абсурдно, — замечает газета «Daily Herald», — рассматривать 1929 г. как цель экономического восстановления. Мы должны продвинуться много дальше существовавших в том году условий, прежде чем мы можем начать говорить о подъеме, не впадая в нелепость»². А консервативная газета «Morning Post» пишет: «Процветание остается не больше как пятнышком на отдаленном горизонте»³. Надо учесть также, что достигнутый в 1934 г. уровень производства в Англии ниже довоенного уровня, как это было и накануне кризиса в 1929 г. Причем в отличие от 1929 г. капиталистическое производство в настоящее время протекает в условиях, когда наступил конец капиталистической стабилизации, как это отметил XII пленум ИККИ. Это не может не наложить своего отпечатка и на движение современной конъюнктуры в Англии.

Таков ход депрессии особого рода в Англии, в стране, где капиталистическая промышленность в последние 2—3 года развивалась в относительно более благоприятных условиях, чем в других империалистических странах за исключением Японии. Это нашло свое объективное выражение в увеличении доли Англии в мировом промышленном производстве с 9,3% в 1928 и 1930 гг. до 10,6% в 1932 г. и 10,1% в 1934 г. Сравнительное

¹ London and Cambridge Economic Service, Jan. 23, 1935.

² The Daily Herald, Apr. 12, 1935.

³ The Morning Post, Febr. 6, 1935.

улучшение положения промышленности в Англии объясняется тем, что английская буржуазия благодаря резкому повороту к протекционистской политике сумела более широко использовать внутренний рынок, а благодаря более раннему отходу от золотого стандарта и образованию стерлингового блока несколько улучшила свое положение на мировом рынке. Значительно способствовало повышению производства в Англии также усиление военной подготовки. Ведущими отраслями в росте производства в Англии в 1934 г. являются отрасли тяжелой индустрии и прежде всего те из них, которые непосредственно работают на войну (авиостроительство, цветная металлургия и пр.). Рост нищеты масс, огромная безработица, а также обострение экономической войны между капиталистическими странами и конец стабилизации капитализма однако тормозят рост английской промышленности и приводят к потухающей кривой роста поквартальных индексов производства в 1934 г. по сравнению с 1933 г. и к срыву конъюнктуры в III квартале 1934 г.

Наиболее сильно неравномерность движения нынешней депрессии выражена в Соединенных штатах, где колебания производства за последние 2—3 года особенно резки. Со времени преодоления наибольшей глубины падения производства, т. е. с июля 1932 г. по конец 1934 г., кривая промышленной продукции срывалась пять раз: в ноябре 1932 г., в марте 1933 г., в августе 1933 г., в июне 1934 г. и в ноябре 1934 г. За 2½ года после преодоления низшей точки американская промышленная продукция сокращалась в течение 12 месяцев. Падение производства происходило настолько сильно, что для довоенного периода оно являлось бы показателем нового кризиса. Индекс физического объема промышленной продукции Federal Reserve Board сократился с июля 1933 г. по декабрь 1933 г. на 28%. Соответствующее сокращение с мая 1934 г. по сентябрь 1934 г. равнялось 20%. Промышленное производство ни разу не повысилось в 1934 г. до уровня, достигнутого им еще в июле 1933 г. Высшая точка производства в 1934 г. оказалась ниже высшей точки производства в 1933 г. на 10%. Это является одним из ярких выражений обострений неравномерности развития депрессии особого рода в США.

Очень рельефно неравномерность движения нынешней депрессии в США сказалась на развитии стальной промышленности, являющейся одной из основных отраслей американской индустрии. Средненедельная загрузка стальной промышленности США колебалась в 1934 г. от 17,5% (в сентябре) до 62 (в июне). «Норма загрузки по кварталам (в стальной промышленности) свидетельствует о значительно большей нерегулярности, чем обычные сезонные колебания «нормального» года, а именно: в I квартале загрузка равнялась 40%, во II квартале — 54%, в III квартале — 24% и в IV квартале — 28%¹. Низшая точка загрузки американской стальной промышленности в 1934 г. в сентябре была близка к низшей точке кризиса в середине 1932 г. (17,5% против 11%).

Характерно, что резкие колебания производства в США происходят в условиях исключительно высокого уровня безработицы. Огромная безработица остается центральной проблемой экономической и политической жизни страны. Несмотря ни на какие заклинания Рузвельта, «процветание» не возвращается. Руководящий орган финансовой олигархии, подводя итоги 1934 г., называет мероприятия Рузвельта «путанями», которые «привели страну к положению, свидетельствующему, что эти мероприятия не сумели открыть дорогу к восстановлению. Одно лишь обстоятельство достаточно хорошо передает историю 1934 г., это то, что

¹ The Annalist, Jan. 18, 1935.

количество безработных осталось практически постоянным в течение всех 12 месяцев и является относительно немногим меньше своего максимума в годы кризиса»¹.

Из всех капиталистических стран, давших прирост промышленной продукции в 1934 г., наименьший прирост показали США. Индекс производства в 1934 г. по сравнению с 1933 г. поднялся в США всего на 3%, в то время как в Англии — на 13%, в Германии — на 24,6%, в Японии — на 11,7%, в Канаде — на 23%, в Италии — на 7%, в Польше — на 15%, в Австрии — на 7,5% и т. д. Это привело к новому ухудшению позиций США в мировом производстве. Удельный вес США в мировом промышленном производстве упал с 35,9% в 1933 г. до 33,2% в 1934 г. против 44,8% в 1928 г. Эти цифры, отражающие чрезвычайное усиление неравномерности развития кризиса и депрессии особого рода по странам, свидетельствуют об огромных потерях американского капитализма за последние годы.

Больше, чем во всех капиталистических странах, производство по сравнению с 1933 г. возросло в Германии. Германия является одной из тех стран, где сокращение промышленности, особенно производства средств производства, сравнительно больше, чем среднее сокращение мирового производства.

Резкое уменьшение продукции тяжелой промышленности привело к тому, что текущий износ производственного аппарата германской индустрии в годы кризиса не мог быть покрыт текущим производством. Это давало объективное основание для сравнительно быстрого роста производства в Германии после преодоления низшей точки кризиса. Таким образом, ход самого кризиса и в Германии выявляет действие внутренних сил капитализма, хотя и в чрезвычайно противоречивой обстановке.

1934 г., характеризуемый относительно большим ростом производства в Германии, является годом решительной военной мобилизации промышленности и бешеной подготовки к войне. Именно это обстоятельство объясняет сравнительно более высокий прирост производства в Германии в 1934 г. Фашисты за короткий промежуток времени финансировали крупную промышленность более чем на 5 млрд. марок. Военная промышленность и отрасли, прямо или косвенно обслуживающие подготовку к войне, увеличились в 1934 г. больше всего как раз в Германии. Индекс моторизации, свидетельствующий о темпах подготовки к войне, поднялся в 1934 г. в Германии до 318, в то время как в Англии до 148 и во Франции до 111 (1930 г.=100). Выплавка чугуна и стали увеличилась в 1934 г. по сравнению с 1933 г. в Германии соответственно на 66 и 70%, в то время как мировая выплавка чугуна и стали поднялась соответственно на 25 и 22%, английская — на 48 и 28%, японская на 40 и 35% и т. д.² Эти цифры говорят о том, что в бешеной гонке империалистических стран по подготовке нового вооруженного передела мира впереди идет фашистская Германия. И это не могло не сказаться на относительно большем росте германского производства, особенно тяжелой индустрии.

Однако рост производства, подхлестываемого военными приготовлениями фашизма, естественно не означает «нормального» развития народного хозяйства Германии, наоборот, он чрезвычайно обостряет внутренние и внешние противоречия страны. Рост производства и перспективы войны привели к усилению ввоза сырья. Особенно возрос импорт стратегического сырья в 1933—1934 гг. За время пребывания у власти фашисты израсходовали

¹ The Wall Street Journal, Jan. 2, 1935. Статья уже была набрана, когда мы получили известие о том, что Верховный суд признал не конституционной NRA — систему Рузвельтовских мероприятий по восстановлению промышленности.

² Neue Freie Presse, 1. Januar 1935.

на военную подготовку весь золотой и валютный запас страны. В начале 1935 г. золотой запас упал до ничтожного уровня в 75 млн. марок и валютный до 5 млн., что составляет всего-навсего немногим больше 1% золотого покрытия марки.

В 1934 г. резко ухудшилось внешнеторговое положение Германии. Впервые за годы кризиса внешняя торговля дала пассивный баланс. В то время как еще в 1933 г. среднемесячный активный баланс по торговле равнялся 55,7 млн. марок, в 1934 г. внешняя торговля ежемесячно уже давала дефицит в 22,3 млн. марок, несмотря на строжайшее регулирование внешней торговли. Повышению ввоза стратегического сырья не сопутствовало повышение экспорта германских товаров. Если доля Германии в импорте европейских стран повысилась с 13,2% в 1932 г. до 14,8% в 1934 г., то доля в экспорте европейских стран сократилась соответственно с 21% до 17,8%¹. Вопреки всяким автаркическим мероприятиям импорт пищевых и потребительских товаров практически стоит на уровне прошлого года. Резко сократился экспорт промышленных изделий из Германии. Индекс вывоза промышленных товаров почти в 2 раза ниже индекса производства. Доля экспорта в производстве постоянно сокращается и в 1934 г. упала до 12% против 30% в конце 1931 г. За 1929—1934 гг. экспорт промышленных изделий сократился с 12,4 млрд. марок до 4 млрд., т. е. на 8,4 млрд. марок. Из этой суммы приблизительно 2,6 млрд. приходится на падение цен, а огромная часть в 5,8 млрд. на сокращение физического объема экспорта. В настоящее время количество рабочих, обслуживающих производство экспорта, приблизительно на 1¹/₄ млн. чел. меньше, чем в 1928—1929 гг. Доля экспорта машин в германском производстве упала с 49% в 1932 г. до 16% в 1934 г., доля экспорта автомобилей соответственно с 21 до 8%, доля экспорта железа с 29 до 18% и т. д.² Рост производства при таком резком сокращении экспортной квоты также является показателем того, что промышленность работает на войну. К тому же надо еще учесть дальнейший рост обнищания широких масс германского населения. «Neue Zürcher Zeitung» констатирует: «В результате повышения цен на средства существования, распространения укороченного рабочего дня и существования низкой заработной платы реальный доход значительно снизился»³. При падении жизненного стандарта масс и сокращении экспорта понятно, какой характер может иметь рост производства в Германии.

Цены на внутреннем рынке в Германии и мировые цены

Декабрь, цены в марк. за 100 кг	Внутренние цены в Германии			Мировые цены			Рынок
	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	
Пшеница	18,70	18,16	20,55	8,39	9,36	10,41	Нью-Йорк
Рожь	15,36	15,00	16,55	6,54	6,91	6,58	Познань
Овес	11,93	14,38	14,88	5,76	4,67	5,29	Лондон
Ячмень	16,25	15,85	15,45	7,17	6,10	8,17	»
Кукуруза	15,50	15,50	15,50	5,54	5,36	5,84	»
Говядина	63,00	66,40	82,00	24,06	23,63	23,87	Копенгаген
Свинина	76,80	94,60	96,00	29,72	19,17	28,37	Чикаго
Масло	216,54	252,00	260,00	127,69	113,87	121,77	Копенгаген
Сало	61,00	152,25	181,00	43,52	32,78	66,86	Нью-Йорк
Яйца (100 шт.)	10,44	12,39	11,50	8,94	7,59	4,97	Копенгаген
Сахар	40,52	40,64	44,00	7,78	7,13	9,17	Нью-Йорк

¹ Wirtschaft und Statistik, 1 März-Heft, Nr 5, 1935.

² Wochenbericht, 17/IV—1935.

³ Neue Zürcher Zeitung, 4/I 1935.

Господство фашистов в Германии колоссально усиливает монополистические тенденции в народном хозяйстве страны. Принудительное картелирование, регулирование рынка, политика цен и т. д., резкое ухудшение положения масс—на-руку финансовому капиталу. Главная задача заключается в том, чтобы еще больше усилить эксплуатацию и угнетение рабочего класса, ограбить широкие массы потребителей и обуздать мелкую буржуазию города и деревни в пользу крупного капитала, помещиков и кулаков.

В этой связи чрезвычайно важно отметить большое расхождение между ценами на внутреннем рынке в Германии и мировыми ценами, вызванное мероприятиями по ограничению импорта и фашистскому «регулированию» сельскохозяйственного рынка (см. таблицу на стр., 151).¹

Цены на внутреннем рынке в Германии на сельскохозяйственные продукты в 2—4 раза превышают соответствующие мировые цены. За время господства фашистов эти цены сильно поднялись в Германии. Лозунгом фашистов является: «Потребитель должен принести жертву в пользу сельского хозяйства» (читай помещиков и кулаков). В 1934 г. фашисты расширили принудительное регулирование сельскохозяйственных цен. Большой разрыв в ценах на внутреннем рынке в Германии и на мировом рынке усиливает и обостряет неравномерность движения цен и борьбу за рынки.

Фашистское хозяйствование, усиливая военные приготовления Германии, на самом деле чрезвычайно обостряет как внутренние, так и внешние противоречия германского империализма. Внешними показателями этого обострения являются напряженность финансов страны, пассивный баланс по внешней торговле, рост недовольства среди мелкой буржуазии, провал фашистских планов на данцигских выборах, нарастание недовольства среди рабочих (выборы «доверенных» на предприятиях и др.), рост популярности коммунистической партии, обострение внешнеполитических отношений и т. п. Развитие экономики Германии в 1934 г. усугубляет неравномерность движения депрессии особого рода во всем мире.

Со всей очевидностью обнаруживается на фактах экономической действительности, что закон неравномерности развития все больше и больше становится мощным фактором разложения капитализма. В период домонополистического капитализма «закон неравномерности развития, — говорил Сталин, — не представлял еще и не мог представлять того могучего фактора в деле разложения капитализма, каким он стал впоследствии, в период монополистического капитализма, в период империализма»². Это тем более относится к империализму послевоенному, охваченному общим кризисом капитализма. На движении нынешней депрессии в отличие от депрессии старого капитализма лежит печать закона неравномерности, ставшего могучим фактором разложения капитализма.

II. Общий кризис капитализма — основа депрессии особого рода

Особый характер нынешней депрессии, в частности чрезвычайное усиление неравномерности ее развития, определяется общим кризисом капитализма, в условиях которого развивается эта депрессия.

Анализ данных о развитии современной экономики под углом зрения учения Ленина и Сталина об общем кризисе капитализма вскрывает те

¹ Die Frankfurter Zeitung, 23. Dez. 1935 г.

² С т а л и н. Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг. Госиздат, 198 г., стр. 501;

пружины, которые определяют особенности нынешней депрессии. Начнем с рассмотрения вопроса о движении основного капитала, имеющего исключительно важное значение в механизме смены фаз капиталистического цикла. Вспомним, что Маркс писал: «Периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и не совпадают друг с другом. Тем не менее кризис всегда образует исходный пункт для крупного нового вложения капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени образует новую материальную основу для следующего цикла оборота»¹.

Прошло 2½ года со времени преодоления низшей точки мирового экономического кризиса, и до сих пор однако все же нет серьезного массового обновления основного капитала в капиталистических странах, чтобы обеспечить нормальный ход цикла. Особенности движения основного капитала, являющегося материальной основой цикла, представляют собой в настоящее время одну из тех главных конкретных причин, которые сдерживают и срывают повышательную волну капиталистического производства в последние 2½ года.

Было бы ошибочно отрицать какое бы то ни было обновление основного капитала в капиталистических странах. Пока существуют конкурентная борьба и стремление к получению прибыли, т. е. пока существует капиталистический способ производства, обновление основного капитала не может совершенно приостановиться. Однако наблюдаемое ныне обновление основного капитала в капиталистических странах отнюдь недостаточно для перехода цикла к фазе оживления и подъема. Естественно, что обновление основного капитала протекает различно в различных странах.

Следующая таблица дает картину движения промышленного производства отдельно по производству средств производства (А) и по производству средств потребления (В) для тех стран, которые публикуют соответствующие индексы (1928 г. = 100)².

Годовые индексы капиталистической промышленности

А — производство средств производства, В — производство средств потребления

Годы	Германия		США		Япония		Норвегия		Голландия		Польша		Швеция	
	А	В	А	В	А	В	А	В	А	В	А	В	А	В
1929	104,0	94,8	108,6	104,4	—	—	110,0	112,1	99,5	107,1	98,4	96,0	109,5	102,0
1930	88,7	92,3	78,9	90,6	100,0	100,0	116,9	107,8	86,2	103,2	78,1	80,2	102,9	102,0
1931	65,4	85,7	52,4	89,0	102,6	102,1	82,4	91,9	62,6	105,6	58,8	72,1	85,7	97,1
1932	50,2	77,7	30,0	79,2	107,6	109,3	97,1	108,8	45,6	88,9	41,7	61,5	75,2	98,0
1933	58,5	84,8	44,7	87,9	125,2	123,0	102,5	106,4	54,9	92,1	45,9	61,7	80,0	97,1
1934	81,0	93,1	—	—	—	—	112,8	108,7	55,5	92,3	54,5	68,8	100,0	114,7

Производство средств производства за годы кризиса сократилось значительно больше, чем производство средств потребления, и сильно отстает в своем движении после преодоления низшей точки падения от движения производства средств потребления. Исключение составляет Япония, где индексы производства как средств производства, так и средств потребления за годы 1931—1934 стояли относительно высоко и почти на одинаковом уровне.

Для роста производства средств производства в Японии за эти годы имели исключительное значение бешеная подготовка японского империализма к войне, осуществление военного захвата Манчжурии, Жэхэ и Чахара и военно-стратегическое строительство в Манчжурии, а также государственная поддержка, оказываемая тяжелой промышленностью. Не следует забывать также, что пришлось быстро восстанавливать разрушен-

¹ Маркс, Капитал, т. II. Сочинения, т. XVIII, Партиздат, 1934 г., стр. 194.

² Bulletin Mensuel de Statistique, Société des Nations, No 3, 1935.

ные стихийными бедствиями предприятия (металлургические предприятия в Оаксом районе), что не могло не отразиться на росте производства средств производства. Необходимо также отметить, особенно для производства средств потребления, интенсивное развитие демпинга на основе колониальной эксплуатации японского пролетариата, причудливо переплетенной с новейшими достижениями капиталистической кризисной рационализации. Большую помощь внешнеторговой экспансии японского империализма оказало более сильное обесценение иены, чем обесценена валюта конкурирующих стран (Англии, США). Иена обесценена к концу 1934 г. в сравнении с обесцененным фунтом и долларом более чем на 50%.

В крупнейших центрах капиталистического мирового хозяйства — в Германии и особенно в США — производство средств производства продолжает сильно отставать от производства средств потребления. В 1934 г. в Германии тяжелая промышленность значительно увеличила свою продукцию, особенно благодаря перестройке фашистами промышленности к войне, военно-стратегического строительства (аэродромов, дорог и пр.), роста военной промышленности и т. п. В Польше и Голландии индекс производства средств производства находится все еще на низком уровне. Более благоприятную картину показывает движение индексов в Швеции и особенно в Норвегии. Все это дает основание заключить, что в тех странах, где производство средств производства достигло относительно более высокого уровня, там промышленное производство в целом также достигло сравнительно высокого уровня. В тех же странах, как например США и Голландия, где относительно высокого уровня достигло производство средств потребления, а производство средств производства находится на низком уровне, промышленное производство в целом также продолжает оставаться на низком уровне. Указанное обстоятельство выявляет то важное значение для промышленного цикла, какое имеет производство средств производства, включающее в себя производство элементов основного капитала.

Из крупнейших капиталистических стран в последние годы наибольшее обновление основного капитала наблюдается в Англии, так как она не пережила накануне мирового экономического кризиса той рационализации промышленности, которую произвели США и Германия. За последние четыре года в Англии имеет место систематический, хотя еще недостаточный, рост эмиссии новых капиталов. Внутренняя эмиссия новых капиталов возросла с 43 млн. ф. ст. в 1931 г. до 84 млн. в 1932 г., 95 млн. в 1933 г. и 107 млн. в 1934 г. против 219 млн. в 1928 г.¹ Иначе говоря, хотя за время с 1931 по 1934 г. внутренняя эмиссия капиталов в Англии и увеличилась более чем в 2 раза, тем не менее она продолжает оставаться на низком уровне: по сравнению с 1928 г. внутренняя эмиссия капиталов в 1934 г. в два раза меньше. Необходимо отметить рост частной эмиссии капиталов в 1934 г., особенно для промышленных инвестиций. «Важно для характера современного восстановления британской экономики то, что рост новой эмиссии наблюдается в отношении финансовых, коммерческих и промышленных предприятий, эмиссия же правительственная и железнодорожная значительно сузилась за этот год»².

Рост частной эмиссии капиталов является особенной чертой английского рынка новых капиталов в 1934 г. в отличие от американского и германского, где преобладающую роль играет государственная инициатива. В связи с этим в Англии происходит сравнительно большее обновление основного капитала промышленности, чем в других крупнейших капиталистических

¹ London and Cambridge Economic Service, January 23, 1935.

² The Review of Economic Statistics, N 2, 1935, p. 38.

странах. Достаточно указать, что индекс английского машиностроения (включая судостроение) поднялся в 1934 г. почти до кризисного уровня. В то время как в США, Германии, Франции, Италии и т. д. (за исключением Японии) он значительно ниже уровня перед кризисом. Индекс новых заказов на станки в США равен в 1934 г. 35,3; индекс среднечасового сбыта машин в Германии — 63,6; индекс машиностроения (включая судостроение) во Франции — 71,7 и т. д. против английского индекса машиностроения в 99,1.

Относительно более благоприятную картину выявляет для Англии также сравнительный анализ данных о строительстве в капиталистических странах. Вот соответствующая таблица (1928 г.=100) ¹:

Индекс строительства в капиталистических странах.

А — жилищное, В — прочее строительство.

Г о д ы	Германия		США		Англия		Франция
	А	В	А	В	А	В	А+В
1929	128,7	97,3	68,2	100,9	110,3	105,6	126,8
1930	99,8	73,7	40,5	68,5	116,6	102,6	141,2
1931	45,9	36,5	33,5	43,3	100,9	82,5	128,9
1932	31,4	20,4	13,0	20,5	116,9	70,9	103,1
1933	37,2	22,3	12,8	18,2	155,3	78,5	93,8
1934	50,8		11,3	22,1	173,4	95,1	84,5

В Англии в 1934 г. индекс жилищного строительства значительно превышает уровень предкризисный. Индекс других видов строительной деятельности, включающей также промышленное строительство, достиг в Англии почти уровня 1928 г. Во Франции общий индекс строительства продолжает сокращаться, но все же находится выше индекса строительства в США и Германии. В последних двух странах несмотря на организацию общественных работ и государственное финансирование, индекс строительной деятельности находится на очень низком уровне. Особенно плохи строительные дела в США. Колоссальный рост военно-стратегического строительства в Германии, демагогическое субсидирование мелкой буржуазии для перестройки больших квартир и т. д. привели к тому, что индекс строительства поднялся в 1934 г., однако еще не достиг значительного уровня. Из крупнейших капиталистических стран впереди в области строительства идет Англия. Из сказанного явствует, что страны с «государственной конъюнктурой», как например Германия, где правительственное финансирование старается заменить собою резко ослабевшую частнопредпринимательскую инициативу, не сумели более или менее удовлетворительно для хода конъюнктуры повысить строительную деятельность.

Хуже чем во всех крупных буржуазных странах обновление основного капитала происходит в США. В 1934 г. было произведено в США элементов основного капитала на сумму 5,8 млрд. долл. против 4 млрд. в 1933 г. и 19,6 млрд. в 1929 г.² На очень низком уровне находится в США строительство, особенно частное. В 48 штатах было заключено строительных контрактов в 1934 г. на 241,2 млн. долл., т. е. на 88 млн. меньше, чем в 1933 г. Какое ничтожное значение для американского хозяйства имеют контракты 1934 г., видно из того, что в 1929 г. соответствующая сумма равнялась 2 603,8 млн. долл., т. е. более чем в 10 раз превышала сумму

¹ Bulletin Mensuel de Statistique, Société des Nations, Mars, 1935.² New York Times, Dec. 30, 1934.

1934 г. В 1934 г. значительно увеличилось по сравнению с 1933 г. общественное строительство (штатное, муниципальное, федеральное), однако и оно продолжает отставать от уровня 1929 г. И общая сумма затрат в 1934 г. составляет лишь всего-навсего $\frac{1}{8}$ суммы 1929 г.

На очень низком уровне находится также эмиссия новых капиталов, особенно акционерных обществ. В 1934 г. эмиссия акционерного капитала, определяющего как раз состояние рынка капиталов в США, равнялась всего 178 млн. долл. против 161 млн. в 1933 г. и 8 639 млн. в 1929 г.¹

Мероприятия Рузвельта по финансированию общественных работ, банков и т. д. не способствовали, как этого он ожидал, развязыванию частной инициативы на рынке капиталов. Исклчительно неблагоприятно обстоит дело с эмиссией новых капиталов для промышленности. В 1934 г. эмиссия промышленных капиталов в США равнялась ничтожной сумме в 26 млн. долл., что означает резкое понижение даже по сравнению с эмиссией 1933 г., равной 112 млн., не говоря уже о 1929 г., когда эмиссия промышленного капитала равнялась 1 897 млн., хотя общая эмиссия капиталов увеличилась за 1934 г. в 2 раза. «В 1934 г. не имело места улучшение на рынке, капиталов, поскольку это касается частнопромышленной деятельности. Стагнация в области частных капитальных инвестиций является исключительно серьезным фактором, потому что именно она определяет собою многое в превалирующей безработице»².

В ничтожных размерах эмиссии промышленного капитала лежит существенный недостаток материальной основы движения промышленного цикла за последние годы. Для срывов конъюнктуры США в течение 1934 г. характерно то, что эмиссия промышленного капитала систематически сокращалась из квартала в квартал, а именно: в I квартале она равнялась 11,7 млн. долл., во II квартале — 8,9 млн. в III квартале — 3,4 млн. и в IV квартале — 2 млн. На такой базе промышленных инвестиций депрессия не может подготовить подъема промышленного производства.

В некоторых странах, как например в США и Германии, правительства пытаются своей инициативой (организация общественных работ, финансирование организаций крупного капитала и т. п.) з а м е н и т ь частно-предпринимательскую инициативу. В тех странах, где, как например в Англии, имеется больше объективных возможностей обновления основного капитала, государственное финансирование оказывает поддержку частнопредпринимательской инициативе. Английское правительство например материально способствует новому судостроению, не говоря об усилении военной промышленности, имевшем место в 1934 г. во всех капиталистических странах, включая и Англию.

Чрезвычайно характерным для депрессии особого рода является то обстоятельство, что подавленность частного рынка капиталов протекает в условиях образования свободных капиталов (в частности благодаря амортизации при слабом обновлении основного капитала и т. д.) и сравнительно низкого уровня ссудного процента. Напряженность положения капиталистических стран, неуверенность в завтрашнем дне сковывают инициативу частнокапиталистического предпринимательства.

Государственное финансирование народного хозяйства в капиталистических странах означает по существу оказание материальной помощи крупному капиталу за счет дальнейшего ухудшения положения широких народных масс. Поэтому крупная буржуазия прикрывает это обрабодывание государственной казны флером «восстановления промышленности»,

¹ Бюллетень National City Bank of New York, Febr. 1935.

² The Review of Economic Statistics, N 2, 1935, p. 37.

«организации общественных работ», «Arbeitsbeschaffungsprogramm» и т. д. Среди некоторых кругов буржуазии этот рост государственного вмешательства в экономическую жизнь страны вызвал известное беспокойство по поводу их прибылей. Тем более что было немало демагогических заявлений против финансового капитала. Известна демагогия фашистов, но и Рузвельт немало играл на недовольстве мелкой буржуазии и фермеров против крупного капитала. В США выразителем этих «боязливых» настроений выступил Леонард Эйрс (L. Ayres) в «Cleveland Trust Company Business Letter» от 15 декабря 1934 г. Орган торгово-промышленных кругов «Annalist» вполне резонно успокаивает его. «На самом деле, — отмечает «Annalist», — наиболее опасные предложения NRA (рузвельтской политики восстановления промышленности.—А.), включая установление цен, ограничение производства и другие строгости, исходят из стремлений обеспечить и охранять прибыли, но не разрушать их»¹. Берлинский конъюнктурный институт задается вопросом: «не пришел ли конец системе прибылей?» И он сам же отвечает, что, «несмотря на большие государственные заказы, нельзя сказать, что принцип прибыли исчез и с торгово-промышленного поприща». Наоборот, как раз при господстве фашистов германская крупная буржуазия поправляет свои дела. По подсчетам того же института германская промышленность в целом в 1931 и 1932 гг. дала убыток. В 1933 г. она уже сбалансировала прибыли и потери, а в 1934 г. принесла прибыли на 500 млн. марок². По данным нью-йоркского National City Bank, прибыль 840 компаний увеличилась в 1934 г. до 673 млн. долл. против 471 млн. в 1933 г., т. е. на 43%. 200 промышленных объединений за то же время увеличили свою прибыль с 257,1 до 416,7 млн., т. е. на 62%. Если в I квартале 1933 г. они еще показали убыток, то 1934 г. весь был прибыльным³. В следующей таблице показано движение прибылей ряда предприятий в США со времени наибольшей глубины кризиса⁴:

Чистая прибыль некоторых капиталистических предприятий в США (в млн. долл.)

1932 г. 1933 г. 1934 г.

50 предприятий обрабатывающей промышленности . . .	— 16	+ 214	+ 310
15 » общественного пользования	+ 114	+ 102	+ 102
26 ж.-д. линий	— 40	— 12	— 3

Переход от низшей точки кризиса (в 1932 г.) к депрессии особого рода сопровождается в США значительным повышением прибылей, в то время как положение рабочих не улучшается. Сильно возрастают прибыли в обрабатывающей промышленности, стабилизируется прибыль в коммунальных предприятиях и резко сокращаются убытки на железных дорогах. Это тем более относится к 1934 г. Эрнест Вир, один из руководителей National Steel Corporation, прямо заявил: «1934 г. принес доказательство существенного улучшения в прибылях»⁵. Таково положение дел с прибылями: не только в США и Германии, но и в Англии, Японии, Италии и т. д.

Рост прибылей за последнее время, особенно в 1934 г., означает значительное улучшение атмосферы капиталистического предпринимательства. И тем не менее, если при этом не происходит серьезного массового обновления основного капитала, являющегося материальной основой промышленного цикла, то это свидетельствует о дальнейшем углублении общего кризиса капитализма как системы, в обстановке которого протекает нынеш-

¹ The Annalist, Jan. 11, 1935.

² Wochenbericht, 20. III. 1935.

³ Бюллетень National City Bank of New York, March 1935.

⁴ The Annalist, 25. I 1935.

⁵ New York Times, Jan. 2. 1935.

ная депрессия. В условиях колоссальной недогрузки производственного аппарата, огромной нищеты масс, резкого обострения империалистических противоречий и т. п. предпринимательская инициатива на рынке новых капиталов сильно приглушается.

В настоящее время во всех капиталистических странах, несмотря на бешеную подготовку к войне, имеется огромный излишек производственного аппарата. Использование производственной мощности капиталистической промышленности в 1934 г. равняется в Польше 53%, в Бельгии — 56, в США — 58, в Канаде — 58, в Чехословакии — 59, в Австрии — 61, во Франции — 62, в Италии — 68, в Германии — 73, в Венгрии — 81 и в Англии — 88%¹.

Маркс и Энгельс указывали, что буржуазия прокладывает себе выход из кризиса к новому подъему промышленности путем более широкой эксплоатации старых рынков и завоевания новых рынков наряду с массовым уничтожением производительных сил². С последней задачей буржуазия в мировом экономическом кризисе справилась блестяще. В условиях же огромной хронической безработицы и роста обнищания трудового крестьянства, мелкой буржуазии города и интеллигенции, а также колониальных и угнетенных народов более широкая эксплоатация старых рынков уже встречается с исключительными трудностями. Завоевание же новых рынков в настоящее время упирается в давным-давно законченный раздел мира; стоит вопрос о новом вооруженном переделе мира. Крайний национализм в экономической политике буржуазных стран суживает объем внешнеторговых связей. Все это давит на капиталистическое предпринимательство и сдерживает массовое обновление основного капитала.

Рост капиталистического производства не сопровождается существенным сокращением безработицы, и уменьшение безработицы не соответствует росту производства благодаря исключительному нажиму на интенсивность труда. Даже по буржуазным подсчетам ныне насчитывается свыше 20 млн. безработных³. В Польше, по данным биржи труда, в 1934 г. насчитывалось 16,3% безработных, что выше процента безработных любого из предыдущих лет. В начале 1935 г. процент этот поднялся до 23,2. Во Франции, в Бельгии и Голландии безработица в 1934 г. также была наиболее высокой за годы кризиса. В Германии число официально зарегистрированных безработных в начале 1935 г. равнялось 2 973 тыс., а нерегистрируемая безработица превышала 3 млн. чел. Около же 600 тыс. было занято по различным видам принудительного труда. В Англии безработица в 1934 г. была выше уровня 1930 г. (хотя производство повысилось почти до предкризисного уровня) и равнялась 16,8%. В США среднемесячный процент безработных среди членов профсоюзов в 1934 г. равнялся 26. В отдельных же отраслях американской промышленности, как например в строительной, безработица и в 1934 г. не опускалась ниже 55%⁴. Некоторое уменьшение общего числа безработных в капиталистических странах в 1933—1934 гг. не принесло с собой улучшения положения рабочего класса. Длющаяся годами безработица, сжатие или даже полная ликвидация социального страхования, понижение коммунальных расходов на просвещение и здравоохранение, неимоверный рост интенсивности труда, вздорожание жизни и т. д. усилили процесс абсолютного обнищания рабочего класса и конечно значительно перекрыли действие некоторого ничтожного уменьшения безработицы.

¹ Wochenbericht, 3, 1935. В Германии часы фактической работы в процентах к полной часовой нагрузке предприятий на одну смену составляли в 1934 г. 53,7% IV.

² Коммунистический манифест, изд. 1923 г. стр. 70

³ Neue, Freie Presse, I, Jan. 1935. Общее число безработных вероятно превышает 25 млн.

⁴ American Federationist, March 1935, p. 310.

Ухудшилось также положение трудового крестьянства благодаря продолжающейся деградации сельского хозяйства. Неурожай в 1934 г. и «плановое» сокращение посевов в капиталистических странах, способствуя росту цен на с.-х. продукты, не привели к ожидавшемуся улучшению положения сельского хозяйства, хотя можно одновременно констатировать известное улучшение на мировом рынке для некоторых видов промышленного сырья с.-х. происхождения. Меньше всего улучшение коснулось хозяйств средних и мелких крестьян. Для мелких крестьян повышение цен непосредственно создает ухудшение их материального положения, потому что они обычно вынуждены бывают покупать с.-х. продукты. Средние крестьяне благодаря падению урожая не имеют товарных излишков и еле-еле сводят концы с концами. В аграрных же странах (Венгрия и пр.) положение сельского хозяйства еще более ухудшилось в 1934 г.

Ухудшилась также мировая торговля в 1934 г. Среднемесячный индекс (1929 г. = 100) сократился в 1934 г. по мировому импорту до 33,6 и экспорту до 34 против 35 и 35,3 в 1933 г. За этот год мировая торговля сократилась в золотых долларах на 7,2%. По странам наибольшее сокращение внешней торговли показывают Франция (10,7%) и Китай (9,8%). Внешняя торговля США сократилась на 6,7%, Германии — на 4,8, Италии — на 6,5, стран золотого блока — на 6,3, Аргентины и Бразилии — на 3,1%. Увеличилась торговля Японии на 2,8% и стран Дунайского бассейна на 4,7%¹. Сокращение мировой торговли, являясь результатом крайнего усиления национализма в экономической политике, создает нарастающие противоречия капитализма и обостряет неравномерность движения депрессии особого рода (потухание роста и срывы в Англии и т. д.). Продолжающаяся растрясотка финансовой и кредитной системы мира в свою очередь ухудшает экономическое положение стран прежде всего по линии внешней торговли и международного движения капиталов.

Одним из решающих факторов усиления неравномерности движения нынешней депрессии и в частности незначительного обновления основного капитала является обострение политического положения капиталистического мира. Рост военных приготовлений капиталистических стран и особенно Германии и Японии оказал на мировую экономику двойственное влияние. С одной стороны, конечно это привело к росту производства и некоторому уменьшению числа безработных². Особенно возросло за 1934 г. производство черной и цветной металлургии, авто- и авио-промышленности, химической промышленности и т. п. Но, с другой стороны, ожидание войны вносит неуверенность в завтрашнем дне, сдерживая новые капитальные инвестиции. А это обесиливает материальную основу движения промышленного цикла.

Мы видим, что современная обстановка общего кризиса капитализма определяет собою особенности депрессии особого рода, депрессии, «которая не ведет к новому подъему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка»³. Общий кризис капитализма, не исключая внутреннего для капиталистического производства механизма выхода из экономического кризиса, однако создал ряд условий, благодаря которым развитие промышленного цикла не протекает обычным порядком, как в прежние времена, и депрессия особого рода не ведет к новому подъему.

¹ The Annalist, Jan. 18, 1935.

² По данным «Neue Freie Presse» от 1. Jan. 1935 две трети вовлеченных за последние годы в производство новых рабочих пошли в отрасли, обслуживающие войну.

³ С т а л и н. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, 1935, стр. 543.

Италия за период экономического кризиса и депрессии особого рода

Особенности экономического кризиса Италии

Как и в большинстве капиталистических стран, экономический кризис в Италии разразился в 1929 г.

Чтобы определить его глубину, необходимо прежде всего подчеркнуть, что падение производства в Италии началось с относительно высокого уровня. По выплавке чугуна 1929 г. превышает 1913 г. на 75%, по стали — на 133,3%, по потреблению (в 1928 г.) основных видов топлива (в переводе на условное топливо, без дров) — на 64,2%, по промышленному потреблению хлопка — на 36,6% и т. д. По степени превышения уровня производства по сравнению с 1913 г., Италия занимает одно из первых мест в мире, а по некоторым отраслям промышленности она в этом отношении стоит выше США, что обусловлено быстрыми темпами промышленного развития Италии.

Казалось бы, что отсюда должна последовать особенная глубина падения промышленного производства в Италии. Однако анализ соответствующих показателей этого не подтверждает. Рассмотрим прежде всего следующую сравнительную таблицу, показывающую процент сокращения продукции основных отраслей промышленности Италии по сравнению с другими странами в момент наибольшей глубины кризиса (1932 г.) по сравнению с 1929 г.

Страны	Вся пром- продукция	Чугун	Сталь	Прокат	Машино- строение	Текстиль	Искусствен- ный шелк	Пром. потреб- ление хлопка	Производ- ство электро- энергии
Весь мир	-35,5	-64,4	-60,6	—	—	—	+ 12,2	-12,3	—
США	-45,8	-79,4	-76,3	-74,5	-86,8 ¹	-37,9	+ 10,5	-31,1	-14,7
Германия	-40,6	-70,3	-64,4	-62,7	-61,9	-13,4	+ 1,0	-13,5	+19,6
Англия	-17,0	-31,1	-45,4	-42,4	-26,8	-13,6	+ 27,4	-14,8	-26,7
Франция	-30,9	-46,6	-42,3	-38,5	-38,9	-34,8	+ 2,5	-27,3	-5,6
Польша	-46,0	-71,8	-59,1	-58,0	-56,2	-37,0	+ 8,1	-22,7	—
Япония	+ 6,4	+ 0,06	+ 2,4	—	—	+ 6,1	+144,2	+ 0,1	—
Италия	-33,2	-35,1	-32,1	-31,5	-32,1	-34,33	- 0,8	-23,9	+ 5,2

Приведенными данными вполне отчетливо выделяются три группы стран, каждая из которых характеризуется одинаковой пораженностью кризисом.

К первой группе стран, наиболее сильно пораженных кризисом,

¹ Нет суммарных данных; первая цифра относится к производству станков, вторая к производству литейного оборудования.

относятся США, Германия, Польша. Снижение продукции в США измеряется в 45,8%, в Германии—40,6% и в Польше—46,0%. Сокращение производства средств производства в этих странах носит катастрофический характер. Снижение выработки чугуна в США — 79,4%, стали — 76,3, проката — 74,5 и продукции машиностроения — 86,8%.

В Германии соответственно сокращение чугуна — 70,3%, стали — 64,4, проката — 62,7 и машиностроения — 61,9%. Примерно так же обстоит дело с снижением выработки средств производства и в Польше.

Сокращение выработки текстильных изделий здесь, как и следовало ожидать, не так велико, как сокращение производства средств производства. Однако и в этой сфере в первой группе стран степень глубины кризиса оказывается наибольшей.

Вторая группа стран — со средней пораженностью кризисом. Это — Франция, Италия и Англия. Степень сокращения промпродукции в этой группе значительно меньше, чем в первой. Значительно меньше под ударами кризиса сокращается в них продукция и по сравнению с сокращением ее во всем капиталистическом мире. Вся промышленная продукция сократилась в Италии на 33,2%, во Франции — на 30,9% и в Англии — на 17,0%. Сокращение производства средств производства дает такую картину: по чугуну: во Франции — 46,6%, в Италии — 32,2, в Англии — 31,1%; по стали: в Англии — 45,4%, во Франции — 42,3, в Италии — 35,1%; по прокату в Англии — 42,4%, во Франции — 38,5 и в Италии — 31,5%; по продукции машиностроения: во Франции — 38,9%, в Италии — 32,1, в Англии — 26,8%. Картина падения промпроизводства в этой группе стран существенно изменяется в отношении предметов потребления. По степени глубины кризиса в этих отраслях промышленности такие страны, как Италия, Франция, США и Польша, стоят в одном ряду.

К третьей группе стран, наименее пораженных кризисом, как видно из таблицы, относится лишь Япония.

Чрезвычайно показательными для кризисной рационализации и хода экономического кризиса в различных странах являются цифры, относящиеся к производству электроэнергии. Вслед за Германией, которая в 1932 г. по сравнению с 1929 г. увеличила выработку электроэнергии на 19,6%, Италия за этот период дает также прирост выработки электроэнергии на 5,2%. Между тем выработка электроэнергии сократилась в Англии на 26,7%, в США — на 14,7, во Франции — на 5,6%.

Из приведенных данных мы можем сделать следующие выводы:

1. Экономический кризис в Италии наиболее сильно ударил по легкой промышленности (только процент сокращения выработки чугуна превышает процент сокращения продукции текстильной промышленности) — соответствующие цифры: 35,1 и 34,3%. Даже в отношении продукции искусственного шелка глубина экономического кризиса в Италии оказывается наибольшей по сравнению с другими странами.

2. Ввиду того что значение легкой промышленности в народном хозяйстве Италии более высоко, чем в таких странах, как США, Германия и т. д., сравнительно меньший процент сокращения выработки средств производства отчасти перекрывается значительным сокращением выработки предметов потребления.

3. Однако названное обстоятельство все же не привело к такому общему падению промышленной продукции Италии, чтобы можно было отнести ее к группе стран, наиболее пораженных кризисом.

Проблема рынка для итальянской промышленности обострилась

больше, чем когда бы то ни было. Внутри страны товарооборот катастрофически снизился в 1932 г., причем темпы его сокращения за все годы кризиса значительно превосходят темпы уменьшения промпродукции. Этот факт находит свое подтверждение в статистике динамики ж.-д. перевозок.

В 1929 г. по государственным железным дорогам Италии было перевезено 66,5 млн. т товарных грузов, в 1930 г. — 60,5, в 1931 г. — 50,3, в 1932 г. — 42,1, в 1933 г. — 39,4, в 1934 г. — 41,8 млн. т.

Несмотря на некоторое оживление производства, начавшееся в 1933 г., ж.-д. перевозки сократились более чем на 2 млн. т. Лишь в 1934 г. мы имеем совершенно незначительное их увеличение, причем все же объем перевозок не достигает уровня 1932 г.

Сравнение темпов падения выработки промпродукции с сокращением грузооборота железных дорог страны показывает, что если в первом случае в 1932 г. по сравнению с 1929 г. мы имеем снижение на 33,2%, то во втором это снижение составляет соответственно 37,4%; однако в 1933 г. грузооборот сокращается на 41% по сравнению с тем же 1929 г.

В результате такого значительного сокращения товарооборота мы имеем систематический, продолжающийся до 1933 г. рост товарных запасов. Так, по данным «Bolletino Mensile di Statistica dell'Istituto Centrale di Statistica» 1931, в главных магазинах страны на конец каждого года имелись следующие запасы важнейших товаров (в тыс. центнеров):

Названия	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Пшеница	2 034	2 479	2 596	3 502
Рис	82	60	109	59
Другие зерновые	214	329	272	580
Хлопок	15	12	25	59
Чугун, железо, сталь	15	20	35	29
Другие металлы	15	17	31	23
Сера	1 001	1 562	1 204	1 721
Машины и инструменты	16	14	13	18

В 1933 г. мы имеем конъюнктурное снижение товарных запасов лишь по рису, чугуну, стали и другим металлам. Однако сокращение этих товарных запасов крайне незначительно и совершенно не меняет общей тенденции к значительному их росту. При этом наиболее ярко эта тенденция выражается в отношении пшеницы и других зерновых культур.

В соответствии с катастрофическим сужением объема товарооборота мы наблюдаем значительное падение цен, происходившее несмотря на монопольные цены и протекционистскую политику фашистского правительства.

Индекс оптовых цен проф. Бакки на готовые промтовары из года в год показывает падение вплоть до 1934 г.:

1913 г.	100,0	1932 г.	396,2
1929 г.	447,3	1933 г.	381,3
1930 г.	437,6	1934 г.	350,8
1931 г.	400,6		

Однако приведенный индекс цен показывает, что в год наибольшего обострения кризиса цены упали всего лишь на 11,5% (по сравнению с 1929 г.). Таким образом в сравнении с индексом падения производства и с сокращением товарооборота темп падения цен оказывается наименьшим. В этом сказывается влияние политики как монополий, так и государства, направленной на поддержание высоких цен и связанной с усилением ограбления трудящихся масс. Однако стихийные законы кризиса не могли быть устранены этой политикой. Монопольные цены и протекционизм лишь затягивали общий стихийный процесс снижения цен и тем самым затрудняли действие обычного механизма кризиса. Поэтому тенденция к падению цен наблюдается вплоть до настоящего времени. Индекс цен в 1934 г. по сравнению с 1929 г. снизился на 21,8%.

Таким образом из анализа общих показателей движения внутреннего рынка в годы кризиса мы можем сделать следующие предварительные выводы:

1. Сокращение внутреннего рынка в Италии, значительно перегнавшее по своим темпам темпы сокращения промпродукции, дошло до своей высшей точки лишь в 1933 г., а в 1934 г. в общем стабилизировалось на этой низшей точке.

2. Цены, падавшие в период кризиса значительно более медленными темпами, чем шло сужение рынка, а тем более, чем сокращалось производство, продолжают падать вплоть до 1934 г. Однако уровень их все же остается очень высоким, так как темп их падения чрезмерно отстает от темпов сужения внутреннего рынка. Это свидетельствует о непрекращающемся действии механизма монопольных цен.

Более значительно по сравнению с внутренним рынком сужается за время кризиса объем внешней торговли Италии. Средний месячный оборот внешней торговли Италии с 1929 по 1932 г. сократился с 3 млрд. лир до 1,25 млрд. лир, т. е. на 58,3%. В последующие годы он продолжает неуклонно сокращаться: в 1933 г. доходит до 1,12 млрд. лир и в 1934 г. до 1,07 млрд. лир.

Динамика внешней торговли Италии за обозреваемый период дает следующую картину (в млн. лир):

Г о д ы	Импорт	Экспорт	Сальдо
1929	21 664,7	15 236,0	— 6 428,7
1930	17 346,6	12 119,1	— 5 227,5
1931	11 643,1	10 209,5	— 1 433,6
1932	8 267,5	6 812,0	— 1 455,5
1933	7 431,8	5 990,5	— 4 441,2
1934	7 664,7	5 231,5	— 2 433,2

Как показывают приведенные данные, падение размера внешней торговли по крайней мере в части экспорта еще не достигло низшей точки. Уменьшение отрицательного сальдо по торговому балансу не может быть признано положительным фактором для страны, так как это сокращение происходит в меру сокращения объема всей внешней торговли. Во всяком случае возможность расширения сбыта товаров внутреннего производства за счет расширения экспорта в данное время становится крайне проблематичной.

Сильнейшее сжатие внешнего рынка Италии прежде всего ударило по ее сельскому хозяйству и по ее легкой промышленности (в частности текстильной), продукты которых в экспортном балансе Италии играют преобладающую роль. Из отраслей тяжелой промышленности свертывание экспорта отразилось более всего на автомобилестроении и морском транспорте.

Однако сжатие внешней торговли Италии, несмотря на значительную роль ее в экономике страны, сыграло в обострении кризиса все же второстепенную роль по сравнению с сжатием внутреннего рынка. Лишь некоторые отрасли сельского хозяйства и прежде всего производство апельсинов, мандаринов и лимонов, в наибольшей степени связанное с экспортом, находятся в большей зависимости от внешнего, чем от внутреннего рынка. Поэтому главной и основной причиной кризиса в Италии является узость ее внутреннего рынка, вытекающая в конечном счете из крайней нищеты масс.

Итак, из анализа цифр, характеризующих динамику внутреннего и внешнего рынка в Италии, мы находим, что в этой сфере экономики страны положение ухудшается вплоть до конца 1934 г. Между тем, начиная с 1933 г., в промышленности Италии происходит некоторое улучшение производства. Общий индекс промышленной продукции повысился в 1934 г. по отношению к 1932 г. с 66,86 до 80,0. Индекс промышленной активности (число проработанных часов) соответственно возрос с 72,36 до 78,1, а индекс занятости увеличился с 75,5 до 83,07.

Очевидно, что эти индексы движения производства резко не совпадают с тенденцией развития рынка и даже прямо противоположны последней. При этом, несмотря на относительно меньшее сокращение объема промпродукции в 1932 г. по сравнению с другими странами, темпы оживления промышленности Италии достаточно интенсивны. Так например индекс промышленной продукции в 1934 г. по сравнению с 1932 г. повысился в США на 22,4%, в Германии — на 40,9, во Франции — на 2,6, в Польше — на 6,6, в Италии же — на 19,1%. Стало быть по темпам оживления промышленности Италия, значительно отставая от Германии, приближается к США, где кризис разразился с наибольшей силой, и стоит неизмеримо выше Франции.

Прежде чем ставить общий вопрос о причинах и корнях этого оживления в Италии, необходимо подвергнуть более конкретному и детальному анализу динамику общих индексов продукции.

Выше мы указали, что кризис в Италии ударил прежде всего по текстильной промышленности. Между тем оживление, начавшееся в 1932 г., почти не коснулось этой отрасли производства. Число проработанных веретеночасов в прядении хлопка за этот срок (1932 — 1934 гг.) возросло лишь на 4,5%, а число проработанных станкочасов в ткачестве хлопка — на 3,7%².

Если же сравнить развитие хлопчатобумажной промышленности за 1934 г. с 1933 г., то получится, что как прядение, так и ткачество в 1934 г. дают значительное снижение своей активности, причем наиболее значительное падение приходится на вторую половину 1934 г. и особенно на период, начиная с осени.

Несколько больший темп оживления по сравнению с годом наи-

² В 1932 г. в прядении хлопка было проработано в среднем в месяц 279,2 тыс. веретеночасов, а в 1934 г. — 191,9 веретеночасов; в ткачестве в 1932 г. было проработано 5,20 тыс. станкочасов, а в 1934 г. — 5,39 тыс. станкочасов.

большого падения производства (1932 г.) дает промышленность натурального шелка, где количество отработанных станкочасов в 1934 г. дает 11,5% прироста по сравнению с 1932 г. Однако все же этот процент сильно отстает от темпов общего оживления итальянской промышленности.

Впрочем и здесь 1934 г. по сравнению с 1933 г. дает значительное сокращение проработанных станкочасов. В 1932 г. здесь было проработано в среднем за месяц 713,8 тыс. станкочасов, в 1933 г. — 823,5 тыс. и в 1934 г. — 806,7 тыс. станкочасов. При этом наиболее резкое падение начинается с лета 1934 г. (июль), и некоторая стабилизация достигается к самому концу 1934 г.

Чрезвычайно слабо оживление и в других отраслях, производящих предметы личного потребления. Производство сахара, сократившееся с 1929 по 1932 г. с 4,0 млн. до 2,89 млн ц (—27,8%), в 1933 г. падает до 2,77 млн. ц, и лишь в 1934 г. производство вследствие большого урожая свеклы увеличивается до 3,13 млн. ц, составив 78,2% производства 1929 г. Однако потребление сахара неуклонно из года в год продолжает резко падать, несколько стабилизировавшись в 1934 г. Так, среднемесячное потребление сахара было в 1929 г. 291,3 тыс. ц, в 1932 г. — 249,8 тыс., в 1933 г. — 240,5 тыс. и в 1934 г. — 241,6 тыс. ц. Если же принять во внимание рост населения Италии за эти годы, то падение душевого потребления станет совершенно явным. Та же картина наблюдается в области потребления и производства пива, табака, светильного газа и пр.

Приведенные данные, характеризующие производство средств потребления, позволяют нам сделать следующий вывод: несмотря на значительные темпы оживления во всей промышленности Италии, наблюдающиеся в 1933 г., все отрасли II подразделения почти не обнаруживают заметных темпов развития. Принимая же во внимание сокращение или стабильность производства, наблюдающееся в этих отраслях в 1934 г. по сравнению с 1933 г., мы можем сказать, что производство предметов массового потребления находится в состоянии резко выраженной застойности и в общем не захвачено оживлением.

Совершенно другую картину мы наблюдаем в тяжелой промышленности.

По сравнению с 1932 г. продукция чугуна возросла на 13,0%, продукция стали — на 29,2, продукция проката — на 26,2%. Причина отставания темпов роста производства чугуна совершенно ясна: вследствие падения цен на лом чрезвычайно возросло как потребление его внутренних ресурсов, так и его импорт. Поэтому зависимость мартеновских цехов металлургических предприятий от продукции доменных цехов значительно уменьшилась и производство стали и проката естественно обгоняет производство чугуна.

Правда, эти же приведенные нами данные позволяют нам в отношении металлургии сделать и второй вывод: темпы ее оживления, начиная с конца 1934 г., показывают резко выраженную потухающую кривую. В отношении же проката можно даже сказать, что объем его производства в 1934 г. почти стабилизировался на уровне 1933 г., чугун же даже дает снижение производства и лишь сталь дает рост, однако в уменьшенных по сравнению с прошлогодними темпах.

Кривая развития производства электроэнергии Италии не вполне совпадает с кривыми развития других отраслей промышленности. Ее продукция изменилась следующим образом (в млн. киловатт-часов):

1929 г.	9,5	1932 г.	10,0
1930 г.	10,0	1933 г.	11,0
1931 г.	9,9	1934 г.	12,3

Снижение выработки электроэнергии, как показывает таблица, произошло лишь в 1931 г., с тем чтобы в 1932 г. достигнуть вновь уровня 1930 г., а в 1933 г. превысить этот уровень на 10,0%.

В 1934 г. мы имеем годовой прирост продукции электроэнергии, равный приросту 1933 г. Поэтому в 1934 г. продукция электроэнергии превысила уровень 1930 г. на 21%.

Своеобразие кривой по этой отрасли промышленности определяется тем решающим фактом, что ее развитие органически связано с развитием наиболее электроемких отраслей промышленности, наиболее связанных с удовлетворением военных потребностей.

Но можно ли сказать, что развитие машиностроения, являющегося основным потребителем металла, соответствует в какой-нибудь степени развитию металлургии и других отраслей тяжелой промышленности? Факты дают отрицательный ответ на этот вопрос.

Достигнув наибольшей точки падения в 1932 г. (—32,1%), машиностроение Италии дает прирост в 1933 г. (по сравнению с предыдущим годом) всего на 0,9% и в 1934 г. на 3,3% по сравнению с 1933 г. Таким образом за два года оживления продукция машиностроения дает прирост всего лишь на 4,2%. Это значит, что по темпам оживления машиностроение стоит ниже отраслей, производящих предметы потребления.

Очевидно, что оживление таких отраслей, как металлургия и производство электроэнергии, оказывается почти не связанным с динамикой машиностроения. Это значит, что названные отрасли промышленности в своем развитии не опираются на техническую реконструкцию основного капитала народного хозяйства страны.

Вторым наиболее крупным потребителем продуктов металлургии, энергетики и других отраслей тяжелой промышленности является ж.-д. транспорт. Между тем ж.-д. строительство, начиная с 1929 г. и по 1934 г., почти отсутствовало. Общая протяженность железных дорог страны с 1930 к 1934 г. дает прирост лишь в несколько сот километров, которые падают преимущественно на подъездные пути. После 1932 г. ж.-д. строительство почти прекращается. Таким образом и в этой сфере народного хозяйства тяжелой промышленности не находит рынка сбыта и базы для своего оживления. Не дает заметного стимула для развития тяжелой промышленности также и торговое судостроение. Правда, за последние годы здесь все же наблюдаются частичные сдвиги в сторону оживления, что показывает следующая таблица:

Судостроение на национальных верфях Италии

Г о д ы	Суда, находящиеся в постройках, в тысячах брутто тонн	Суда, спущенные на воду, в тысячах брутто тонн
1929	45,9	71,8
1930	135,1	96,3
1931	40,9	167,2
1932	54,9	49,9
1933	2,5	18,8
1934	47,8	27,4

⁸ За неимением статистических данных за декабрь 1934 г. мы взяли продукцию ноября 2 раза.

Судорогообразные скачки вверх и вниз, которые обнаруживают обе графы вышеприведенной таблицы, затрудняют вскрытие основной тенденции развития, так как они связаны со спецификой данной отрасли производства (нерегулярность производства). Тем не менее даже сквозь эти колебания проступает картина, характеризующаяся 1) значительным сокращением объема судостроения за годы кризиса и 2) заметным его оживлением в 1934 г., которое ставит эту отрасль на уровень примерно 1931 г.

Однако, если принять во внимание, что объем судостроения в 1931 г. был меньше объема 1932 г. и что с 1931 г. (исключая 1933 г.) тоннаж судов, находящихся в постройке, остается на одном и том же уровне, тогда как за это время как раз и происходили указанные нами сдвиги в металлургии и энергетике, то можно сделать вывод, что судостроение за эти годы не расширило свой спрос на стройматериалы и оборудование и что оно не могло служить стимулом оживления связанных с ним отраслей промышленности.

Казалось бы, что если машиностроение, ж.-д. строительство почти стабилизировались на крайне низком кризисном уровне, то это значит, что и все промышленное строительство в период оживления не могло сколько-нибудь заметно развиваться. Между тем индекс строительства и динамика такой отрасли промышленности, как цемент, показывают значительный и даже очень высокий прирост. Так например индекс строительной промышленности поднялся с 78,93 в 1932 г. (1928=100) до 93,40 в 1933 г. и до 136,58 в 1934 г. Это значит, что производство строительной промышленности дает за период с 1932 по 1934 г. увеличение на 56,65%. Это самый высокий процент прироста по сравнению со всеми отраслями промышленности. Продукция цемента уже к 1933 г. перевалила за уровень 1929 г., а в 1934 г. она достигла 40,8 млн. ц против 34,9 млн. ц в 1929 г. Столь высокий темп развития строительной промышленности отчасти объясняется заметным ростом жилищного строительства, оживление которого началось с 1933 г.

Однако развитие жилищного строительства все же не может нам дать объяснения причин столь значительного роста строительной промышленности. В самом деле, индекс стройпромышленности в 1934 г. превысил уровень 1930 г. примерно на 6% и не достиг уровня 1929 г. всего лишь на 3%. Продукция цемента, как было указано выше, далеко превосходила уровень 1929 г. Между тем жилищное строительство в 1934 г. еле достигает уровня 1930 г., который к тому же оказывается сниженным по сравнению с 1929 г. Следовательно строительная промышленность, как и металлургия, в своей динамике резко расходится с общим развитием всей промышленности страны.

Обратимся однако к анализу некоторых других показателей.

Характерно, что производство алюминия за все годы кризиса не только не давало падения, но показывало систематический рост из года в год. То же наблюдается и в отношении свинца. С некоторыми модификациями эта же тенденция проступает и в кривой производства цинка.

Выработка алюминия к 1934 г. увеличилась на 83% по сравнению с 1929 г., выработка цинка — на 46,0 и свинца — на 87%.

Эти отрасли промышленности не только не испытывали кри-

⁴ Здесь данные за декабрь отсутствуют и даны удвоенные данные за ноябрь.

зиса, но во все годы, начиная с 1929, обнаруживают значительный подъем. Почти не затронутой кризисом оказалась и промышленность искусственного шелка. Ее производство в 1929 г. было равно 32,3 млн. кг, в 1930 г. оно снизилось до 30,1 млн. кг, а в 1931 г. мы имеем здесь снова расширение до 34,5 млн. кг. В 1932 г. продукция падает до 32,0 млн. кг, с тем чтобы в 1933 г. подняться до 37,1 млн., а в 1934 г.—до 48,8 млн. кг. Таким образом 1934 г. дает более чем 50% прироста по сравнению с 1929 г.

Итак, анализ роста промышленного производства, начавшегося с 1933 г., показывает: 1) что промышленность, изготовляющая предметы личного потребления, почти не испытывала улучшения; 2) что в области промышленного строительства, машиностроения и судостроения улучшение оказывается настолько незначительным, что оно едва способно покрыть накопившиеся за все годы кризиса потребности в текущем ремонте и потребности, связанные с поддержанием в относительно нормальных условиях наличного созданного в докризисные годы основного капитала промышленности; 3) что улучшение, строго говоря, ограничивается рамками небольшого числа отраслей: а) металлургии, б) производства электроэнергии, в) искусственного шелка и некоторых отраслей химии, г) цветных металлов.

Этот же анализ нас приводит к естественному ответу на вопрос: где же источник этого улучшения?

Мы теперь можем вполне обоснованно сказать, что оно решающим образом определяется военными потребностями итальянского империализма.

Вместе с тем это выяснение корней оживления промышленности дает нам ответ и на поставленный нами общий вопрос: отчего Италия в отношении степени пораженности кризисом попадает в группу стран средне пораженных кризисом, несмотря на то, что она в противоположность Англии вступила в кризис, имея довольно высокий уровень производств по сравнению с 1913 г.?

Это явление объясняется также не чем иным, как наличием значительных военных заказов и госстроительством, связанным с подготовкой к войне.

Напомним, что в противоположность ряду других важнейших стран кризис поразил в Италии сильнее легкую промышленность, чем тяжелую. Отрасли же, непосредственно связанные с подготовкой к войне, фактически не были поражены кризисом.

Это своеобразие движения экономического кризиса и депрессии особого рода в Италии естественно вызывает особенное обострение в ней всех факторов, связанных с наличием общего кризиса капиталистической системы. Эти факторы следующие: 1) резкое обострение обнищания трудящихся и прежде всего пролетарских масс страны, 2) усиление аграрного кризиса, 3) бесперспективность отраслей, изготовляющих предметы массового потребления, 4) сужение основы для дальнейшего развития тяжелой промышленности.

Эти моменты, характеризующие обострение общего кризиса капиталистической системы, одновременно представляют собой те своеобразные черты современной депрессии, которыми последняя характеризуется как депрессия особого рода, т. е. как депрессия, развивающаяся в условиях общего кризиса капиталистической системы на данном историческом отрезке времени.

Положение трудящихся масс

Естественно, что переход от наибольшей глубины кризиса к депрессии капитализм всегда осуществляет за счет трудящихся масс. Финансирование промышленности никогда не происходило путем простого, гармонического перераспределения ранее накопленных ценностей из сферы ссудного капитала (банков) в сферу промышленности. Такие толкования проблемы накопления в условиях перехода от кризиса к депрессии могут укладываться в представлении лишь таких откровенных апологетов капитализма, как Туган-Барановский, Кассель, Каймс и другие. Очевидно также, что накопление в этой фазе цикла никогда не базировалось и не может базироваться на простом увеличении денежного обращения со стороны государства. Это объяснение вопроса может удовлетворить лишь таких присяжных защитников и эпигонов буржуазии, как Вагеман, Тан и те же Каймс и Кассель, которые всю проблему пытаются вывести из своей апологетической количественной теории денег.

Маркс, Ленин и Сталин всегда подчеркивали, что основным источником накопления, питающего момент перехода от особо острого кризиса к депрессии, является усиление эксплуатации трудящихся масс, прежде всего пролетариата.

Наиболее характерными моментами этого увеличения эксплуатации трудящихся масс являются: 1) чаще всего экспроприация зарплаты рабочих и доходов трудящихся масс через налоги, искусственное вздутие цен и пр.; 2) повышение производственной эксплуатации пролетариата, вызванное кризисной рационализацией, т. е. ростом интенсивности труда и концентрацией производства на предприятиях с более передовой техникой, более высокой интенсивностью труда и нормой эксплуатации. В результате действия такого механизма накопления в момент перехода кризиса в депрессию неизбежно происходит обострение классовых противоречий и классовой борьбы.

Однако усиление производственной эксплуатации пролетариата в этот момент происходит на базе крайне сократившейся в результате уменьшения числа занятых масс прибавочной стоимости.

Но в обычных кризисах это сокращение массы прибавочной стоимости несколько сглаживается тем, что сокращение числа занятых было сравнительно небольшим. Другое дело при современном экономическом кризисе, когда сокращение числа занятых и рост безработицы происходит в размерах, совершенно неслыханных за все время существования капитализма.

Цифр, относящихся к числу занятых рабочих во всей промышленности, статистика не дает, но можно с уверенностью сказать, если исходить из числа занятых в 2,5 млн. человек, что число безработных даже превышает 30—40% этого количества.

Для подкрепления однако необходимо эти данные дополнить данными о скрытой безработице. В хлопчатобумажной промышленности процент рабочих, работающих сокращенное время, равнялся в 1931 г. 34,5 от общего числа занятых, в 1932 г. — 31,8%. В шерстяной промышленности процент рабочих, работающих сокращенное время, в 1932 г. составлял 33,5. В льняной и конопляной промышленности этот процент в 1932 г. был равен 45,5.

Иначе говоря, в текстильной промышленности Италии процент частичных безработных в круглых цифрах измеряется в среднем в 30—35 общего числа работающих.

Нет оснований предполагать, что в других отраслях промышленности картина резко отличается от положения в текстильной промышленности.

Если к этим частичным безработным, численность которых выявить чрезвычайно трудно, добавить число открытых промышленных безработных, то найдем, что наше предположение о том, что 30—40% итальянского пролетариата находится в состоянии безработицы, весьма близко к истине. В самом деле, если принять во внимание, что в 1934 г. большинство предприятий перешло на 40-часовую неделю с соответствующим сокращением зарплаты, то окажется, что процент частичных безработных в том году, несмотря на некоторое оживление промышленности, не мог упасть. Поэтому мы имеем полное право исходить из допущения, что число частичных безработных и сейчас равно примерно 30% занятых. Таким образом, при предположении, что общая численность занятых рабочих равна 2½ млн. и что доля частичных безработных равна 30% ко всем занятым, число частичных безработных к 1934 г. достигнет примерно 700 тыс. человек. Открытая же промышленная безработица в 1934 г. по сравнению с 1929 г. более чем утроилась.

Средние месячные данные о промышленной безработице

1929 г.	193 586	1932 г.	732 023
1930 г.	296 836	1933 г.	693 134
1931 г.	522 186	1934 г.	665 750

Иначе говоря, на одного официально зарегистрированного безработного приходится 1 частичный безработный. Правда, открытая промышленная безработица в 1934 г. по сравнению с 1932 г. несколько сократилась (7,6%).

Однако это сокращение открытой безработицы отчасти компенсируется переходом предприятий на 40-часовую неделю, т. е. ростом скрытой безработицы. Поэтому мы вполне можем исходить из общих цифры полных и частичных безработных в 1 300—1 400 тыс. человек. Это значит, что в результате экономического кризиса примерно 1,3—1,4 млн. промышленных рабочих, т. е. примерно 40% промышленного пролетариата, либо сократили свою зарплату до самого низкого предела, либо оказываются на положении пауперов.

Однако нищета и полностью занятых рабочих сильно возросла в результате кризиса.

Зарплата этих рабочих значительно снизилась, о чем свидетельствуют следующие данные («Bolletino Mensile di Statistica dell'Istituto Centrale di Statistica») за январь 1935 г. о движении средней почасовой оплаты промышленных рабочих (в лирах):

1929 г.	1,50	1932 г.	1,18
1930 г.	1,47	1933 г.	1,16
1931 г.	1,30	1934 г.	1,13

Итак, за период с 1929 г. по 1934 г. номинальная почасовая зарплата сократилась на 24,7%. Поскольку же в последнее время большинство рабочих перешло на 40-часовую рабочую неделю, соответственно поденная зарплата по сравнению с 1929 г. должна была пасть еще больше. Если в 1929 г. в среднем каждый рабочий работал 48 часов, а в 1934 г. — 40 часов, то недельная зарплата должна соот-

ветственно сократиться по сравнению с 1929 г. с 72 лир до 45,2 лиры, т. е. на 37,2%.

Индекс стоимости жизни в 1934 г. по сравнению с 1929 г. упал на 25%. Поэтому к указанной выше номинальной зарплате мы должны присчитать еще 25%-прибавку на падение индекса стоимости жизни. Эта поправка выражается в 11,3 лиры. Таким образом недельная зарплата 1934 г. должна быть равна 56,5 лиры. В таком случае реальное падение зарплаты по сравнению с 1929 г. равно 21,5%.

Таким образом на основании исключительно фашистских данных реальное падение средней недельной зарплаты промышленных рабочих за годы кризиса достигает почти 21,5%.

Наряду со снижением зарплаты происходило увеличение нормы эксплуатации, обусловленное кризисной рационализацией (рост производительности и интенсивности труда). Дать цифровое выражение этого факта не представляется возможным за отсутствием прямых статистических данных. Однако и косвенные показатели могут, хотя и приблизительно, дать понятие об этом процессе. На основании официальной статистики, например в производстве металлургии, число занятых и выработка на одного рабочего представляются в следующем виде (среднемесячные данные):

Г о д ы	Продукция в тысячах тонн	Число занятых в тыс. человек	Продукция на 1 рабочего
1929	397,2	36,8	10,7
1932	259,3	28,7	9,3
1934	324,7	31,0	10,5

На основе этих данных можно было бы сделать вывод, что производительность труда в 1934 г., значительно повысившаяся по сравнению с 1932 г., все же стоит ниже уровня производительности 1929 г.

Приведенная таблица составлена без учета сокращения рабочих часов, затраченных каждым рабочим. Поэтому уменьшение выработки на одного рабочего (в данном случае на 7,4%) перекрывается ростом производительности и интенсивности труда, связанной с этим сокращением. Разница между этими двумя процентами (32,6%) и должна дать фактическое увеличение производительности труда в черной металлургии.

Едва ли будет преувеличением предположение, что и в других отраслях промышленности, может быть с некоторыми модификациями, производительность и интенсивность труда также сильно повысились. И это вполне естественно. Период кризиса (и в особенности 1934 г.) характеризуется гигантской концентрацией производства. Это значит, что сократившаяся по сравнению с 1929 г. выработка продукции была сконцентрирована главным образом на наиболее крупных, технически передовых предприятиях, где уровень производительности труда стоит сравнительно очень высоко. Кроме того огромный рост неуверенности в завтрашнем дне занятых рабочих вынуждал их к чрезвычайной, граничащей с прямым разрушением организма работой, интенсивности труда. В совокупности оба фактора не могли не привести к повышению выработки на одного рабочего. В

отношении 1932 г. вопрос стоит особо. Вследствие огромного роста недогрузки производственного аппарата и невозможности такого сокращения вспомогательных рабочих, которое соответствовало бы степени этой недогрузки, рост производительности и интенсивности труда основных рабочих здесь тонет в средних цифрах выработки на одного рабочего. С наступлением же перехода от кризиса к депрессии названная повышенная норма эксплуатации рабочего проступает наружу.

Таким образом кризисное накопление имеет своим источником увеличение нормы эксплуатации без изменения технической базы всей промышленности.

Но ограбление и связанное с этим кризисное накопление естественно не ограничиваются лишь промышленным пролетариатом. Огромное давление было оказано и на с.-х. пролетариат. Безработица среди с.-х. рабочих достигает огромных размеров, о которых официальная статистика не может дать даже приблизительного представления.

О размерах ограбления с.-х. пролетариата достаточно говорит движение зарплат батраков.

МАИ приводит следующие данные по этому вопросу:

Зарплата батраков (в лирах за рабочий час)

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	% падения 1934 г. к 1930 г.
Мужчины						
Максимум	1,69	1,41	1,33	1,28	1,24	— 26,7
Минимум	1,19	1,09	1,03	1,01	0,98	— 17,7
Женщины						
Максимум	0,95	0,87	0,79	0,77	0,77	— 22,5
Минимум	0,60	0,62	0,57	0,58	0,54	— 10,0

Из этой таблицы следуют два вывода:

1. Здесь явственно проступает тенденция к нивелировке зарплат и к снятию границ между «максимумом» и «минимумом».

2. За годы кризиса каждый мужчина, с.-х. рабочий, отдавал из своей часовой зарплаты от 18 до 27% в «фонд» накопления капитала, а каждая женщина — от 10 до 22%.

Аграрный кризис и положение трудящихся деревни

Кризисное накопление одновременно базируется и на значительном перераспределении ценности между сельским хозяйством и промышленностью в пользу последней. Если в 1933 г. промышленность Италии переживает некоторое улучшение, то этого никак нельзя сказать о сельском хозяйстве.

Итоги 1934 сельскохозяйственного года показывают, что посевные площади по всем культурам в общем сократились и лишь отча-

сти стабилизировались на уровне прежних лет. Так же сокращается и продукция почти по всем с.-х. культурам. Но еще сильнее падают цены на с.-х. продукты. Поэтому ценность всей с.-х. продукции подверглась значительному сокращению, что видно из следующей таблицы.

Стоимость промышленной и сельскохозяйственной продукции (в млн. лир)⁵

Г о д ы	В бумажных лирах		В золотых лирах		Отношение стоимости с.х. продукции к стоимости промышленной продукции в %
	промышленная продукция	с.-х. продукция	промышленная продукция	с.-х. продукция	
1914	13 000	7 000	13 000	7 000	54,7
1926	60 000	40 000	12 080	8 088	66
1931	55 000	25 000	14 021	6 739	47
1933	52 900	21 000	14 264	5 933	40
1934	56 440	19 000	15 000	5 053	33

Процент с.-х. продукции в отношении промышленной продукции, несмотря на резкое кризисное сокращение последней, резко падает. С 66 в 1926 г. и 47 в 1931 г. он доходит до 33 в 1934 г. Между тем натуральный сбор с.-х. культур возрастал до 1934 г.

Ценностное сокращение с.-х. продукции наиболее отчетливо выражает углубление аграрного кризиса в Италии. Цифры, относящиеся к отдельным культурам, еще яснее иллюстрируют это положение. Так например в 1929 г. во всей Италии было собрано 70,7 млн. ц пшеницы, в 1933 г.—81,0 млн. (+ 14,5%). Между тем денежная выручка за проданную пшеницу за это время упала с 9,5 млн. до 8,1 млн. лир (— 14,8%).

С 1929 по 1934 г. продукция пшеницы упала на 10,5%, в то время как ее ценность снизилась на 37,3%. Стало быть сельское хозяйство только на падении цен пшеницы потеряло в 1934 г. 27,3% стоимости продукции 1929 г., т. е. около 2,6 млрд. лир. Продукция кукурузы в 1934 г. увеличилась за тот же период на 26,1%, тогда как ее ценность уменьшилась на 29,2%. Таким образом на падении ценности кукурузы сельское хозяйство потеряло 55,3% ценности продукции кукурузы 1929 г., или 1,32 млрд. лир. Продукция риса соответственно сократилась на 9,0% и ее стоимость — на 52,9%; следовательно сельское хозяйство потеряло 40,9% стоимости продукции риса 1929 г., или 0,3 млрд. лир. Наконец, на падении стоимости вина сельское хозяйство потеряло 46,5% стоимости его продукции в 1929 г., или 1,8 млрд. лир. Принимая во внимание дальнейшее падение цен на вино, мы скорее преуменьшим, а не преувеличим полученные результаты, если перенесем потери 1933 г. на 1934 г.

Таким образом всего только в 1934 г. и только на перечисленных продуктах сельское хозяйство Италии потеряло на падении цен

⁵ Стоимость в золоте нами вычислена на основании официального курса лиры, а стоимость промпродукции за 1933 и 1934 гг.— в бумажных лирах (официальных данных о которой не имеется) на основании официального индекса промпродукции.

6 млрд. лир. Большую долю из этой суммы урвал себе финансовый капитал, использовавший ножницы между с.-х. и промышленными ценами. Приведенные данные свидетельствуют, что аграрный кризис в Италии в 1934 г. чрезвычайно подорвал основу итальянского сельского хозяйства. Очевидно, что при общей ценности с.-х. продукции в 1934 г. примерно в 19 млрд. лир потеря на падении цен в 6 млрд. должна лишать сельское хозяйство всякой возможности осуществлять даже простое воспроизводство. Это далее означает, что аграрный протекционизм не оказал всему сельскому хозяйству в целом существенной помощи и не предотвратил углубление аграрного кризиса. Этот аграрный протекционизм не устранил, а лишь сузил ножницы цен на с.-х. и промышленные товары и тем самым избавил помещиков и аграриев от чрезмерного перераспределения с.-х. ценностей в пользу промышленности.

Если до кризиса удалось держать уровень с.-х. цен выше цен промышленных, то за период кризиса положение существенно меняется. Теперь уровень с.-х. цен оказывается значительно ниже промышленных.

Проиллюстрируем это следующими данными («Bolletino Statistico Mensile», янв. 1935 г.).

Индекс цен на промышленные и с.-х. товары
(1910 г. = 100)

	С.-х. продукты	Пром. товары
1931	343,22	349,69
1932	339,63	362,63
1933	280,75	335,39
1934	297,88	327,20

Уровень промышленных цен оказался более высоким, чем уровень с.-х. цен.

Одновременно с резким сокращением ценности с.-х. продукции происходит резкое уменьшение кредитования сельского хозяйства. Бюджет министерства земледелия в 1934 г. был меньше, чем в 1933 г., а на 1935 г. запроектирован бюджет значительно меньший, чем в 1934 г. Наряду с этим сокращается и с.-х. кредит. По данным МАИ, ссуды на улучшение хозяйства в 1934 г. снизились до 152,2 млн. лир против 348,2 млн. лир в 1929 г. и 260,7 млн. лир в 1930 г. Производственные ссуды сократились в 1934 г. до 664,2 млн. лир против 1 млрд. лир в 1930 г. и 726,2 млн. лир в 1931 г., 768,9 млн. лир в 1932 г. и 1 млрд. лир с лишком в 1933 г.

Таким образом «покровительственная» политика государства в отношении сельского хозяйства превратилась в 1934 г. в свою противоположность. Сократившаяся помощь сельскому хозяйству в форме кредита теперь оказывается чрезвычайно узкой помещичье-кулацкой верхушке деревни. Сельское хозяйство в целом переживает вследствие падения цен и кредитной задолженности состояние упадка. Нищета трудящихся масс деревни по тем же причинам не могла не принять острейших форм, что усугубляется крайним усилением налогового пресса.

По заявлению Муссолини, рост налогового обложения итальянской деревни (впрочем данные эти рядом фашистских экономистов считаются преуменьшенными) рисуется в следующем виде:

Некоторые налоги на сельское хозяйство (в млн. лир)

На з в а н и е	1913/14 г.	1933/34 г.
Госналог на землю	84	150
Провинциальный сверхналог на землю	74	410
Коммунальный сверхналог на землю	124	550
Налог на движимое имущество	6	70
Налог на скот	20	120
Особый взнос в профсоюз	—	55
Взнос в фонд помощи при несчастных случаях в сельском хозяйстве	—	74
Налог на с.-х. доход	—	85
И т о г о	308	1514

Все приведенные данные позволяют нам сделать следующие выводы: 1) покупательная сила пролетариата в 1934 г. по сравнению с 1929 г. сократилась более чем на $\frac{1}{3}$; 2) покупательная способность сельского хозяйства, если принять во внимание только одно падение ценности продукции риса, кукурузы, пшеницы и вина, упала также примерно на $\frac{1}{3}$; 3) аграрный кризис, проявившийся до 1929 г. вследствие аграрного протекционизма, опиравшегося на возможность уменьшения импорта с.-х. продуктов в относительно слабой форме, в результате экономического кризиса чрезвычайно обострился, и возможности его смягчения чрезвычайно проблематичны. Все эти факторы представляют собой прямой результат усиления гнета монополистического капитала в его стремлении переложить тяжесть кризиса на плечи трудящихся масс. Приведенные выше ножицы с.-х. и промышленных цен являются продуктом борьбы крупнейших монополий за установление минимально низких монопольных цен на приобретаемые ими товары и возможно более высоких цен на товары, ими продаваемые.

Перспектива развития промышленности Италии

Сокращение зарплаты рабочих и увеличение налогового нажима на трудящихся деревни представляет собой результат той же борьбы монополий за свой капиталистический выход из кризиса.

Но это же обстоятельство предопределяет резкое сужение границ для развития промышленности, изготавливающей предметы массового потребления.

За отсутствием систематических данных абсолютно невозможно выяснить динамику недогрузки производственного аппарата промышленности. Поэтому уровень загрузки определить затруднительно. Однако, принимая во внимание указанное выше сокращение покупательной способности масс, с полным правом можно сделать заключение, что оно лишает возможности ожидать в будущем сколько-нибудь существенного повышения этого уровня.

Поэтому, «накопляя» за счет ограбления трудящихся масс, монополистический капитал теряет возможность существенно увеличивать инвестиции капитала.

В 1933 и даже в 1934 г. размер инвестиций не достигает даже уровня 1932 г. Тем самым с очевидностью обнаруживается, что наступившее улучшение в производстве сопровождается: 1) крайним сужением рынков на предметы личного потребления; 2) отсутствием

роста нормального рынка для средств производства, так как инвестиционная деятельность остается на крайне низком уровне. Ее падение может быть иллюстрировано следующей статистикой акционерных капиталов.

**Увеличение (+) или уменьшение (—)
капиталов акционерных обществ
(в млрд. лир)**

1929 г. . . .	+0,46	1932 г. . .	—1,25
1930 г. . . .	+2,68	1933 г. . .	—1,86
1931 г. . . .	—1,42	1934 г. . .	—3,46

Уменьшение капитала акционерных обществ есть прямой результат падения цен акций и уменьшения инвестиций. Поскольку падает цена акций и уменьшается фиктивный капитал, мы имеем продолжение того же процесса «поглощения» мелкой рыбешки крупными акулами. Поскольку же это сокращение капитала связано с уменьшением инвестиционной деятельности, оно неизбежно предполагает сокращение рынка средств производства. Но в том или другом случае эта динамика акционерных капиталов отражает непрочность, гнилость основы улучшения промышленности.

Таким образом весь наш анализ, касающийся положения трудящихся масс и положения сельского хозяйства, приводит нас к первоначальному ответу о корнях улучшения промышленности Италии. Поскольку дело идет о тяжелой промышленности, тенденция развития совершенно ясна; ее улучшение 1) отчасти базируется на удовлетворении потребности в поддержании старого основного капитала, который за годы кризиса почти не обновлялся, 2) это улучшение главным образом базируется не на «нормальном» расширении рамок, а на удовлетворении военных потребностей государства. Если же иметь в виду легкую промышленность, то ее «оживление» исключительно минимально. В конечном итоге у нас нет никаких серьезных оснований ожидать перехода от депрессии к подъему. Это состояние депрессии особого рода, могущее сопровождаться колебанием вверх и вниз, должно вызвать еще больший нажим на всю аппаратуру средств давления на трудящиеся массы, что неизбежно предполагает серьезное обострение классовой борьбы в стране.

Рост монополии и финансовой олигархии за годы кризиса и депрессии

Наиболее значительная концентрация капитала имела место в финансирующих обществах. В 1928 г. финансирующие общества с капиталом свыше 500 млн. отсутствовали. Между тем в 1934 г. число финансирующих обществ этой высшей категории достигло 1,2% от общего количества обществ, а на их долю приходилось 20,9% всего акционерного капитала финансирующих обществ. Число обществ с капиталом от 100 до 500 млн. лир в 1928 г. составляло 5,7% всех обществ, обладавших 30% совокупного капитала данной отрасли. В 1934 г. число этих обществ возросло до 8,8%, а капитал их составил 48,3% капитала отрасли. Таким образом эти две наиболее крупные группы финансирующих предприятий по численности составляли в 1928 г. 5,7% всех финансирующих обществ, держали в своих руках 30% совокупного капитала отрасли, а к 1934 г. увеличили свой вес по числу предприятий до 10%, а по капиталу—до 79,2%.

Соответственно средние и низшие группы финансирующих предприятий, составлявшие в 1928 г. 97,3% общего числа финансирующих обществ с 70% капитала, в 1934 г. составляли 90% по численности и 21,8% по капиталу.

Огромный рост концентрации капитала происходит и в промышленности. Прежде всего обратимся к производству электроэнергии. Здесь две верхних группы предприятий с капиталом от 100 до 500 млн. лир и свыше 500 млн. лир в 1928 г. по числу предприятий составляли 8,2% предприятий отрасли, а по капиталу — 65,0% совокупного капитала отрасли. Соответствующие цифры для 1934 г. — 13,8% и 81,1%. Низшие же и средние группы снижают свой вес по числу предприятий с 91,8% в 1928 г. до 86,2% в 1934 г. и по капиталу с 35% в 1928 г. до 18,9% в 1934 г.

Бурно протекает процесс концентрации и в добывающей промышленности. Здесь обе верхних группы в 1928 г. составляли 3,4% числа предприятий отрасли и обладали 52,5% ее совокупного капитала. К 1934 г. их доля по предприятиям повышается до 5,1%, а по капиталу до 63,5%, что дает соответствующее снижение веса средней и нижней групп.

В металлургии в 1928 г. две высших группы по числу предприятий составляли 1,2%, обладая 29,2% совокупного капитала отрасли, в 1934 г. соответствующие цифры составляют 2,5% и 49,4%. В машиностроении высшая группа в 1928 г. по числу предприятий составляла 0,9% и по капиталу 14,1%. К 1934 г. доля их по числу предприятий возросла до 1,5% и по капиталу до 25,3%.

В автопромышленности высшая группа занимала 2,1% по числу предприятий и 58,0% по капиталу. В 1934 г. эта цифра соответственно поднимается до 4,8% и 67,5%.

Аналогичную картину процесса концентрации за годы кризиса дают и другие отрасли промышленности.

Из приведенных данных явствует, что по темпам и по уровню концентрации капитала на первое место выдвигаются электропромышленность, добывающая промышленность и металлургия, т. е. наиболее ведущие отрасли промышленности. Однако значительного уровня концентрации достигают и другие отрасли промышленности. Так например 10 крупнейших банков Италии держат в своих руках 69,6% банковского капитала страны, 8 финансирующих обществ обладают 69,2% всего капитала данной отрасли, в электропромышленности 4 предприятия из 180 имеют 38,1%, а 25 являются обладателями 80,1% капитала. В судоходстве одно предприятие из 85 имеет 28,3% всего капитала отрасли, а 6 предприятий — 74,2% капитала. В автопромышленности 2 предприятия из 42 владеют 67% капитала отрасли. В добывающей промышленности одно предприятие из 58 имеет 36,7% капитала, а 3 предприятия — 63,5% капитала. В производстве искусственных тканей 3 предприятия из 14 имеют 68,3% капитала отрасли. В металлургии одно предприятие из 80 имеет 41,6% капитала. В машиностроении 3 предприятия из 197 имеют 25,7% капитала. В хлопчатобумажной промышленности 5 предприятий из 144 имеют 24,6% капитала и 16 предприятий — 50% всего капитала отрасли. Таким образом, как и следовало ожидать, уровень концентрации капитала в Италии, как и в других странах, оказывается наиболее низким в хлопчатобумажной промышленности и в машиностроении.

На основании столь высоких темпов концентрации за годы кризиса чрезвычайно усилилась роль финансовой олигархии.

Для анализа силы финансовой олигархии исключительное значение имеют разработанные нами данные об участии наиболее крупных обществ Италии в других акционерных обществах и банках и контроле над капиталами этих предприятий. Эти же материалы бросают яркий свет на вопрос о личной унии в системе финансового капитала Италии. Детальный анализ этого вопроса может составить тему специальной работы. Здесь же возьмем лишь основное и главное. Один из крупнейших итальянских банков «Итальянский кредит», имея собственный капитал в 500 млн. лир, только через четырех своих представителей контролирует акционерные общества, имеющие совокупный капитал 7 412,1 млн. лир, из которых на электропромышленность падает 4 237,3 млн. лир. Второй крупнейший банк (Коммерческий банк) имеет капитал в 700 млн. лир, непосредственно контролирует 7 945,2 млн. лир капитала других акционерных обществ, из них 3 065,2 млн. лир в электропромышленности и 1 391,9 в химической промышленности. Таким образом два крупнейших банка с капиталом в 1 200 млн. лир вместе контролируют 15 357,3 тыс. лир акционерного капитала Италии. Иначе говоря, каждой своей лирой эти два банка контролируют примерно 15 лир чужого капитала.

На базе финансовой олигархии чрезвычайно возрастает и персональная уния крупнейших магнатов финансового капитала. Приведем наиболее яркие примеры.

1. Аньелли Джигованни (сенатор) — председатель Фиатта (капитал 400 млн. лир) и его сын Эдуардо Аньелли участвуют в 40 акционерных обществах в разнообразнейших отраслях промышленности; эти общества обладают акционерным капиталом в 1 841 млн. лир.

2. Бенедуче Альберто — крупнейший старый финансовый деятель, контролирует 16 акционерных обществ с капиталом 5 473 млн. лир, концентрируя свою деятельность главным образом в финансирующих обществах, и фактически руководит пресловутыми «равногосударственными» акционерными обществами по «спасению» банков и крупнейших промышленных монополий.

3. Бенни Антонио Стефано (депутат, теперь министр связи) до своего назначения на пост министра председатель Римского банка с капиталом в 200 млн. лир. Участвует в 24 акционерных обществах с совокупным капиталом в 3 297 млн. лир.

4. Братья Козулич Антонио и Гвидо — «короли» навигации. Вместе контролируют 19 обществ (главным образом навигационных) с совокупным капиталом в 1 507 млн. лир.

5. Конти Этторе (сенатор) — председатель Коммерческого банка, контролирует 20 акционерных обществ с капиталом в 3 954 млн. лир.

6. Чини Витторио — вице-председатель крупнейшего металлургического общества «Ильва» с капиталом в 336 млн. лир. Всего участвует в 20 обществах с капиталом в 1 323 млн. лир.

7. Донегани Гвидо (депутат) — председатель крупнейшего общества «Монтекатини» (500 млн. лир), фактически держащего в своих руках почти всю добывающую и всю химическую промышленность Италии. Сам Донегани участвует в 23 акционерных обществах (главным образом химических) с акционерным капиталом в 2 579 млн. лир.

8. Фельтринелли Карло — председатель одного из крупнейших банков Италии — «Итальянского кредита» — и одновременно председатель

крупнейшей электрической компании «Эдиссон», владеющей 1,5 млрд. лир акционерного капитала. Фельтринелли участвует в 30 акционерных обществах с совокупным капиталом в 4 604 млн. лир.

9. Мотта Джачинто (депутат) участвует в 20 акционерных обществах с совокупным капиталом в 4 171 млн. лир.

10. Морпурго Эдуардо участвует в 23 акционерных обществах с капиталом в 2 533 млн. лир.

11. Френиани Джузеппе — председатель Неаполитанского банка с капиталом в 1 372 млн. лир, участвует в 9 обществах.

Если исключить параллельные капиталы, то вышеприведенные 11 лиц оказываются фактически владельцами капитала в 17,2 млрд. лир.

Эти лица являются типичными представителями совершенно незначительной группы финансовой олигархии, группы лиц, являющихся фактическими хозяевами Италии.

На основании приведенных данных мы можем сделать следующие выводы:

1) Кризис чрезвычайно обострил и углубил обнищание трудящихся масс. 2) В то же время в неслыханных темпах и размерах происходили концентрация производств и капитала и наиболее четкое выделение небольшого слоя финансовой буржуазии, экономической и политически распоряжающейся всей страной. 3) Эта более отчетливая кристаллизация верхушки финансового капитала, обогатившейся и консолидировавшейся за период кризиса, является фактором, объективно усиливающим силу фашизма как партии наиболее реакционной части буржуазии. 4) Но процесс роста и усиления концентрации является двусторонним. Кризис, как это неоднократно указывает Маркс, усиливает процесс концентрации производства и капитала. Фашистское государство своей политикой «поощрения» и «спасения» промышленности и принудительного синдицирования подталкивает этот стихийный процесс концентрации производств и капитала. Но это — одна сторона процесса. Другой его стороной неизбежно выступает прогрессирующее и углубляющееся обнищание трудящихся и прежде всего пролетарских масс, обострение классовой борьбы и вызревание в головах миллионов идеи штурма капитализма. 5) В итоге всего анализа хода кризиса и депрессии мы получили следующие выводы: а) предполагать дальнейшее оживление промышленности никаких серьезных оснований не имеется; б) аграрный кризис не может быть ослаблен и будет углубляться с каждым днем; в) на почве обнищания трудящихся масс города и деревни и в связи с отсутствием прочной базы для дальнейшего роста народного хозяйства маневренная способность итальянского фашизма чрезвычайно ограничивается. В связи со всем этим итальянский пролетариат получает более широкую возможность мобилизации вокруг себя всех слоев трудящегося народа. Очевидно, что итальянский фашизм все более энергично будет искать выхода из своих внутренних противоречий в империалистической войне, а пролетариат, консолидируя вокруг себя всех трудящихся, будет искать выхода из обострившейся нищеты и усиливающейся реакции в пролетарской революции. Поэтому в Италии наиболее ярко и концентрированно выступает основное политико-экономическое содержание депрессии особого рода, а именно переход общего кризиса капиталистической системы к новому туру пролетарской революции и империалистических войн.

К вопросу об экономических взглядах Розы Люксембург¹

Патриарх социал-предательства Карл Каутский посвятил в 1922 г. «памяти» великого пролетарского революционера Розы Люксембург небольшую брошюру², в которой он пытается дать свою оценку исторического значения Люксембург и люксембургизма. Мировое рабочее движение, утверждает он здесь, протекает по двум своеобразным, качественно отличным руслам — английскому и русскому.

«Великая задача там (в Англии. — А. Р.), — пишет Каутский, — состоит не в свержении конституции, не в организации пролетариата как класса, а в поднятии его образования и самосознания. Чем больше это достигается, тем дальше рабочий класс продвигается по пути глубоко проникающих реформ, которые постепенно приближают его к цели»³. Каутский подчеркивает, что «великая задача» решается на пути реформ, что на этом пути пролетариат приближается к цели.

«Если хотят представить себе противоположность между реформистским и революционным образом мысли, несмотря на неясность и неопределенность этих выражений, можно было бы сказать, что реформистский образ мыслей нашел свое сильнейшее выражение в Англии, а революционный — в России»⁴.

И далее: «Обстоятельства в каждом государстве Средней Европы, а поэтому также и политика их социалистов представляли собой смешение элементов, классически выраженных в Англии и России»⁵.

«Р. Люксембург прибыла в Германию, — вспоминает Каутский, — как раз в то время, когда еще кипела борьба между «реформизмом» и «радикализмом». Все свои силы она поставила на службу последнему и немало сделала, для того чтобы, поскольку это зависит от лиц, а не от условий, революционное мышление закрепилось»⁶.

Щегольнув «революционными» воспоминаниями о «совместной» с Розой борьбе с оппортунизмом, Каутский с сокрушением добавляет: «Приобретенные в русском государстве впечатления господствовали в ней всегда. Она никогда не понимала англосаксонского мира и также той части немецких условий, которые напоминали больше Англию, чем Россию... Первая русская революция создала условия, кото-

¹ Настоящая статья представляет собой часть статьи автора в готовящемся к печати сборнике «Роза Люксембург в политической экономии». Здесь даются только общее освещение экономических взглядов Розы Люксембург и критика ее взглядов на пролетарскую диктатуру.

² К. Каутский, R. Luxemburg, K. Liebknecht, L. Jogiches. Ihre Bedeutung für die deutsche Sozialdemokratie.

³ Там же, стр. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 6.

⁶ Там же, стр. 15.

рые в конце концов должны были положить конец этому союзу (К. Каутского с Р. Люксембург. — А. Р.). Русское мышление возросло у нее до односторонности, не соединимой с немецкими условиями. Убеждение, что мы и в Германии идем навстречу революционной ситуации, превратилось у нее в 1906 г. в стремление наиболее быстро и искусственно вызвать эту ситуацию. Так начался между нами с 1905 г. определенный раскол, который преодолевался в течение известного периода благодаря личной дружбе, но который однако привел в конце концов в 1910 г. к разрыву...».

Само собой разумеется, что на деле «английскую» и «русскую» тенденции развития можно было наблюдать в рабочем движении всех стран в эпоху империализма. В Англии и России они лишь были выражены в наиболее ярком, концентрированном виде. Всюду можно было видеть величайшее обострение противоречий на внутренних классовых фронтах (в самих империалистических странах), на фронтах внешних (между кучкой стран-метрополий и угнетенными народами колоний) противоречий между империалистическими государствами, и отсюда рост революционных тенденций. С другой стороны, монополистические сверхприбыли давали магнатам финансового капитала возможность путем подкупа рабочей аристократии закреплять и развивать реформистские тенденции в рабочем движении всех империалистических стран. В самой России большевизму пришлось выдерживать немалую борьбу с различными мелкобуржуазными и псевдосоциалистическими течениями.

В реформистской Англии наблюдалось сильное полевение рабочих масс.

В 70—80-х годах в Германии выросли и мощная социал-демократия и мощное профсоюзное движение. В рядах этой социал-демократии в 90-х годах после смерти Энгельса заметно усиливаются, укрепляются реформистские тенденции. Получив опору в лице сильно разросшейся бюрократии в профсоюзах и социал-демократических организациях, в лице вскармливаемой подачками финансового капитала рабочей аристократии, реформисты постепенно расширяют свое влияние в партии. Лидеры германской социал-демократии, люди типа Каутского, Бебеля, причислявшие себя к «марксистской ортодоксии», не оказали серьезного сопротивления натиску реформизма ни в вопросах теории, ни в вопросах практической политики партии. Отклоняя в зависимости от хода событий свою политическую линию то вправо, то влево, они ограничивали «борьбу» с реформизмом достаточно умеренными литературными статьями и резолюциями партийных съездов. По ряду важнейших вопросов эти «ортодоксы» еще в 90-х годах и в начале XX в. сами допускали ряд грубых реформистских ошибок.

После поражения первой русской революции вожди германской социал-демократии развернули свою политику предательского центризма, прикрывая «левыми» фразами господство реформизма в партии, превращая социал-демократию в партию блока пролетарских и мелкобуржуазных интересов.

По мере перехода центристских вождей на сторону реформизма в рядах германской партии усиливалось однако левое течение, отстаивавшее более или менее последовательно революционные идеи.

Роза Люксембург отдала все свои силы теоретика и пламенного борца на революционизирование германского рабочего движения. Она и

примыкавшие к ней представители левого течения в германской социал-демократии искренно стремились к тому, чтобы преодолеть реформистскую и центристскую косность, заставить социал-демократическое руководство возглавить надвигающиеся революционные бои.

В годы империалистической войны Каутский и центристы занялись оправданием предательского социал-шовинизма, одержавшего в германской социал-демократии на подготовленной реформизмом почве полную победу; они занялись сочинением «марксистских» теорий на потребу шовинизму. Роза Люксембург мужественно выступила против войны. Наконец в послевоенные годы центризм, объединившись с реформизмом, открыто перешел на сторону фашизирующей буржуазной диктатуры. Герой и вождь пролетарской революции, Роза Люксембург пала жертвой наемников кровавой собаки Носке, товарища Каутского по партии.

По словам Каутского, Роза Люксембург была в рядах германской социал-демократии «посланцем русской революции».

Роза Люксембург до своего приезда в Германию в 90-х годах действительно работала в русской Польше, в рядах социал-демократии Польши и Литвы, оставаясь вождем этой партии и в дальнейшие годы. До конца своей жизни она живо интересовалась проблемами русской революции. Несомненно, революционные тенденции, жившие уже в то время в рядах русского и польского пролетариата, оказали большое влияние на формирование ее взглядов.

Социал-демократия Польши и Литвы по многим вопросам примыкала к большевикам, но ее теоретические установки и практическая деятельность были далеко не свободны от ошибок.

Роза Люксембург и руководимое ею леворадикальное движение не смогли в этих условиях провести до конца последовательно революционную линию, допустили ряд тяжелых ошибок.

Обстановка требовала поворота к новой революционной тактике, отказа от обветшавших догм и традиций периода «мирной» работы, периода II Интернационала. Первым и важнейшим условием всей этой критической и организационной работы было однако создание партии нового типа, разрыв с реформистами. Только объединившись в революционную партию, освободившись от разлагающей атмосферы идейных компромиссов и соглашательства с реформизмом, господствовавших в партиях II Интернационала, левые могли бы стать во главе рабочего движения и применить учение Маркса и Энгельса к новой обстановке эпохи империализма.

Все это было однако проделано только русскими большевиками. Опутанные сетями каутскианского центристского лицемерия, обманутые звонкими революционными фразами «марксистской ортодоксии» II Интернационала, левые до самой мировой войны не сделали и попытки объединиться и создать революционную фракцию в германской социал-демократии. Груз проделанных ошибок сопровождал Розу Люксембург на всем ее историческом пути. В последние месяцы своей жизни Роза Люксембург сумела в ходе разворачивающейся революционной борьбы отбросить ряд старых заблуждений и ошибок, мешавших дальнейшему продвижению вперед германской революции. Однако и до самой своей смерти Роза Люксембург не убедилась до конца в том, что «марксизм» II Интернационала, совокупность догм, сочиненных реформистскими и центристскими теоретиками, не имеет

ничего общего с революционным учением основоположников марксизма.

Еще в своем докладе на учредительном съезде германской компартии в конце 1918 г. Роза Люксембург отстаивала сочиненную центристами для прикрытия реформизма «теорию» «двух марксизмов». Согласно этой теории, Маркс и Энгельс в период 1848—1871 гг. придерживались строго революционных взглядов и верили в возможность «непосредственного осуществления социализма путем политической революции». Опыт Парижской коммуны однако заставил основоположников марксизма якобы отказаться от идеи «непосредственного осуществления социализма путем политической революции».

Роза Люксембург всячески старается оправдать Энгельса, «впавшего в оппортунизм». Но в то же время она — против этого оппортунизма. Она ссылается на предисловие Энгельса к «Гражданской войне во Франции» и объясняет это предисловие нажимом на «старика» и условиями тогдашней обстановки. После войны, считает Роза, надлежит вернуться к старому революционному марксизму 40-х годов. Между временем, когда был написан «Коммунистический манифест», говорит Роза Люксембург, и нынешним моментом лежат 70 лет капиталистического развития, и диалектика истории привела к тому, что мы сегодня возвратились к тем взглядам, которые Маркс и Энгельс потом считали ложными.

На самом деле конечно Маркс и Энгельс из опыта Парижской коммуны сделали выводы в направлении, прямо противоположном тому, о котором говорил Роза Люксембург. Они указывали, что буржуазную государственную машину нельзя «просто взять в свои руки», а что она должна быть разбита. Маркс это ясно высказывает в одном из своих писем к Вейдемейеру. Энгельс еще при жизни успел протестовать против одностороннего, оппортунистического истолкования его указаний о перспективах баррикадных боев в смысле отказа от насильственной революции вообще.

Приписывать Марксу и Энгельсу «заслугу» ревизии их собственного учения — значит снимать ответственность за эту ревизию с подлинных виновников — оппортунистов.

В этом вопросе Роза Люксембург совершает однако еще одну крупную ошибку: вместо того чтобы поставить вопрос о чистоте учения Маркса, о борьбе с реформистскими наслоениями и извращениями марксизма и о дальнейшем развитии этого учения в свете новых явлений эпохи империализма, Роза Люксембург говорит о «возвращении» к марксизму 40-х годов. Это приводит ее впоследствии к ряду тактических ошибок (например выставление во время империалистической войны устарелого, обветшалого лозунга великой германской республики и т. д.).

Поскольку Роза Люксембург не сумела проделать до конца очистительную работу в авгиевых конюшнях «теоретического творчества» II Интернационала, она в споре с реформистами и центристами пользуется часто не марксовым, а их оружием и методом. Зачастую она старается придать общераспространенным в рядах II Интернационала догмам революционное истолкование.

Теоретики II Интернационала постепенно смазывали остроту и революционность марксовой критики капитализма. Насловившиеся годами «добавления» Каутских и Гильфердингов (не говоря уже об открытых реформистах типа Бернштейна) к экономическому наследству

Маркса вели в значительной степени либо по линии гармонизации капиталистических противоречий, либо к теории механистического краха капитализма. В обоих случаях получался «научно обоснованный» отход от революционной политики.

Разумеется, в творчестве реформистов и центристов было мало самостоятельных «открытий». В той или иной степени они шли на поводу у современной вульгарной буржуазной политической экономии, заимствуя у ее корифеев и метод исследования и трактовку отдельных проблем. Особенно большое распространение среди всех и всяческих ревизионистов имела так называемая «меновая концепция» экономических явлений, т. е. перенесение основных противоречий капитализма из сферы производства в поверхностную сферу обращения, обмена, смазывание определяющей роли отношений производства. Немалую роль играла также так называемая «политизация» экономических категорий, т. е. подмена объективных экономических законов политикой буржуазного государства.

Роза Люксембург критиковала весьма резко всю современную ей буржуазную идеологию и связанный с последней ревизионизм. Она подчеркивала реакционность всей буржуазной политической экономии, идущей вспять не только по сравнению с марксизмом, но и по сравнению с корифеями классической школы — Смитом и Рикардо. «В противовес мощному оружию этой (классической. — А. Р.) экономии — дедуктивному методу, с помощью которого были вскрыты общие основы буржуазного общества, создалась так называемая историческая школа, которая поставила себе принципом накоплять с муравьиным трудолюбием целые горы «фактического» хлама и «исторических» отбросов, чтобы под ними счастливо укрыть и упрятать общие законы движения буржуазного общества»⁷. Вместо классиков, занимавшихся «объективным исследованием хозяйственных явлений», появилась «субъективная школа» Бем-Баверка и Джевонса, поставившая себе целью объяснять общественные явления не на основе внешних взаимоотношений между людьми, а выводить их из глубин индивидуальной человеческой души и таким образом избежать опасных для буржуазных отношений выводов⁸.

Роза Люксембург беспощадно разоблачает также буржуазных экономистов, кокетничавших своей «близостью» к марксизму, в первую очередь Вернера Зомбарта, которого современные социал-демократические «теоретики» объявили «буржуазным марксистом», а также и всякие «социальные направления». В статье о Зомбарте она указывает, что в его лице и вообще в лице буржуазных профессоров, принимающих спешно «социальную» или «марксистскообразную» окраску, мы имеем дело с новой попыткой буржуазии завоевать для своей идеологии массы после неудавшихся уже маневров с замалчиванием, опровержением и «запрещением марксизма». «С новым приливом бодрости она (буржуазия. — А. Р.) еще раз хочет попытаться завоевать рабочую массу. Вновь раздается команда: ученые, за работу! И заглохшие в своих кабинетах профессорские мумии выползают одна за другой на дневной свет, спешат на народные собрания и послушно поют пролетариату русалочьи песни о буржуазной мировой политике»⁹.

⁷ Роза Люксембург, Избранные сочинения, т. I, 1-я ч., стр. 215.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 241.

Предвидя дальнейшее развитие идеологии этих господ, Роза Люксембург указывает, что они стремятся «цивилизовать», т. е. превратить социал-демократию в ее собственных интересах в национал-социальную партию и социализм в интересах его осуществления в нечто тождественное с капитализмом, — словом, в интересах классовой борьбы свернуть шею этой самой классовой борьбе — вот в чем штука¹⁰.

Статьи Розы Люксембург, направленные против буржуазной политической экономии, сохранили свое значение и теперь. Они выступают теперь как обвинительный акт против господ Гильфердингов, Бауэров, Браунталей, Нельтингов и прочих, давно потонувших в недрах современной вульгарной экономии.

Роза Люксембург указывала на связь реформистских извращений марксизма с «попятным» движением буржуазной науки назад, к вульгарным экономистам в политической экономии и к кантианству в философии.

«С своей стороны, — писала она, — в силу своей оппозиции против революционного пролетариата, пролетарского движения, оппортунизм должен был естественно проделать все те шаги, вернее — попятные шаги, которые за десятилетия до него уже были пройдены буржуазной наукой. Все те добрые люди, которые по профессии ведут с высоты кафедры за положенное жалование теоретическую борьбу с социал-демократией, очутились вдруг, к собственному своему изумлению, посреди лагеря социал-демократии. Давно уже скисшие и истлевшие от долгого и бесплодного бормотания, сами себя похоронившие и забывшие катедер-социалисты внезапно ожили в теориях Эдуарда Бернштейна и его сторонников»¹¹.

Критикуя буржуазную политическую экономию и реформу, Роза Люксембург нападает и на «меновую концепцию». В одной из своих ранних статей, направленных против оппортуниста Шиппеля («Миллиция и милитаризм», 1889 г.), она так характеризует эту концепцию: «Сущность вульгарной экономии состоит в том, что она рассматривает явления капиталистического хозяйства не в их глубоких связях и не в их внутренней сущности, а в их поверхностном преломлении через законы конкуренции, видит их не через подозрную трубу науки, а через очки частных интересов буржуазного общества. Но в зависимости от точки зрения заинтересованного лица изменяется картина общества и более или менее криво отражается в сознании экономиста. Чем точка зрения ближе к самому процессу производства, тем понимание ближе к истине, и чем больше исследователь придвигается к рынку обмена, к сфере полного господства конкуренции, тем более перевернутой вверх ногами оказывается видимая им картина общества»¹².

В лекциях, читанных уже перед войной, когда все основные экономические работы Розы Люксембург и в том числе главный ее труд «Накопление капитала» были уже напечатаны, она дает в полемике с Бюхером не менее суровую критику меновой концепции. Здесь она, так сказать, ставит все точки над «и» и по вопросу классовой природы меновой концепции. «Общественная форма производства, — заявляет она здесь, — т. е. вопрос об отношении трудящихся к средствам

¹⁰ Там же, стр. 239.

¹¹ Там же, стр. 216—217.

¹² Там же, стр. 155.

производства, есть коренной путь всякой хозяйственной эпохи, но он же является и самым уязвимым пунктом классового общества. Отчуждение средств производства из рук трудящихся в той или иной форме является общей основой всякого классового общества, потому что оно является главным условием эксплуатации и классового господства. Стремление отвлечь внимание от этого чувствительного места, сконцентрировать его на внешнем и второстепенном всегда обуславливается не столько сознательным желанием буржуазных ученых, сколько инстинктивным отращиванием класса, духовно ими представленного, к опасным плодам с дерева познания»¹³.

Однако, выступая столь резко против реформизма, смыкавшегося с вульгарной экономией, против проповедываемой буржуазными учеными и реформистами меновой концепции экономических явлений, Роза Люксембург не смогла в своих собственных теоретико-экономических работах преодолеть этот общераспространенный в рядах экономистов II Интернационала метод.

Мы не будем останавливаться подробно на взглядах Розы Люксембург по отдельным проблемам капиталистической экономики. Это должно быть предметом специальных исследований. Покажем лишь вкратце на отдельных примерах, к чему привели и здесь неизжитые Розой Люксембург оппортунистические догмы II Интернационала (менная концепция, политизация, теории механического краха и т. д.).

Излагая в своих лекциях генезис капитализма, Роза Люксембург так характеризует докапиталистические формации: «Самым характерным (для них. — А. Р.) является то обстоятельство, что основные потребности человеческой жизни так непосредственно влияют определяющим образом на труд и результат труда, так точно соответствуют цели и потребности, что благодаря этому в крупном или мелком масштабе получаются удивительная простота и прозрачность всех отношений»¹⁴. И далее: «Если взять крестьянское и феодально-помещичье хозяйство, то можно такое хозяйство вертеть со всех сторон — в нем не удается найти никаких загадок, которые требовали бы глубокомысленного исследования их особой наукой»¹⁵. Здесь господствуют таким образом организованность и прямая деспотия господствующих классов.

«Иначе, — продолжает Роза Люксембург, — обстоит дело при капитализме. Здесь и потребность и удовлетворение, задание и результат труда уже не соответствуют друг другу, между ними вклинивается нечто загадочное и неясное»¹⁶. «... потребность, цель и результат хозяйственных действий людей оказываются поразительно несогласованными между собой»¹⁷. «Задачей научного исследования является именно то, что обнаруживается как недостаток сознания в общественном хозяйстве»¹⁸.

«Конечно и в настоящее время над трудящимися массами господствует мощный владыка — капитал. Но его форма правления — не деспотия, а анархия»¹⁹. «Если политическая экономия представ-

¹³ Роза Люксембург, Введение в политическую экономию, Гиз, 1930 г. стр. 135—136.

¹⁴ Там же, стр. 48.

¹⁵ Там же, стр. 49.

¹⁶ Там же стр. 52.

¹⁷ Там же, стр. 55.

¹⁸ Там же, стр. 56.

¹⁹ Там же, стр. 58, (разрядка здесь, как и повсюду, где не оговорено, автора).

ляет собой науку, о специфических законах капиталистического способа производства, то ее существование связано с последним и она теряет свою базу, коль скоро прекращается этот способ производства²⁰. Политическая экономия как наука отомрет с того момента, как анархическое хозяйство капитализма уступит место планомерному, сознательно организованному и руководимому всеми трудящимися общественно-хозяйственному строю. Победа современного рабочего класса и осуществление социализма означают таким образом конец политической экономии как науки»²¹.

Надо прежде всего указать, что представление Розы Люксембург о предмете политической экономии не соответствует учению Маркса и Энгельса по этому вопросу и действительному положению вещей. Достаточно вспомнить определение предмета политической экономии в широком смысле, данное Энгельсом в «Анти-Дюринге». Сама Роза Люксембург вынуждена в другом месте признать, что проблема генезиса феодализма, проблемы развития городов в этот период являются проблемами, требующими для своего разрешения теоретического анализа.

Важнее однако другие моменты, связанные с цитированными выше положениями Розы Люксембург. Прежде всего в них несомненно переоценивается значение обмена и анархии производства как черт, характеризующих буржуазное общество, и затеваются действительно лежащие в основе последнего противоречия. Недаром и главной задачей экономической науки у Розы Люксембург оказывается исследование и раскрытие анархии. Вне зависимости от воли самой Розы Люксембург такая постановка открывает лазейку для реформистской гармонизации, «организации» капиталистических противоречий.

Неправильно конечно связанное с этим положение, что в условиях капитализма «деспотия» заменяется анархией. На самом деле деспотия, рабство непосредственных производителей, неизбежны в любой классовой, антагонистической формации, в том числе и при капитализме. Здесь деспотия лишь выступает в форме наемного рабства. Подобное утверждение о замене деспотии анархией явилось у Каутского базой для многолетних его упражнений на тему о прелестях капитализма по сравнению с насильническими, деспотическими формациями.

Роза Люксембург воевала с реформистами за незыблемость научного, экономического обоснования социализма, хотя это обоснование она себе представляла и неправильно. В этих же лекциях она утверждает: «Как общая политическая программа действий международного пролетариата социализм является исторической необходимостью, представляя собой продукт экономических тенденций капитализма»²². Нонаучное обоснование социализма подрывалось ее же утверждением что в условиях социализма умирает экономическая наука. Отправляясь отсюда, современные социал-фашистские экономисты объявили самую проблему социализма «ненаучной».

Ошибки в духе меновой концепции пронизывают все экономические работы Розы Люксембург. В этом направлении искажено у нее общее представление о товарном хозяйстве. «Каждый производит как частное лицо, — характеризует Роза Люксембург товарное хозяйство, —

²⁰ Там же, стр. 66.

²¹ Там же, стр. 66—67.

²² Там же, стр. 71.

за свой страх и риск, и готовые продукты лишь в процессе обмена образуют известную сумму, которую можно рассматривать, как общественное богатство»²³, «...обмен создал новую связь между разрозненными, оторванными друг от друга частными производителями. Производство и потребление — вся жизнь разрушенной общины может начаться снова, так как обмен дал им возможность опять работать друг для друга, т. е. он сделал опять возможным общественное сотрудничество, общественное производство, хотя и под оболочкой частного производства»²⁴.

«Сам обмен регулирует теперь механически, наподобие водяного насоса, все хозяйство, он создает связь между отдельными производителями, вынуждает их трудиться, регулирует их разделение труда, определяет их богатство и его распределение, обмен управляет обществом»²⁵.

«Раньше каждая пара сапог, которую приготавливал наш сапожник, уже заранее представляла собой непосредственно общественный труд. Теперь его сапоги представляют в первую голову частный труд, который никого не касается. Затем лишь эти сапоги на товарном рынке просеиваются, и лишь поскольку их берут в обмен, затраченный на них труд сапожника признается общественным трудом. В противоположном случае они остаются продуктом его частного труда и не имеют ценности»²⁶.

Переоценивая роль обмена, Роза Люксембург утверждает таким образом, что последний создает присущий товарному хозяйству тип общественной связи. Специфическая форма проявления общественной связи между производителями, специфическая форма проявления общественного характера труда у нее определяет самую связь и характер труда. Такая трактовка роли обмена, общепринятая в рядах мастеров экономической науки II Интернационала, давала им тогда и особенно впоследствии возможность смазывать глубину основных экономических противоречий капитализма, коренящихся в производстве.

Отсюда Роза Люксембург приходила и к неправильному представлению о законе стоимости. Мы видели из цитированного примера с сапожником, сапоги которого становятся стоимостью лишь после того, как подвергнутся «просеиванию» на рынке, что обмен по меньшей мере принимает участие, согласно Розе Люксембург, в создании стоимости товаров. Приписывая такую роль обмену, Роза Люксембург оставляла в тени внутренние противоречия товара и труда, создающего товары. И это было в обычае «популяризаторов» марксизма из среды II Интернационала. Поэтому и деньги она выводила не из развития этих внутренних противоречий, а из «технического удобства», следуя и здесь за Каутским. «Обмен, — пишет Роза Люксембург, — в качестве единственного экономически следующего звена между членами общества связан с большими трудностями»²⁷.

«Оказывается однако, что давно уже было найдено средство, для того, чтобы преодолеть эти трудности и сделать возможным общественный обмен»²⁸.

²³ Там же, стр. 190.

²⁴ Там же, стр. 189 (разрядка моя. — А. Р.).

²⁵ Там же, стр. 196.

²⁶ Там же, стр. 193 (разрядка моя. — А. Р.).

²⁷ Там же, стр. 197.

²⁸ Там же, стр. 20.

В такой постановке подлинная противоречивая, антагонистическая природа капиталистических денег исчезает.

Марков закон стоимости рабочей силы также не пользовался признанием в рядах теоретиков II Интернационала. Реформисты решительно отвергали его, устанавливая перспективу беспредельного повышения зарплаты и вставания в социализм при помощи профсоюзов. «Отстаивавшие» закон стоимости рабочей силы центристы истолковывали его в духе меновой концепции и смазывали революционные выводы, вытекавшие из него.

Роза Люксембург, ведя ожесточенную борьбу с реформистами по вопросам профессионального движения, ставила им в частности в вину забвение марковского закона стоимости рабочей силы. Она настойчиво всегда указывала на границы, с которыми сталкивается в капиталистическом обществе работа профсоюзов, добивающихся поднятия заработной платы. Однако, совершая и здесь ошибку в духе меновой концепции, она понимает эти «границы» не соответственно Марксу. «Стоимость рабочей силы, — заявляла Роза Люксембург, — представляется тем количеством труда, которое употребляется на изготовление необходимых для рабочего жизненных припасов. Но что же такое «необходимые жизненные припасы»? Не говоря уже об индивидуальных различиях между тем и другим рабочим, различиях, не играющих никакой роли, уже различный уровень жизни рабочего класса в различных странах и в различные времена доказывает, что понятие «необходимые жизненные припасы» является чем-то весьма изменчивым и растяжимым»²⁹.

Поэтому Роза Люксембург оставляет позиции марковского закона и подменяет его собственной концепцией. Согласно ее теории, «вследствие растяжимости понятия» необходимых жизненных припасов между капиталистом и рабочим разыгрывается за величину заработной платы приблизительно такая же борьба, как и за длину рабочего дня»³⁰. «Капиталист стремится снизить заработную плату до размеров Existenz minimum (минимума существования), рабочий требует «обычного с общественной точки зрения минимума, который обеспечивает приличный жизненный обиход»³¹. И, как утверждает далее Роза Люксембург, на первых ступенях развития капитализма заработная плата была близка к физиологическому минимуму. Только благодаря профсоюзам и в меру их развития рабочая сила в качестве товара получает возможность продаваться по своей ценности»³².

На самом деле, как бы «изменчива и растяжима» ни была стоимость рабочей силы, ключ к ее пониманию надо искать в производстве, а не на рынке труда. Закон стоимости рабочей силы, с того времени как существует капитализм и пока он существует, определяет движение заработной платы. Роза Люксембург по существу стирает в своих рассуждениях границу между стоимостью рабочей силы и заработной платой. Она делает уступку реформизму в этом вопросе, признавая, что положение профсоюзов вызвало к жизни и новую «социальную» стоимость рабочей силы вместо прежде господствовавшей «физиологической». Такая позиция облегчает апологетику современного капитализма. На самом деле и на первых ступенях капитализма и в со-

²⁹ Роза Люксембург, Введение в политическую экономию, стр. 241—242.

³⁰ Там же, стр. 242.

³¹ Там же, стр. 243.

³² Там же, стр. 250.

временных условиях заработная плата, как правило, ниже стоимости рабочей силы.

С этим связан и взгляд Розы Люксембург на проблему обнищания пролетариата. Теоретики II Интернационала исказили марксову постановку этой проблемы до неузнаваемости. Если реформисты утверждали, что и материальный уровень жизни рабочих систематически возрастает при капитализме даже за счет постепенного «вытеснения» прибавочной стоимости, то центристы готовы были признать только факт относительного обнищания. И здесь Роза Люксембург осталась в плену реформистских извращений марксизма. Она избегала даже самого термина «обнищание», подменяя его вопросом о перспективах движения заработной платы, об «относительной и абсолютной заработной плате». Между тем, как известно, проблема обнищания определяется отнюдь не только уровнем заработной платы. Тут имеет огромное значение и проблема резервной армии, пауперизма, интенсивности труда и т. д.

Говоря о движении заработной платы, Роза Люксембург указывала на необходимость учесть все слои рабочего класса — не только профессиональных организованных рабочих, но и неорганизованные низы безработных и даже пауперов. И все-таки она решительно высказывалась против закона абсолютного обнищания.

«Тов. Гр., — писала Роза еще в статье 1898 г., — формулирует объект спора между революционным и оппортунистическим направлением партии такими словами: здесь — обнищание и крах, там — «подъем и развитие» и этим доказывает, что имеет самое смутное представление не только о взаимной позиции спорящих сторон, но и о содержании всего спора. Противопоставление обнищания и «подъема», которым, по его мнению, характеризуются традиционно-партийное и оппортунистическое направления, формулирует на самом деле нечто совершенно иное, а именно — противоположность между анархизмом и социализмом. Только анархисты спекулируют на обнищании масс, почему они и должны вполне последовательно рассматриваться как политические и теоретические представители люмпенпролетариата. Наоборот, для социал-демократии базисом служит всегда подъем рабочего класса. ...Исходной точкой агитации является для социал-демократии не абсолютное обнищание рабочего класса, а относительное сокращение его доли в созданном им общественном богатстве, причем это сокращение может идти и идет резко об руку с абсолютным повышением жизненного уровня»³⁹.

Такая позиция играла на-руку одновременно и анархистам и реформистам. У оппортунистов отрицание абсолютного обнищания было одним из краеугольных камней их теории мирного вхождения в социализм. Анархисты оказывались в этих условиях единственным (если не считать Ленина и русских большевиков) направлением, «признавшим» действительно развертывающееся и обострившееся в период империализма обнищание.

Во всей этой группе экономических проблем Роза Люксембург таким образом приближалась к взглядам центристов, отличаясь от последних главным образом только более решительной и резкой критикой реформизма.

Однако для Розы Люксембург, всегда остававшейся субъективно

³⁹ Роза Люксембург, Избранные сочинения, т. I, ч. 1-я, стр. 169.

пламенным революционером, была неприемлема в целом экономическая система центристов. Она нашла «революционный выход» в своих теориях воспроизводства, кризисов и империализма, оставаясь все-таки в пределах арсенала идей, имевших хождение во II Интернационале. Реформистские идеи определяются мелкобуржуазной критикой.

По этим вопросам имеется в нашей литературе ряд специальных работ. Мы остановимся на них лишь в нескольких словах.

Отправляясь от старой мелкобуржуазной сисмондистской теории воспроизводства, которую в свое время отстаивал и Каутский, Роза Люксембург утверждала, что накопление в чистом капиталистическом обществе невозможно. Оно может происходить лишь за счет размыывания, поглощения некапиталистической среды. Всю историю капитализма Роза Люксембург делила на два больших периода: период, когда некапиталистическая среда имеется еще в избытке, и период, когда она уже подходит к концу и капитализм близится к смерти.

На этом базировалась ее теория кризисов. Выступая против реформистов и отстаивая в полемике с ними необходимость и неизбежность кризисов в капиталистическом обществе, Роза Люксембург вместе с тем сама снимала эту неизбежность и во всяком случае периодичность кризисов для первого периода, так как здесь они, по ее теории, объяснялись причинами внешними, вызванными толчкообразными расширениями капитализма за счет некапиталистической среды. Только в течение второго периода, когда некапиталистическая среда почти истощена, вступает в действие закон кризисов, о котором говорил Маркс.

Второй период есть, по Розе Люксембург, вместе с тем и период империализма. Заимствуя у Каутского сведение империализма к политике и соединяя это с выводами из своей теории воспроизводства, Роза Люксембург определяла империализм как политику борьбы капиталистических государств за «последние остатки некапиталистической среды».

Эти теории создавали перспективу механического краха капитализма вследствие истощения некапиталистической среды. Поэтому объективное их значение было явно антиреволюционное. Таким образом в своей экономической системе Роза Люксембург объединила взгляды, ведущие к гармонизации капитализма, с теориями, дающими основу для перспективы автоматического краха.

Роза Люксембург критиковала теории воспроизводства и империализма Бауэра, Каутского, Гильфердинга. В последние предвоенные годы она ясно видела возможности, заложенные в этих апологетических теориях, указывала, куда они ведут. В период войны Роза Люксембург со всей присущей ей пламенной революционной страстью и непримиримостью атакует каутскианскую теорию ультраимпериализма. И в то же время она отстаивает в экономической теории целую систему противоречивых и антиреволюционных взглядов, вращаясь в пределах вульгарных идей II Интернационала.

Неправильное понимание империализма сказывалось уже в трактовке Розой Люксембург практических проблем экономической политики капиталистических государств, занимавших в то время внимание пролетариата, вопросов о таможенных пошлинах, милитаризме, маринизме и т. д. Эти явления можно было правильно оценить, только исходя из руководящей роли монополий как важнейшего экономического признака империализма и из необходимости новой революционной

тактики. Обязанностью социал-демократии было разъяснить массам неизбежность роста пошлин, милитаризма, дороговизны в условиях господства монополий, невозможность устранения всего этого без революционного свержения империализма, утопичность и реакционность всяких «теорий», проповедующих возможность возвращения к «свободному» доимпериалистическому капитализму.

Реформисты открыто поддерживали под тем или другим предлогом («в обмен» на избирательные права, для защиты отечества и т. д.) всю эту политику «своего» финансового капитала, центристы полемизировали с реформистами, но вели всю эту полемику непринципиально. Они ограничивались тем, что пытались доказать невыгодность и ненужность высоких пошлин на те или другие товары, увеличения вооружений для своей «национальной» буржуазии. Роза Люксембург еще в дискуссии 90-х годов подвергает резкой критике реформистов. Она уже тогда упрекает в непоследовательности по этому вопросу и Каутского. В резолюции Каутского, принятой на партийном съезде 1898 г. по вопросу о таможенных пошлинах и ошибках Шиппеля, заявляет Роза, проблема поставлена недостаточно принципиально. Каутский ограничился практическими возражениями Шиппелю. «Между тем принципиальная основа нашей тактики в этом вопросе может лежать лишь в самом существе охранительных пошлин, и только из них может быть выведена»³⁵. Надо выдвинуть, продолжает Роза Люксембург, «реакционный характер их с точки зрения общего капиталистического развития»³⁶.

«...В настоящее время таможенные пошлины служат не средством защиты одного развивающегося капиталистического производства против другого, более зрелого, а средством борьбы одной национальной группы капиталистов против другой, средством картелирования, т. е. борьбы с потребителем. Наконец, что ярче всего определяет специфическую характеристику современной таможенной политики, это тот факт, что теперь повсюду решающую роль в ней играет вообще не промышленность, а сельское хозяйство, что таможенная политика стала средством капиталистического оформления и выявления феодальных интересов»³⁷.

Таким образом, установив правильно реакционность современной таможенной политики и ее связь с монополиями, Роза Люксембург вследствие недооценки общей роли монополий не смогла найти действительную основу этой реакционности.

Поэтому она в другой статье приходит по этому же вопросу к такому каутскианскому выводу: (...в настоящее время всеобщая свободная торговля является необходимым дальнейшим шагом за пределы внутренних хозяйственных перегородок объединившегося мирового хозяйства, и... национальные таможенные границы в настоящее время являются реальной помехой»³⁸.

Вместо революционного ответа на ограбление трудящихся при помощи таможенных пошлин получается таким образом утопический лозунг возвращения к свободной торговле.

Не понимая экономической сути империализма, Роза Люксембург не могла правильно объяснить и поворот буржуазной политики к реакции.

³⁵ Роза Люксембург, Избранные сочинения, т. I, ч. 1-я, стр. 160.

³⁶ Там же, стр. 160—161.

³⁷ Там же, стр. 66.

³⁸ Там же, стр. 41.

Гораздо последовательнее, чем Каутский, Роза Люксембург указывает на неизбежный рост реакции в период империализма, поворот буржуазного государства к реакции. Роза видит необходимость концентрации вокруг последнего всех антипролетарских сил, хотя и не может, отправляясь от неправильного теоретического представления об империализме, объяснить подлинную подоплеку этой необходимости.

Важнейшие причины поворота к политической реакции, отхода от демократии, роста милитаризма Роза Люксембург видела в «окончательной» победе над феодализмом (государственные демократические учреждения уже не нужны для гарантии от феодальной реакции), а также в «развитии мирового хозяйства и распространении конкуренции на мировом рынке»³⁹. Наконец, в росте рабочего движения.

Связь господства монополий с поворотом буржуазии к реакции, этот важнейший экономический корень изменений в буржуазной политике эпохи империализма, у Розы Люксембург затуманена.

Подобная двойственность характеризует, наконец, и высказывания Розы Люксембург по важнейшему для рабочего движения вопросу о диктатуре пролетариата.

В борьбе с реформизмом Роза Люксембург уже в конце 90-х и начале 900-х годов отстаивала лозунг диктатуры пролетариата. «В качестве вступления к осуществлению социализма, — писала она, — необходимо, чтобы рабочий класс на некоторое время захватил неограниченную власть в государстве, т. е. необходима диктатура пролетариата»⁴⁰.

Находясь и здесь под влиянием теоретиков II Интернационала, Роза Люксембург не смогла освободить марксово учение о диктатуре пролетариата от позднейших оппортунистических наслоений, не смогла создать себе правильного представления о диктатуре пролетариата, как орудии свержения капитализма, как основе социалистического строительства. Больше того, это помешало Розе Люксембург понять, особенно на первых порах, ленинскую теорию диктатуры пролетариата, понять и принять целиком и до конца практику социалистического строительства в России.

Диктатура пролетариата может возникнуть только в ходе ломки буржуазных порядков, после свержения буржуазии, в ходе социализации основных средств производства, в ходе насильственной революции. Отношение к проблеме насильственной революции на мировом рынке»³⁹. Наконец — в росте рабочего движения, шению к диктатуре пролетариата.

Не преодолев до конца господствовавшего во II Интернационале мещанского отрицания революционного насилия, Роза Люксембург проявляла значительные колебания в этом вопросе.

С одной стороны, например, она резко критикует реформиста Гейне, на Штутгартском съезде, который принципиально отрицал всякое насилие по отношению к буржуазии.

Столь же решительно она однако высказалась против насилия. «Forwärts» меня попрекнул, — говорила Роза в Штутгарте, — что я мечтала о насильственных мерах. Для этого я не дала ни малейшего

³⁹ Роза Люксембург, Избранные сочинения, т. 1, ч. 1-я, стр. 92.

⁴⁰ «Чего мы хотим», Комментарии к программе с.-д. Польши и Литвы. СЦТ. 1906, стр. 13—14.

повода ни моими речами, ни моими статьями против Эдуарда Бернштейна в «*Forwärts*». Я стояла как раз на противоположной точке зрения и утверждала, что единственная насильственная мера, которая поведет нас к победе, — это социалистическое воспитание рабочих в повседневной борьбе»⁴¹.

В статье «*Gehalt und Gemässigkeit*», написанной в 1907 г., Роза Люксембург ставит вопрос уже совершенно иначе: «...все размышления о возможности мирного парламентского устранения капиталистическо-государственной власти — все это не более как смешная фантазия политической детской»⁴².

«Нужно, — продолжает Роза Люксембург, — видеть... необходимость применения насилия как в отдельных эпизодах классовых боев, так и при окончательном завоевании государственной власти»⁴³. За заслугу германской социал-демократии, заявляет она наконец, было то, что она выдвинула наряду с баррикадными боями и стачками новые, реформистские средства борьбы, но это отнюдь не означает, что можно ограничить арсенал пролетариата этими мирными средствами.

И здесь у Розы Люксембург можно еще найти много оговорок «условий» насильственной революции, но вместе с тем нельзя не видеть здесь и значительного поворота в направлении, прямо противоположном тому например, в котором развивался в тот же период Каутский.

Свою теоретическую уверенность в приближении пролетарской революции Роза Люксембург великолепно завершила, отдав все силы и самую жизнь за ее развертывание на практике. И все же и в последний период ее жизни Розу Люксембург не покидали колебания в этом вопросе — стоит только вспомнить оценку красного террора в Советской России в брошюре, написанной летом 1918 года в тюрьме. То же самое относится и к проблеме государственной машины буржуазии.

«...Современный суд, современные школы, современные войска, — писала Роза еще в конце 90-х годов, — приспособленные к господству одного общественного класса над другим, окажутся совершенно непригодными для социалистического общества и должны быть радикально изменены»⁴⁴.

Соответственно она без всяких иллюзий оценивает буржуазный парламентаризм «в целом» и т. д.

Однако к идее разрушения буржуазной государственной машины, идее, выдвинутой Марксом уже на опыте Парижской коммуны, Роза Люксембург так и не пришла.

Когда же ей пришлось на практике подойти к этой проблеме, уже после революции, она и здесь не была последовательной марксисткой. Выступая на первом учредительном съезде германской компартии, Роза Люксембург вместо задачи удара по центральному государственному аппарату германской буржуазии, который остался после ноябрьской революции невредимым, выставила лозунг революции снизу и «вламывания» в буржуазное государство.

«Мы должны вести подготовку снизу, — говорила она, — и сосредоточить такую власть в руках советов рабочих и солдатских депута-

⁴¹ Роза Люксембург, Избр. соч., т. I. ч. 1-я, стр. 136.

⁴² Там же, стр. 364.

⁴³ Там же.

⁴⁴ «Чего мы хотим», стр. 33.

тов, что если правительство Эберта—Шейдемана или какое-либо ему подобное рухнет, это будет только заключительный акт»⁴⁵.

«Мы будем вламываться в буржуазное государство, пока мы не овладеем всеми позициями, которые мы будем защищать ногтями и зубами»⁴⁶.

Нетрудно заметить, что это «вламывание» в государство, захват в нем насильственным путем известных позиций, представляет собой, как это часто бывает у Розы Люксембург, «перевод на революционный язык» реформистской теории вставания в государство.

Не жалея острых слов, Роза Люксембург критикует буржуазную демократию и ее апологетов из среды реформистов. Вместе с тем она однако заимствует у тех же реформистов противопоставление «хорошей» формы буржуазного демократизма ее «плохому» содержанию. Поэтому она в 1918 году не поняла того, что советская форма демократии представляет собой при всех неизбежных на первых порах ограничениях новую, несравненно более высокую (по сравнению с буржуазией) ступень, поэтому она упрекала большевиков в том, что, разогнав учредилку, они не собрали тут же новый парламент.

Сама Роза Люксембург, выйдя из тюрьмы и погрузившись в практическую революционную борьбу, многие свои установки и по этим вопросам пересмотрела. Это видно очень ярко на примере ее отношения к созыву учредительного собрания в Германии.

«Что станет с учредительным собранием, — заявила Роза Люксембург на учредительном съезде германской компартии, — во второй фазе развития (германской революции. — А. Р.), очень трудно предсказать. Возможно, что, когда оно будет осуществлено, оно станет новой школой для воспитания рабочего класса, но, и это также не исключено, возможно, что дело вообще не дойдет до учредительного собрания». И дальше: «Будет ли оно (учредительное собрание. — А. Р.) или нет — безразлично, революция может во всех случаях только выиграть»⁴⁷.

Если же добавить сюда еще и характерное для Розы Люксембург отрицание руководящей, организующей роли партии в период пролетарской революции и диктатуры пролетариата, а также ее нелепо «левую» теорию перманентной революции, ее отношение к разделу земли в Советской России, то станет ясным, что, несмотря на всю субъективную преданность красной Розы идее диктатуры пролетариата, несмотря на ее долголетнюю борьбу с реформизмом в этой области, Роза Люксембург не сумела и тут преодолеть наследство II Интернационала, влияние «английского пути».

⁴⁵ Rede um Programm.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, стр. 114.

Г. В. Плеханов о капиталистических кризисах

Плеханов неоднократно указывает как на причину кризисов на противоречие между развитием производительных сил и капиталистическими производственными отношениями. Уже в ранней работе об экономической теории Родбертуса он указывает, что «причина кризисов лежит в несоответствии капиталистического способа производства с современным состоянием производительных сил общества». Приведя тут же замечание Энгельса, что «недостаточное потребление рабочих классов так же мало говорит нам о причинах появления кризисов в настоящее время, как о причинах отсутствия их в прошлом», Плеханов добавляет, что «увеличение покупательной силы этого класса не может считаться радикальным средством устранения кризисов» и что, «только приведя организацию производства в соответствие с состоянием производительных сил, можно уничтожить этот «бич, терзающий даже капитал». «А чтобы установить это соответствие, — говорит Плеханов, — недостаточно «регулировать пользование результатами производительных сил». Для этого нужно «регулировать» самое производство, поставивши его под контроль общества»¹.

Итак, хотя Плеханов цитирует здесь «Анти-Дюринг» Энгельса, он все же ограничивается указанием на противоречие между производительными силами и производственными отношениями вообще, вместо того чтобы вслед за Энгельсом конкретизировать это указание, подчеркнув то специфическое содержание, которое названное противоречие приобретает в капиталистическом обществе, именно как противоречие между общественным характером производства и частным характером капиталистического присвоения. Плеханову невдомек, что, поскольку противоречие между производительными силами и производственными отношениями свойственно не только капиталистическому обществу, но и предшествовавшим ему общественно-экономическим формациям, постольку, если бы причиной кризисов было само это противоречие, а не специфически исторический характер его в капиталистическом обществе, кризисы так же должны были бы быть одинаково свойственны докапиталистическим формациям, как и капиталистическому обществу.

С другой стороны, ясно, что «несоответствие капиталистического производства современному состоянию производительных сил» Плеханов усматривал только или по крайней мере главным образом в неорганизованности, анархии капиталистического производства, не поняв (хотя это ясно указано Энгельсом в «Анти-Дюринге»), что последняя является лишь одним из проявлений основного противоречия капиталистического общества. Поэтому в качестве средства для приве-

¹ Плеханов, Соч., т. I, стр. 355.

дения организации производства в соответствии с состоянием производительных сил, а следовательно и в качестве средства для устранения кризисов Плеханов предлагал непосредственно общественное регулирование производства без указания в данном случае на то, что предпосылкой такого регулирования является пролетарская, социалистическая революция: уничтожение частной собственности на средства производства, а вместе с тем и противоречия между общественным характером производства и капиталистическим присвоением, а следовательно и самого капитализма.

Плеханов пробует показать, как и почему анархия производства неизбежно ведет к кризисам. «Неизбежность кризисов, — говорит он, — обусловливается общим ходом развития крупной промышленности и служит самым наглядным доказательством неспособности буржуазии распоряжаться созданными ею самою производительными силами. «Участие в пользовании результатами производительных сил» никогда не было «регулировано» в буржуазном обществе, но только крупная машинная промышленность до такой степени увеличила эти силы, что они стали в противоречие с данным способом производства. Возрастание производительных сил требует расширения рынков; но чем более расширяются рынки, тем труднее становится для каждого отдельного предпринимателя следить за всеми колебаниями спроса и предложения. Каждый предприниматель не может действовать иначе, как ощупью, тем не менее он должен спешить доставить на рынок возможно большее количество продуктов, если он не хочет упустить благоприятный момент и быть опереженным своими конкурентами. Некоторое время доставляемые на рынок продукты находят себе сбыт, и тогда производительные силы разных стран обнаруживают все свое могущество. Но вслед за тем рынки переполняются товарами, спрос отстает от предложения, и промышленная горячка сменяется кризисом. Находящиеся на рынке продукты являются излишними, конечно только в относительном смысле этого слова. Мы видели уже, что рабочее население терпит страшную нужду именно в то время, когда товары не находят себе сбыта. Но капиталиста интересуют не общественные потребности, а так называемый «действительный спрос» т. е. спрос, опирающийся на покупательную силу»².

Это рассуждение Плеханова ясно показывает, что он не понял ни действительной сущности, ни действительной причины капиталистических кризисов и что родбертсовскую теорию кризисов Плеханов критикует не с марксистских, а с своих собственных, псевдомарксистских, по существу ревизионистских, позиций.

Родбертус полагал, что «покупательная сила капиталистического общества вообще отстает от его производительной силы, вследствие того что не урегулировано пользование результатами этой последней», т. е. распределение общественного продукта, что в частности постоянно уменьшается заработная плата как часть этого продукта.

Известно, что эта и подобные ей теории кризисов, пытавшиеся объяснить кризисы «недопотреблением» масс, были подвергнуты самой решительной критике Марксом, Энгельсом и Лениным. Однако их критика этих воззрений носила совсем иной характер, чем критика Плеханова.

Основоположники марксизма-ленинизма, решительно подчеркивая, что само по себе недопотребление масс не объясняет причин капита-

² Плеханов, Соч., т. I, стр. 354.

листических кризисов, что причины эти лежат в его основном противоречии — между общественным характером производства и частной капиталистической формой присвоения, — в то же время указывают, что одним из наиболее ярких проявлений этого противоречия является противоречие между стремлением капиталистического производства к безграничному расширению, с одной стороны, и обусловленным самими условиями этого расширения пролетарским состоянием масс и узким базисом потребления — с другой.

Плеханов, не поняв сущности основного противоречия капиталистического способа производства, не понял также, что все свойственные капитализму противоречия являются формами проявления этого основного его противоречия. Поэтому и анархию капиталистического производства, в которой он, по крайней мере в очерке о Родбертусе, усматривает причину капиталистических кризисов, Плеханов выводит не из имманентного капиталистическому способу производства основного противоречия.

Плеханов свел сущность капиталистической анархии исключительно к тому, что капиталистам неизвестны размеры спроса и что они не могут поэтому сообразовать с ними размеров своего производства. Тем самым Плеханов в объяснении кризисов фактически и по существу стал на позиции того самого Сисмонди, теорию которого, лишь незначительно видоизмененную Родбертусом, он собирался опровергнуть, ибо именно Сисмонди и сисмондисты полагали, что, указав на возможность кризисов, обусловленную неучтенностью размеров спроса, они тем самым объяснили кризисы. С другой стороны, рассматривая анархию капиталистического производства совершенно независимо от свойственных этому последнему внутренних противоречий, в частности от antagonистического характера капиталистических отношений, Плеханов неизбежно должен был сделать шаг назад даже по отношению к Сисмонди и Родбертусу и объявить противоречие между капиталистическим развитием производительных сил и пролетарским состоянием масс совершенно несущественным для объяснения капиталистических кризисов.

Если Плеханов отрицает всякое значение недопотребления трудящихся масс как одного из условий капиталистических кризисов, то, с другой стороны, он фактически сам приходит к объяснению кризисов «несоответствием между производством и потреблением», понимаемым не в смысле противоречия между стремлением капиталистического производства к безграничному расширению и узким базисом потребления широких масс трудящихся, а в смысле неучтенности размеров спроса и невозможности вследствие этого приспособить производство к потреблению. В принципе, таким образом, методологически Плеханов фактически стоит в объяснении кризисов на тех же позициях, что и критикуемый им Родбертус, ища этого объяснения не во внутренних противоречиях капиталистического производства, а во внешних противоречиях между производством и потреблением, лежащих вне непосредственного процесса производства, в области обмена.

Что именно таков смысл теории Плеханова, неопровержимо доказывает объяснение кризисов, данное им в «Рефератах о развитии общественных форм», относящихся к тому же приблизительно времени, что и очерк о Родбертусе. Вот что он пишет в этих «Рефератах»:

«Противоречие между общественно необходимым трудом и трудом

единичных предпринимателей. Этим противоречием объясняются все кризисы современной промышленности...»³. Чтобы избежать этого противоречия, необходимо «организовать труд. Привести производство в соответствие с потреблением»⁴.

Тут та же самая мысль, что и в очерке о Родбертусе, выражена еще более отчетливо и ясно: причиной кризисов является анархия капиталистического производства, находящая свое выражение в «противоречии между общественно необходимым трудом и трудом единичных предпринимателей». Если же мы вспомним при этом, что под общественно необходимым трудом Плеханов понимает труд, создающий необходимые обществу продукты, то станет ясным, что под указанным противоречием он понимает возможность вследствие анархии производства таких случаев, когда затраченный «единичным предпринимателем» труд не является «общественно необходимым» в указанном смысле, т. е. не соответствует наличным общественным потребностям. «Противоречие между общественно необходимым трудом и трудом единичных предпринимателей» следовательно в свою очередь сводится Плехановым к противоречию между производством и потреблением, которое можно устранить, лишь «организовав» труд, «приведя производство в соответствие с потреблением».

Впрочем Плеханов как будто недолго удержался на этих позициях. Уже в первом проекте программы РСДРП он, попрежнему не указав, как это отметил Ленин, основной причины кризисов, частного присвоения при общественном производстве⁵, объясняет кризисы, во-первых, ростом соперничества капиталистических стран на всемирном рынке и, во-вторых, ростом общественного неравенства, т. е. по существу тем же недопотреблением трудящихся масс, которое он раньше пытался изгнать из объяснения кризисов. В «Комментариях к проекту программы РСДРП», напечатанных в «Заре» в августе 1902 г., он сам именно так расшифровывает это указание.

«В 1899 г., — говорит он здесь, — населению Германии нехватило, по меньшей мере, полутора миллиардов марок для того, чтобы без остатка купить всю массу им же самим произведенных товаров. Почему нехватило? Это может быть объяснено только распределением национального дохода Германии, которое, в свою очередь, определяется не имущественными отношениями. Ясно стало быть, что если производительные силы германской промышленности далеко опередили покупательную способность населения этой страны, то это показывает, что ее имущественные отношения уже не соответствуют ее производительным силам»⁶.

Начав с критики утверждения Родбертуса, Плеханов пришел в конце концов к тому же объяснению кризисов, что и Родбертус, и это не случайно, а вполне закономерно, ибо, как мы выше показали, по существу Плеханов с самого начала оставался методологически на позициях Сисмонди—Родбертуса. Но если вначале Плеханов полагал, что несоответствие между ростом производства и состоянием спроса объясняется главным образом неучтенностью последнего, а размеры

³ Разрядка моя. — И. Б.

⁴ «Литературное наследие Плеханова», сб. I, стр. 158—159.

⁵ Ленин, Соч., т. V, стр. 7.

⁶ Плеханов, Соч., т. XII, стр. 220, (разрядка моя. — И. Б.).

этого спроса имеют лишь второстепенное, чисто количественное значение, то впоследствии, чтобы вложить хоть какое-нибудь содержание в свое собственное объяснение кризисов несоответствием между производительными силами и капиталистическими имущественными отношениями, он вынужден был признать, что несоответствие между производством и сбытом объясняется именно недопотреблением масс, именно характером капиталистического распределения. Этим признаком Плеханов однако принципиально ничего не изменял в своей концепции кризисов: попрежнему он видел их причину не в противоречиях самого капиталистического производства, а в отношениях обмена и распределения, рассматриваемых к тому же как выражение имущественных, т. е. по теории Плеханова правовых, а не производственных отношений.

С другой стороны, Плеханов не подчеркивал обусловленности устранения анархии производства уничтожением капиталистического строя. Так, в «Наших разногласиях» Плеханов приглашает Тихомирова доказать, «что в нашем земледелии господствует теперь та же тенденция, что и в крупной машинной промышленности капиталистических стран, т. е. стремление к планомерной организации в пределах, по крайней мере, целого государства»⁷.

В проекте программы РСДРП Плеханов в объяснении кризисов уже совсем упускает указание на отсутствие планомерности и организованности в капиталистическом хозяйстве, и это является косвенным доказательством того, что Плеханов к этому времени уже не считал анархию производства «конститутивным» признаком капитализма, признавая возможным устранение этой анархии и без уничтожения капиталистического способа производства.

В своем объяснении капиталистических кризисов Плеханов пришел к выводу о неизбежности х р о н и ч е с к и х, а не периодических кризисов. «Современные производительные силы, — говорит он в своей известной брошюре «Социализм и политическая борьба», относящейся к 1883 г., — далеко опережают в своем росте возможность расширения сбыта, международный рынок близится к окончательному переполнению, периодические кризисы стремятся перейти в один сплошной хронический кризис»⁸.

Что это утверждение Плеханова не случайно, что мы имеем здесь дело не с обмолвкой, а с доподлинным выражением его взглядов, вполне убеждает повторение подобных утверждений в позднейших его работах, например в работе «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова», относящейся к 1896 г.⁹

В специальном примечании ко второму изданию «Наших разногласий» Плеханов указывает, что он «никогда не был сторонником той теории рынков вообще и кризисов в частности, которая, как зараза, распространялась в нашей легальной литературе марксизма в девяностых годах. По смыслу этой теории, — говорит он, — главным пропагандистом которой надо признать г. Тугана-Барановского, перепроизводство оказывается невозможным, а кризисы объясняются простою диспропорциональностью в распределении средств производства. Эта теория очень отрадна для буржуазии, которую она при-

⁷ Плеханов, Соч., т. II, стр. 290.

⁸ Там же, т. II, стр. 231 (разрядка моя. — И. Б.).

⁹ Там же, т. IX, стр. 103—104.

водит к тому отрадному убеждению, что производительные силы капиталистического общества никогда не перерастут свойственных ему отношений производства... Настоящим отцом этого совсем не нового учения был Жан-Батист Сэ и, в «курсе» которого она и изложена с достаточной полнотой... Кроме г. Тугана-Барановского, у нас теорию Ж.-Б. Сэ проповедывал г. Владимир Ильин в «Заметке по вопросу о теории рынков» («Научное обозрение», январь 1899 г.) и в книге о «Развитии капитализма в России». В этом последнем сочинении г. Владимир Ильин обнаруживает, впрочем, значительный экликтизм, свидетельствующий о том, что в нем не всегда молчала теоретическая совесть марксиста»¹⁰.

Разве уже одно то, что Плеханов поставил в один ряд теории Тугана-Барановского и Ленина, не показывает с достаточной ясностью, что он не понял действительного содержания теорий ни первого, ни в особенности последнего?

Туган-Барановский действительно пытался доказать, что при условии пропорциональности между первым и вторым подразделениями общественного капитала возможность перепроизводства исключена и реализация всего общественного продукта может быть произведена гладко и бесперебойно, как бы сильно ни сократились размеры потребления. Но не кто иной, как Ленин, первый вскрыл всю ошибочность этой теории и притом в той самой «Заметке к вопросу о теории рынков», на которую ссылается Плеханов. Не кто иной, как Ленин, указал, что «потребительская сила общества» и пропорциональность различных отраслей производства — это вовсе не какие-то отдельные, самостоятельные, не связанные друг с другом условия, «что, напротив, известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности», что, хотя первое подразделение общественной продукции (изготовление средств производства) может и должно развиваться быстрее, чем второе (изготовление предметов потребления), «отсюда, разумеется, никак не следует, чтобы изготовление средств производства могло развиваться совершенно независимо от изготовления предметов потребления и вне всякой связи с ним», что «в конечном счете производительное потребление (потребление средств производства) всегда связано с личным потреблением, всегда зависит от него. Между тем капитализму присуще, с одной стороны, стремление к безграничному расширению производительного потребления, к безграничному расширению накопления и производства, а с другой стороны, пролетаризирование народных масс, ставящее довольно узкие границы расширению личного потребления»¹¹.

С другой стороны, именно Ленин и притом в той же «Заметке» указал на клеветнический характер утверждения Тугана-Барановского, будто «схемы Маркса доказывают возможность бескризисного, гармонического развития капитализма. Именно Ленин подчеркнул, что хотя «теория реализации предполагает и должна предполагать пропорциональное распределение продукта между различными отраслями капиталистического производства», однако, «предполагая это, теория реализации отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропор-

¹⁰ Плеханов, Соч., т. II, стр. 233.

¹¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 400.

ционально»¹². Пропорциональное распределение производства, говорит Ленин, — это «идеал капитализма, но отнюдь не его действительность»¹³. Именно Ленин указал, что реализация при капитализме происходит лишь среди «затруднений», среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди кризисов и т. п., и что периодическое «производство избыточного продукта (кризисы) неизбежно в капиталистическом обществе вследствие нарушения пропорциональности между разными отраслями промышленности»¹⁴.

И если Плеханов все же нашел возможным отождествить революционную теорию реализации и кризисов Ленина с апологетической теорией Туган-Барановского, то это объясняется не только его оппортунистическим ослеплением в политике и желанием как можно сильнее «дискредитировать» Ленина, но и полным непониманием сущности марксовой теории, дальнейшим развитием которой была теория Ленина.

Усматривая основную и в сущности единственную причину кризисов в несоответствии между предложением и спросом, между производством и потреблением, т. е. в «невозможности» реализации, и, подобно Туган-Барановскому, не поняв, что марксова теория реализации есть абстрактная теория и потому должна исходить из предположения пропорционального распределения производства совершенно так же, как например марксова теория стоимости предполагает равенство спроса и предложения, но отнюдь не устанавливает наличия такой пропорциональности в действительности, — Плеханов решил, что эта теория реализации ведет к отрицанию возможности кризисов. И так как теория реализации Ленина (и Маркса) внешне имеет то сходство с теорией Туган-Барановского, что и та и другая не считают нужным привлекать для объяснения реализации внешний рынок, то этого было достаточно, чтобы Плеханов поставил их рядом, несмотря на внутреннюю противоположность этих теорий, из которых одна — именно теория Маркса — Ленина — направлена была всецело на вскрытие внутренних противоречий капиталистического производства (хотя одновременно и против мещанской реакционной, народнической критики капитализма), другая же — теория Туган-Барановского — на апологетическое восхваление капитализма и доказательство возможности гармонического, бескризисного развития его.

Не поняв основного внутреннего противоречия капиталистического способа производства и сводя причину кризисов к недостаточности спроса, Плеханов ставил само развитие капитализма в исключительную зависимость от расширения внешнего рынка. Но отсюда следовало также, что переполнение мирового рынка, превращая периодические кризисы в хронический, тем самым делает дальнейшее развитие капитализма невозможным. Так именно Плеханов и думал, усматривая в этой «невозможности» развития капитализма непосредственное условие социалистической революции.

¹² Ленин, Соч., т. II, стр. 407.

¹³ Там же, стр. 415.

¹⁴ Там же, стр. 422.



В своих замечаниях на первый плехановский проект программы РСДРП Ленин по поводу указанных в нем причин кризисов: 1) рост общественного неравенства и 2) рост соперничества капиталистических стран на мировом рынке — отмечает, что «не указана основная причина кризисов — Planlosigkeit, частное присвоение при общественном производстве»¹⁵.

Ознакомление с теорией кризисов Плеханова показало нам, что это «упущение» не было случайным, но вполне соответствует его пониманию кризисов и их причин.

Эта теория, если свести воедино все рассмотренные выше высказывания Плеханова по вопросу о кризисах, — чего он сам, к сожалению, не сделал, — сводится в общем к следующим положениям:

1. Причиной капиталистических кризисов вообще является несоответствие между производством и потреблением, неизбежное при капитализме, во-первых, вследствие анархии производства и невозможности учесть действительные размеры спроса, во-вторых, вследствие роста общественного неравенства, ведущего к относительному сужению внутреннего рынка.

2. Сами капиталисты однако принимают меры к устранению анархии и к планомерной организации производства при помощи «промышленных синдикатов»; с другой стороны, является стремление расширить границы сбыта, а следовательно и возможности увеличения производства за счет внешнего рынка.

3. Эти тенденции не в состоянии все же уничтожить кризисы и порождающие их причины. Напротив, они ведут лишь к превращению периодических кризисов в один хронический кризис, ибо если в начале развития капитализма выход из кризиса мог быть найден в завоевании внешних рынков, то впоследствии и этот внешний, международный рынок оказывается переполненным, вследствие чего дальнейшее развитие капиталистического производства оказывается более невозможным.

4. Абсолютная невозможность дальнейшего развития производительных сил при сохранении капиталистических имущественных отношений (еще раз подчеркиваем, что Плеханов говорит именно об имущественных, т. е. по его теории правовых, распределительных отношениях, а не о производственных отношениях, которые он считает чисто техническими) приводит к обострению классового антагонизма, собственного капиталистическому обществу, и классовой борьбы пролетариата за уничтожение капиталистических (имущественных) отношений, непосредственно ведет к социалистической революции, которая, изменив способ распределения, уничтожит общественное неравенство и вызываемые им кризисы.

Мы видели уже, насколько эта теория кризисов далека от марксовой. Зато она состоит в несомненном родстве со всеми вообще ревизионистскими теориями кризисов, которые в той или иной формулировке в конечном счете все, подобно теории Плеханова: 1) объявляют причиной кризисов несоответствие между производством и потреблением («анархию производства», «диспропорциональность» и т. д.), относительноную узость и недостаточную эластичность рынка, расширение которого отстает от роста производства; 2) усматривают в расшире-

¹⁵ Ленин, Соч., т. V, стр. 7.

нии внешних рынков средство, ведущее к ослаблению кризисов, а в развитии капиталистических монополий средство, ослабляющее или даже полностью уничтожающее анархию производства, а следовательно и причину кризисов.

Однако в то время как Плеханов полагал, что международный рынок близок к абсолютному хроническому переполнению, что это должно привести к превращению периодических кризисов в один хронический кризис, к полному прекращению развития производительных сил («стагнации», как говорят троцкисты), а вследствие этого к обострению классового антагонизма и социалистической революции, — Гильфердинг, Каутский и К^о утверждают, что капитализм при помощи развития картелирования и экспорта капитала сам преодолевает экономические препятствия к дальнейшему безграничному развитию производительных сил, так что экономически нет никакой надобности в социалистической революции, призванной лишь приспособить способ распределения к способу производства, «устранить антагонизм распределения». В отличие от Плеханова, старающегося «оправдать» социалистическую революцию ее экономической необходимостью, представляя ее одновременно как некоторый автоматический акт, как неизбежную «экономическую катастрофу», Гильфердинг—Каутский, напротив, представляют ее как сознательный акт заведомого «классового эгоизма», никакого отношения не имеющий к объективным экономическим условиям общественного развития, чтобы тем удобнее было призывать рабочих к отказу от своих классовых интересов в угоду интересам «всего общества», сиречь класса капиталистов. Таким образом при всей оппортунистичности теории кризисов Плеханова последняя хотя бы по видимости сохраняет еще некоторую связь с марксовым научным социализмом, между тем как теория Гильфердинга—Каутского окончательно рвет с ним, для того чтобы выступить в качестве активного защитника капитализма от пролетарской революции, правда, все еще под марксистскообразной маской.

И все же теории Плеханова, с одной стороны, и Гильфердинга—Каутского, с другой, представляют собой не принципиально различные теории.

Если таким образом теория кризисов Плеханова со всеми вытекающими из нее выводами составляет органическую часть в общем теоретическом обосновании оппортунизма, соответствуя определенной стадии его развития и в то же время определенной стадии в эволюции самого Плеханова, то, с другой стороны, основные моменты этой теории нашли свое дальнейшее развитие в механистической теории кризисов Р. Люксембург и т. Бухарина.

Оба — и Плеханов и Р. Люксембург — видели причину кризисов не в основном внутреннем противоречии капиталистического способа производства, а в условиях распределения и обмена, не во внутренних противоречиях капиталистического общества как такового, а во внешних противоречиях между капиталистическими странами или между последними и некапиталистической средой, т. е., по терминологии Бухарина, не внутри «системы», а «между системой и средой». В этом сказались как общая у них обоих склонность к механицизму, так и лежащая в основе их экономических теорий меновая концепция, отрыв обращения от производства, непонимание диалектического единства производства и обращения.

Оба они — Плеханов и Р. Люксембург — видели границы капиталистического производства не в развиваемых им внутренних противоречиях и особенно в классовом антагонизме и классовой борьбе, а в ограниченных размерах рынка, и потому, во-первых, считали в принципе неизбежным превращение капиталистических кризисов в один сплошной хронический кризис, а, во-вторых, самое обострение классовой борьбы и пролетарскую революцию рассматривали как следствие абсолютной, автоматической невозможности дальнейшего развития капитализма, вместо того чтобы возможность самого существования капитализма обусловить обострением классовой борьбы и развитием пролетарской революции. Правда, Р. Люксембург выражала надежду на то, что пролетарская революция положит конец господству капитала, до того как он подчинит себе весь мир и тем самым уничтожит условия для своего собственного дальнейшего развития, и не только надеялась, но и активно боролась за осуществление этой надежды — и в этом ее несомненное и огромное (субъективное) преимущество перед Плехановым. Но объективно ее теория, совершенно так же как теория Плеханова и в резком противоречии с революционной теорией Маркса—Ленина, содержит в себе, во-первых, признание возможности автоматического крушения капитализма, и, во-вторых, она полагает, что именно этой «невозможностью» дальнейшего развития капитализма создаются необходимые предпосылки пролетарской революции.

Наиболее полно разработал механистические основы, содержащиеся в плехановской теории кризисов, т. Бухарин, на теории которого замечательно однако сильное влияние также Гильфердинга, Богданова, а также Р. Люксембург.

Теория т. Бухарина несомненно содержит в себе значительные черты отличия от теории Плеханова, которых мы отнюдь не имеем намерения отрицать.

Подобно Плеханову, т. Бухарин объясняет кризисы не основным внутренним противоречием капиталистического способа производства, а анархией, неорганизованностью капиталистического производства, рассматриваемой как самостоятельный и притом чисто внешний признак капитализма но коренящийся в его внутренних противоречиях и потому могущий быть устраненным без уничтожения самого капитализма. (теория организованного «государственного капитализма»). Подобно теории Плеханова в ее позднейшей редакции («Первый проект программы РСДРП»), теория т. Бухарина, установив возможность «организованного капитализма», долженствующего как будто устранить кризисы, приходит далее к объяснению последних ростом соперничества капиталистических стран на мировом рынке, объясняя, правда, само это соперничество несколько отлично от теории Плеханова. Подобно Плеханову, хотя опять-таки давая этому несколько иное объяснение, Бухарин утверждает, что капиталистическая экспансия приводит, с одной стороны, к ослаблению кризисов, но, с другой стороны, к созданию таких условий, при которых дальнейшее развитие производительных сил вообще становится невозможным. Наконец, именно в этой абсолютной невозможности дальнейшего развития производительных сил т. Бухарин, подобно Плеханову, усматривает непосредственную предпосылку пролетарской революции.

Роман Ефимович Вайсберг

6 апреля 1935 года после продолжительной и тяжелой болезни скончался член Коммунистической академии, зам. директора Ин-та экономики Комакадемии **Роман Ефимович Вайсберг**.

Тов. **Вайсберг** пришел на работу в Комакадемии в 1933 году. В течение ряда лет т. **Вайсберг** был редактором газеты «Экономическая жизнь», членом президиума Госплана СССР. Смерть т. **Вайсберга** является тяжелой утратой для экономического теоретического фронта. За свою сравнительно короткую жизнь т. **Вайсберг** написал и опубликовал ряд работ, большое количество журнальных статей по актуальным вопросам теоретической экономики и теории советского хозяйства. Литературная продукция т. **Вайсберга**, опубликованная в разные периоды его теоретической деятельности, неоднократно встречала положительную оценку со стороны партийно-советской печати. В 1921—1925 гг. т. **Вайсбергом** опубликован ряд работ и статей:

1. Деньги и цены (подпольный рынок в период военного коммунизма), Госплан, 1925 г.
2. Буржуазная идеология в экономической литературе, «Плановое хозяйство», 1925 г., № 11.
3. «Внеклассовый» проф. И. Г. Александров, «Плановое хозяйство», 1925 г., № 1.
4. Единый трудовой процесс. Киевское государственное изд-во, 1921 г.
5. Хозяйство СССР как переходное. «Плановое хозяйство», 1925 г., № 9, и целый ряд других статей.

В этих работах и статьях т. **Вайсберг** ведет борьбу против буржуазной идеологии в области экономической теории. В 1925—1930 гг. теоретическая деятельность т. **Вайсберга** еще более развернулась. В этот период им написан и опубликован ряд ценных работ по актуальным вопросам теории советского хозяйства:

1. Принципы и методология перспективного планирования к совещанию плановых органов в марте 1928 г. Госплан СССР, 1928 г.
2. Проблемы пятилетнего перспективного плана. Государственное издательство, 1928 г.
3. Буржуазные извращения в области планирования, «Плановое хозяйство», 1930 г., № 1.
4. Вопросы обобществления в пятилетнем плане. «Плановое хозяйство», 1927 г., № 12.
5. Ленинская кооперация в пятилетнем плане. «Плановое хозяйство», 1929 г., № 3.
6. Выступления в прениях по докладу В. Милюткина «Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства» на 1-й Всесоюзной конференции аграрников-марксистов 20/XII 1929 г. Книга «Труды 19-й Всесоюзной конференции аграрников-марксистов». Изд. Комакадемии, 1930 г.
7. «Госкапитализм», специалисты и наша критика. «Большевик», 1926 г., № 5.
8. Десять лет изпа и плановой системы. «Плановое хозяйство», 1931 г., № 2—3.
9. О процессах обобществления (Вопросы ленинизма). «Плановое хозяйство», 1927 г., № 1.
10. Общественный продукт при капитализме и в СССР. «Плановое хозяйство», 1927 г., № 5.
11. Оппозиция и пятилетний план (Дискуссионный листок, № 9). Сборники дискуссионных материалов, вып. 2, Гос. изд., 1928 г.
12. План социалистического наступления (О пятилетке), «Партработник», 1929 г., № 9.
13. Процессы обобществления и правая опасность. В книге «Против правой опасности и примиренчества». Сб. «Госуд. изд-во», 1929 г.
14. Теория и практика предательства. По поводу книги К. Реннера. «Теория капиталистического хозяйства». «Плановое хозяйство», 1936 г., № 12.

15. Народный доход СССР и оппозиционные выступления. «Спутник коммуниста», 1927 г., № 22 (43).

16. На путях к Дауэсу (ответ Шанину). «Большевик», 1926 г., № 6 и т. д.

Особенное внимание уделяется т. Вайсбергом в опубликованных в этот период работах вопросам планирования нашего народного хозяйства, проблемам первой пятилетки, разоблачению всякого рода извращений в области планирования.

Наиболее интенсивной является теоретическая деятельность т. Вайсберга в период 1930—1935 гг. В этот период т. Вайсбергом были опубликованы следующие работы и статьи:

1. «Объективная» наука плановиков-вредителей. Сборник «Вредительство в теории и практике планирования» (Институт экономических исследований Госплана СССР).

2. «Объективная» наука госплановских вредителей. «Плановое хозяйство», 1930 г., № 10—11.

3. Фронт планирования и вредительство. «Большевик», 1930 г., № 19—20.

4. Проблемы народнохозяйственного планирования. «Проблемы экономики», 1934 г., № 1.

5. Этапы народнохозяйственного планирования. Сборник «Этапы экономической политики СССР», 1934 г.

6. 15 лет планирования. «Плановое хозяйство», 1932 г., № 6—7.

7. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР, т. II, ч. 2-я; 1930 г., глава о кооперации.

8. Марксизм и планирование социалистического строительства (статья в сборнике Института экономики «К 50-летию смерти Карла Маркса») и другие работы.

Большой заслугой т. Вайсберга является то, что он с большевистской остротой разоблачает вредительские теории в области планирования. Тов. Вайсберг в этот период ведет решительную борьбу на два фронта в области экономической теории — против контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма.

Но этими работами и журнальными статьями не исчерпывается теоретическая деятельность т. Вайсберга. Тов. Вайсбергом опубликовано большое количество содержательных рецензий на самые разнообразные работы в области экономической теории и целый ряд газетных статей, в которых он касается наиболее животрепещущих вопросов политики нашей партии.

В 1923/24 г. т. Вайсберг стал на антипартийный путь, примкнув к троцкистам, но в дальнейшем он исправил эту ошибку, по-большевистски борясь за генеральную линию партии.

С 1933 г. т. Вайсберг проводит и большую научно-организационную работу. Как один из руководителей Института экономики Комкадемии (зам. директора) он принимает активное участие в руководстве подготовкой Институтом выпуска ряда работ, встретивших в общем одобрение партийно-советской печати. Незадолго до своей смерти т. Вайсберг закончил в основном учебник по экономической политике, над которым он не прекращал работать и во время своей болезни. Несмотря на свое крайне болезненное состояние, т. Вайсберг не знал усталости в работе. Он работал с энтузиазмом, проявляя подлинный героизм труда. Всегда бодрый и жизнерадостный, он категорически отводил всякие доводы о том, что ему нужно отдохнуть или лечиться. В памяти всех товарищей по работе покойного Романа Ефимовича Вайсберга останется образ большевика, талантливого научного работника, в котором поразительная энергия, исключительная преданность порученной партий работе побеждали физический недуг.

Институт экономики Комкадемии.

Л. РОЗЕНБЕРГ, История политической экономии, часть первая, изд. Института экономики Комкадемии, М. 1934 г., 303 стр., тираж 75 000 экз., цена 2 руб., переплет 75 коп.

Рецензируемая книга—первая часть ведущейся автором ее работы по истории политической экономии. Она представляет собой в переработанном и дополненном виде курс лекций, читанных т. Розенбергом в Экономическом институте красной профессуры и ИКП мирового хозяйства и мировой политики.

В девяти лекциях (не считая вводной) т. Розенберг излагает историю политической экономии от ее зарождения в работах меркантилистов, давших «первую теоретическую разработку современного (т. е. капиталистического. — С. В.) способа производства» (Маркс), до Рикардо включительно.

Охваченный в книге период был периодом бурного развития капитализма, и это поступательное движение вперед капиталистической экономики нашло свое выражение в восходящем развитии буржуазной политической экономии, которая достигла своего зенита в работах классиков, являющихся одним из источников марксизма.

Книга издана в качестве пособия для вузов, в которых преподается история политической экономии. Отсутствие марксистско-ленинских учебных пособий по этому предмету остро ощущается. Невозможно доподлинное изучение марксистско-ленинской политической экономии без критического изучения буржуазных и мелкобуржуазных экономических теорий.

Между тем имеющиеся работы, претендующие в той или иной мере заполнить этот пробел, совершенно не соответствуют своему назначению. В особенности это относится к враждебной нам антимарксистской работе меньшевика-идеалиста Рубина «История экономической мысли».

Мы говорим тут лишь об учебных пособиях, ибо сама марксистско-ленинская история политической экономии, которая вместе с тем есть и критика буржуазных и мелкобуржуазных теорий, дана в работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Книга т. Розенберга бесспорно является шагом вперед в деле создания марксистско-ленинского учебника по истории политической экономии. Она в известной мере заполняет имеющийся пробел в учебной экономической литературе. С этой точки зрения следует приветствовать появление работы т. Розенберга.

Если дать общую оценку рецензируемой книги, то оценка должна быть дана в основном положительная, ибо книга обладает рядом достоинств. Но вместе с тем она не лишена и существенных недочетов, которые должны быть автором учтены и в последующем исправлены.

Содержание книги разбито на десять лекций. В первой, вводной лекции дается общая характеристика истории политической экономии. Тут выясняются предмет, метод и задачи науки. Во второй, третьей и четвертой лекциях излагаются возникновение, развитие и разложение меркантилизма и возникновение классической школы. Пятая и шестая лекции переносят нас из Англии во Францию и посвящены в основном физиократической школе, седьмая и восьмая — Адаму Смиту, девятая и десятая — Давиду Рикардо.

Книга начинается с изложения предмета, метода исследования и задач истории политической экономии. Если учесть, что книга рассчитана на подготовленного читателя, уже знакомого с работами Маркса, то против подобного порядка изложения возражать не следует.

Тов. Розенберг правильно определяет предмет истории политической экономии. «Предметом исследования истории политической экономии, — говорит он, — является сама политическая экономия» (стр. 5), развивающаяся вместе с развитием буржуазной экономики. Отдельные школы и направления в политической экономии (меркантилисты, физиократы, классики) — ступени в развитии буржуазной политической мысли, выражающие развитие производительных сил и производственных отношений капиталистического общества и присущих ему противоречий. Появление марксистской политической экономии было вместе с тем и «смертным часом» для научной буржуазной экономической мысли.

Маркс использовал научные элементы, имевшиеся в работах его предшественников: «Его учение, — говорит Ленин, — возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»¹.

Как Маркс, так и его величайшие продолжатели — Ленин и Сталин — при дальнейшей научной разработке проблем политической экономии критически перерабатывали научное наследство буржуазии. Изучение теории Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина требует знания работ их предшественников. Изучение в частности их экономической учения требует знакомства с историей политической экономии.

Тов. Розенберг правильно замечает, что «политическая экономия не может изучаться изолированно не только от экономических и политических интересов, но и от развития научной и философской мысли», ибо развитие политической экономии тесно связано с развитием других наук.

В отличие от буржуазных историков политической экономии, изучающих последнюю в свете «духа» времени, самодвижения мысли и т. д., марксистско-ленинский историк изучает политическую экономию, как и другие науки, пользуясь методом материалистической диалектики. Только на основе этого метода можно вскрыть действительную сущность той или иной экономической теории и доподлинные экономические и политические классовые интересы, которые находят свое выражение в теории. Совершенно аксиоматично, что история политической экономии должна изучаться с точки зрения классовой борьбы.

Весьма кстати и совершенно правильно т. Розенберг отмечает антимарксистскую, идеалистическую методологию социал-фашиста Гильфердинга и подмену им Маркса Махом. Гильфердинг — не исключение. Применение антимарксистской методологии относится ко всем социал-фашистским теоретикам, это относится и к меньшевику Рубину, пытавшемуся «сблизить» марксизм с современной буржуазной политической экономией.

Нельзя не согласиться с определением т. Розенберга задач истории политической экономии:

«История науки должна вскрыть закономерность развития науки. История политической экономии должна вскрыть закономерность развития политической экономии» (стр. 12). Эта закономерность лежит «не в «биологической необходимости», вытекающей из условия человеческого существования вообще, и не в «функции нашего мышления, вытекающей из его природы». Закон развития политической экономии следует искать в развитии самой экономии, производительных сил и производственных отношений, в развитии противоречий между ними, что выражается в антагонизме классов и обострении классовой борьбы» (стр. 13).

Анализируя ту или иную экономическую теорию, марксистско-ленинский историк должен вскрыть ее классовые корни. Исходя из этой правильной позиции, т. Розенберг каждой рассматриваемой школе и направлению в политической экономии предпосылает краткий обзор экономических и социально-политических условий, при которых данная школа и направление возникли. Исходя из этих условий, дается и характеристика отдельных теорий.

Но наряду с этой правильной трактовкой т. Розенберг допускает ряд нечетких формулировок о предмете и методе истории политической экономии, которые могут привести к неверным выводам.

Так т. Розенберг пишет:

«Борьба течений, направлений, школ в области экономической мысли есть одна из форм борьбы классов и составляет одно целое с борьбой на хозяйственно-политических фронтах. И именно в этом аспекте наука политической экономии становится объектом другой науки — истории политической экономии» (стр. 5) (разрядка моя. — С. В.).

Совершенно верно, что история политической экономии, которая должна изучать закономерности развития политической экономии, должна это делать в аспекте «борьбы течений, направлений, школ». Нечеткость приведенного утверждения состоит в том, что в нем имеются элементы отождествления истории политической экономии с самой политической экономией, история которой подлежит изучению.

В самом деле, ведь и политическая экономия как в широком, так и в узком смысле изучает законы движения соответствующих обществ с классовых позиций, если это общества классовые.

Производственные отношения капиталистического общества изучаются Марксом, Лениным, Сталиным с классовых позиций пролетариата, в «аспекте» борьбы классов, следовательно «борьбы течений, направлений, школ».

Выходит, что приведенное место из работы т. Розенберга относится и к политической экономии и к ее истории. Особенность, специфичность предмета истории политической экономии как науки, изучающей закономерности развития политической экономии, тут не подчеркиваются, а, наоборот, смазываются.

¹ Ленин, Три источника и три составных части марксизма;

Неверным является утверждение, что «на каждой данной исторической ступени сложившаяся политическая экономия выступает как готовый результат предшествующего развития и более или менее законченная система. Как готовый результат она выступает и в наше время, т. е. на современной стадии ее развития. В готовом же результате исчез процесс, не видны последовательные стадии развития, пропадают посредствующие звенья и переходы» (стр. 5).

Неверно то, что «на каждой данной исторической ступени сложившаяся политическая экономия выступает как готовый результат предшествующего развития». Если бы это было так, то экономическая теория промышленного капитала выступила бы «как готовый результат» в эпоху империализма, теория империализма при социализме и т. д.

Не совсем понятно и утверждение, что «в готовом результате исчез процесс», что тут не видны «последовательные стадии развития», что «пропадают посредствующие звенья и переходы».

Правда, последовательные стадии развития науки, процесс ее создания, выявляются и исследуются в истории науки. Но они получают отражение и в теории науки, ибо новая теория возникает в борьбе и на основе предыдущих теорий. Марксистская политическая экономия возникла в борьбе с буржуазной политической экономией. Рикардо критикует Смита, Смит — физиократов и меркантилистов. Неверно следовательно говорить о том, что в теории «пропадают посредствующие звенья и переходы», что тут пропадает процесс.

Именно в «борьбе течений, направлений, школ», которая отражает в теории реальную борьбу, происходящую в реальной жизни, борьбу классов и классовых интересов, создаются экономические теории.

Нам представляется неверным следующее утверждение т. Розенберга о методе исследования:

«История политической экономии имеет дело с экономическими теориями, системами, концепциями. Прежде всего с ними знакомится историк и знакомится по имеющимся у него литературным источникам. Но это лишь предварительная (разрядка моя. — С. В.) работа; настоящая же (разрядка моя. — С. В.) его работа — работа в качестве историка политической экономии — заключается в раскрытии экономических и политических интересов, выражениями которых являются исследуемые экономические учения» (стр. 9).

Неверным это утверждение нам кажется потому, что здесь искусственно, механически разорвано ознакомление с литературными источниками и их классовый, экономический и политический анализ. «Предварительная» и «настоящая» работа историка политической экономии — единая работа. Работа по ознакомлению с литературными источниками есть одновременно и работа по раскрытию их содержания. Эта «предварительная» работа есть также «настоящая» работа.

Возникновение, развитие и разложение меркантилизма и возникновение классической школы

Тов. Розенберг в основном правильно вскрывает основы и причины возникновения, развития и разложения меркантилизма. Точно так же как торговый капитал является историческим предшественником промышленного капитала, меркантилизм является предшественником научной буржуазной политической экономии. Хозяйственные и социально-политические условия превращения феодального в капиталистический способ производства являются теми условиями, в которых возник меркантилизм и как система экономической политики и как система теоретических взглядов.

Время раннего капитализма было временем зарождения меркантилизма.

Тов. Розенберг к сожалению говорит об «эпохе торгового капитала» (стр. 13, 23, 28 и др.), он говорит о «хозяйственном и социально-политическом строе эпохи торгового капитала». Элементарно напоминать, что такой самостоятельной эпохи не было. Стоит вспомнить неоднократные высказывания Маркса о том, что торговля и торговый капитал обслуживали сферы производства при разных способах производства, не образуя самостоятельного способа производства, самостоятельной эпохи, самостоятельного «хозяйственного и социально-политического строя».

Говоря о развитии меркантилизма, т. Розенберг пишет, что «меркантилизм принимает вид не торговой политики, а промышленной», но он правильно спорит против тех, которые принимают вид за сущность. Он справедливо замечает, что и тогда «производство... продолжает рассматриваться как необходимое условие для развития обращения, которое считается истинным источником богатства» (стр. 32).

Тов. Розенберг правильно характеризует классовую основу меркантилизма как выражение «классовых интересов купеческой буржуазии». Автору следовало бы в большей, чем это он сделал, степени отметить связь последней с королевской властью, связь, которая сыграла немалую роль в борьбе с феодализмом.

Сущность меркантилизма (раннего и позднего) и его классовая основа весьма рельефно выступают из разбора двух работ меркантилистов: Вильяма Стаффорда «Критиче-

ское изложение некоторых жалоб наших соотечественников» и Томаса Мэна «Сокровище Англии во внешней торговле, или баланс внешней торговли».

Значительное место и внимание уделены в книге Вильяму Петти—этому виднейшему представителю буржуазной политической экономии XVII в., одному «из гениальнейших, по словам Маркса, и оригинальнейших экономических исследователей», «основателю современной политической экономии», предшественнику классической политической экономии Адама Смита и Давида Рикардо.

Вильям Петти, как известно, положил начало теории трудовой стоимости как основы средних цен. И совершенно правильно поступает т. Розенберг, останавливаясь на социально-экономической основе возникновения этой теории. Он отмечает, что «обращение становится моментом производства, и по разным линиям начинается ревизия меркантилизма. Подвергаются пересмотру меркантильное понимание денег, обращение как источника богатства, а главное, начинаются поиски внутренних экономических закономерностей, т. е. за видимостью вещей начинают искать сущность их. По мере того как обращение становится моментом производства, оно перестает быть самодовлеющим феноменом. Ключ к пониманию явлений, выступающих в обращении, начинают искать в производстве» (стр. 43).

В этом, а не в антимарксистском «объяснении» Рубина «усилением теоретического интереса» и «стихийным, рыночным ценообразованием» следует искать основы возникновения теории трудовой стоимости.

Важно замечание т. Розенберга, что Петти помимо изучения фактов широко пользовался дедуктивным методом, и это позволило ему подойти к пониманию того, что исследование должно не только вскрыть сущность явления, но и форму ее проявления.

Следует отметить, что весьма ценно освещение т. Розенбергом вопросов методологии, разбираемых автором. Это относится не только к Петти, но и к другим. Методологическое освещение излагаемых теорий несомненно поможет читателю не только лучше понять того или другого из изучаемых авторов, но и методологию Маркса.

Изучая стоимость в ее относительной форме, Петти видит лишь ее денежное выражение. Не всякий труд, по Петти, создает меновую стоимость, а только затрачиваемый на производство серебра, всякий иной труд—лишь в меру того, поскольку продукты его обмениваются на серебро. У Петти два мерила стоимости: труд и природа. «Труд есть отец богатства, а природа — его мать» (Маркс). Эти два мерила он пытается свести к одному — пищевым пайкам.

После краткого изложения теории стоимости Петти т. Розенберг переходит к его теории заработной платы и ренты — земельной и денежной. Тов. Розенберг справедливо замечает, что «у Петти еще нет осознанного деления рабочего времени на необходимое и прибавочное, но фактически (разрядка т. Розенберга) он сводит рабочее время к такому делению» (стр. 53).

Петти стоит на позициях существовавшей в его время системы законодательного определения максимальной зарплаты. Он стоит на страже интересов буржуазии.

В отношении земельной ренты следует сказать, что Петти не отличает капиталистической земельной ренты, но он фактически исследует капиталистическую земельную ренту. Маркс в теории ренты Петти видит теорию прибавочной стоимости. Маркс пишет, что «Петти изложил дифференциальную ренту лучше, чем Адам Смит»². И с полным основанием т. Розенберг заявляет, что «сведение ренты к прибавочному продукту и прибавочной стоимости даже в понимании Петти представляло большой шаг вперед» (стр. 55).

Теория ренты Петти опирается на его теорию зарплаты, ибо издержки производства хлеба, по Петти, складываются из семян и содержания работника.

Земельная и денежная (процент) ренты — две формы существования ренты. Но денежная рента выводится Петти из земельной. Последняя для него—истинная форма прибавочной стоимости.

Что касается общей оценки Петти, нам кажется, что т. Розенберг слишком безоговорочно считает его меркантилистом, а не только «опутанным меркантильными представлениями».

Недостаточно оттенено т. Розенбергом то, что Петти отражает революционность молодой буржуазии в ее борьбе с феодализмом. Неверна и противоречит Марксу мысль т. Розенберга о том, что закон стоимости мог быть открыт до капитализма. И поэтому неверно получается в трактовке т. Розенберга, что *justum pretium* средних веков, справедливые цены — выражение закона стоимости.

Недостаточно увязано трактуется т. Розенберг стоимость у Петти и прибавочную стоимость.

Между тем «под естественной ценой он понимает на самом деле стоимость, а это только и интересует нас здесь, так как от определения стоимости зависит определение прибавочной стоимости». Это методологическое указание Маркса т. Розенбергом в достаточной мере не учтено.

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 22.

² Маркс, Теории прибавочной стоимости, изд. 1931 г., т. I, стр. 17.

Мы лишены возможности сколько-нибудь подробнее остановиться на том разделе, в котором рассматривается развитие экономической мысли после Петти. В чрезвычайно кратких чертах тут сделана попытка показать создание важнейших элементов политической экономики как классической, так и вульгарной. Тов. Розенберг затрагивает работы Джона Локка, Дэвидя Норса, Джона Лоу, Давида Юма, Джемса Стюарта. Кроме того он дает краткий обзор по проблемам: теории стоимости (Веннами Франклин, Барбон, Галиани, Кондильяк), теории денег, прибыли, народонаселения и заработной платы.

Недостатком тут является наряду с чрезмерной сжатостью анализа отсутствие обобщенного итога этого периода в развитии политической экономики. Это бесспорно затруднит читателю проработку и усвоение названных авторов.

Физиократы

Рассмотрение системы физиократов т. Розенберг начинает с краткого освещения классовой борьбы, социально-политического строя Франции во второй половине XVII и первой половине XVIII в. В отличие от других разделов тут мы не находим экономической характеристики рассмотренного периода. Не показаны особенности процесса возникновения и развития во Франции капитализма, особенности, получившие выражение в развитии экономической мысли во Франции. Отсутствие подобной экономической характеристики затрудняет понимание дальнейшего изложения, понимание системы физиократов и ее значения.

Тов. Розенберг правильно отмечает, что критики меркантильной политики Кольбера (кольбертизма) являются вместе с тем и предшественниками физиократов. Он останавливается на наиболее известных представителях экономической мысли того времени: Бугильбере, д'Аржансоне и Контильоне.

Франсуа Кенз — основатель школы физиократов — принципиально обосновывает и применяет к общественным наукам метод естественных наук. Кенз в этом отношении является продолжателем Петти. В основе у Кенз лежит идея естественного порядка. Тов. Розенберг правильно отмечает, что большая научная заслуга Кенз состоит в его понимании «экономического процесса как естественного процесса, имеющего свои внутренние закономерности». С представлениями об естественном праве и естественном порядке связано то, что капиталистический способ производства рассматривается Кенз как естественный способ производства, и законы, установленные для капитализма, приобретают у него универсальный, неисторический характер, господствующий над всеми способами производства.

Экономическое развитие и упадок, по учению⁴ физиократов, зависят от осуществления или нарушения требований естественного порядка.

Кенз видит только натуральную (рост материи), а не общественную сторону процесса производства.

Физиократы требовали ничем не стесняемой свободы конкуренции, отстранения от промышленности всякого государственного вмешательства. Коротко: «Laisser faire, laisser passer».

Они могут быть поэтому рассматриваемы как провозвестники экономического либерализма.

Естественный порядок наглядно изображен Кенз в его знаменитой «экономической таблице». Общеизвестно ее громадное научное значение, и правильно поступает т. Розенберг, уделяя ей особое внимание.

«Физиократы перенесли вопрос о происхождении прибавочной стоимости из области обращения в область непосредственного производства и тем положили основание анализу капиталистического производства»⁴. Даваемый т. Розенбергом обзор учения физиократов неплохо иллюстрирует это положение Маркса.

Физиократическая система — выражение капиталистических производственных отношений, пробивающих себе дорогу в рамках феодализма, поэтому вполне понятно, что сущность производства физиократы видят в производстве прибавочной стоимости (учение о «чистом продукте»).

У физиократов, говорит Маркс, феодализм принимает «буржуазный вид, буржуазное общество получает феодальную внешность». «Эта призрачная внешность обманула принадлежащих к дворянству последователей доктора Кенз и прежде всего патриархального чудака — Мирабо старшего» (М а р к с).

Это указание Маркса чрезвычайно важно — оно дает возможность выяснить буржуазное существо учения физиократов, маскируемое феодальной внешностью.

Не случайно физиократы производство «чистого продукта» выводят только из земледелия и производительным трудом считают лишь труд земледельческий. Для того чтобы показать, что прибавочная стоимость создается не в сфере обращения, а в сфере производства, следовало прежде всего обратиться к земледелию, ибо там процесс создания прибавочной стоимости выявляется независимо от обращения.

⁴ М а р к с, Теория прибавочной стоимости, изд. 1931 г., т. I, стр. 38.

Этим объясняется и то, что физиократическое учение возникло во Франции — стране, где преобладало земледелие.

Маркс дает исчерпывающий анализ буржуазного существа учения физиократов. Он пишет: «...в выводах, сделанных самими физиократами, мнимое превознесение землевладения превращается в его экономическое отрицание и в утверждение капиталистического производства. Все налоги переносятся на земельную ренту, или иными словами: земельная собственность отчасти конфискуется, — мера, которую старалось провести, несмотря на протест Редерера и других, французское революционное законодательство и которая представляет собою окончательный вывод из современной, усовершенствованной Рикардо, политической экономики. Налоги всецело взваливаются на земельную ренту, так как она является единственной прибавочной стоимостью и так как вследствие этого всякое обложение других форм дохода сводится в конце концов к обложению земельной собственности, но сводится косвенным, т. е. вредным в экономическом смысле путем, в ущерб производству. При таком исключительном обложении земельной собственности бремя налогов, а следовательно и всякое государственное вмешательство, было отстранено от промышленности, и таким образом, она совершенно освобождалась от этого последнего. И это делается как будто в интересах землевладения, а не промышленности»⁵.

Исходя из этих высказываний Маркса, т. Розенберг дает в основном верную характеристику физиократов, включая Тюрго, социальной сущности их системы и ее специфичности.

Нам однако кажется, что т. Розенберг слишком в плену отраслевого сельскохозяйственного интереса физиократов. Маркс учитывает значение сельского хозяйства в системе физиократов и дает, как видно из приведенных высказываний, этому обстоятельству исчерпывающее объяснение. Основное у них состоит в изучении прибавочной стоимости, происхождение которой они перенесли в производство, положив тем самым «основание анализу капиталистического производства», ибо сущность последнего они видели в производстве прибавочной стоимости. Вся их система по существу выражает классовые интересы нарождающейся промышленной буржуазии в ее борьбе с феодальным землевладением.

Адам Смит

Основное внимание и место в работе т. Розенберга уделено вполне естественно классикам политической экономики — Адаму Смиту и Давиду Рикардо. Разделы, посвященные Смиту, принадлежат к сильным частям книги. Тов. Розенберг освещает эпоху Смита, он дает общую характеристику мануфактуры, выясняет, как развитие мануфактуры подготовило переход к машинному производству, показывает, как этот процесс происходил в Англии, т. е. описывает английский капитализм времен Смита. Критическому изложению «Богатства народов» предпосланы краткие биографические данные о Смита и общая характеристика структуры и содержания экономической работы Смита «Исследования о богатстве народов». После этого автор переходит к изложению и критике экономической теории Смита. Он останавливается на узловых вопросах — разделении труда и обмен; деньги, их происхождение и значение; меновая стоимость товара и труда; три дохода трех основных классов; капитал, его состав и разные его виды; общественный капитал и его воспроизводство; производительный труд и накопление.

Давая общую характеристику «Богатства народов», т. Розенберг отмечает, что «среди книг, сделавших эпоху, найдется мало таких, которые изобилуют столь многими кричащими противоречиями, как «Богатство народов» (стр. 160).

Эти «противоречия», — объясняет т. Розенберг, — по их классовой природе суть теоретическое воспроизведение противоречий буржуазной экономики, и в основном они делятся на две группы: одни обусловлены противоречиями, вытекающими из недоразвитости капитализма времен Смита, другие (более глубокие) являются противоречиями самой природы капиталистического способа производства. Первые преодолевались с дальнейшим развитием этого способа производства самими буржуазными экономистами, в первую очередь Рикардо; вторые — в пределах буржуазного кругозора и соответственной ему метафизической методологии — не только не могли быть преодолены, но и не могли быть поняты (стр. 160).

Удачны страницы, посвященные методологии Смита, ее дуализму. У Смита «между сущностью и видимостью значительный разрыв, и потому они друг друга исключают». Первая (сущность) изучается дедуктивным методом, вторая (видимость) — индуктивным. Этот дуализм методологии, взгляд на капиталистические формы производства как на абсолютные, вечные и естественные формы, не давшие Смиту возможности понять историческую обусловленность стоимости, товара, денег, капитала и т. д., ко-

⁵ М а р к с, Теории прибавочной стоимости, изд. 1931 г., т. I, стр. 44.

реляются в классовых позициях Смита. Смит, как известно, начинает свою книгу с анализа разделения труда. И т. Розенберг правильно подчеркивает, что уже тут, в исходном пункте исследования, у Смита кроются противоречия, предвещающие остальные: «С одной стороны, характерное для буржуазного общества разделение труда выдается за разделение труда вообще, за н а д и с т о р и ч е с к и й закон развития богатства народов; с другой стороны, этот закон фактически заполняется конкретным содержанием, взятым из одной определенной экономической формации, т. е. капиталистической» (стр. 169).

Смит исходит из трудовой теории стоимости. Он в известном смысле является продолжателем Петти. Удачным следует признать сравнение, которое приводит т. Розенберг между Петти и Смитом.

«Таким образом, — пишет т. Розенберг, — если Петти под влиянием меркантилизма меновую стоимость сводит к цене, то Смит, напротив, борясь с меркантилизмом, сводит цену к меновой стоимости... если она не воплощена в золоте или серебре; второй этому воплощению значения не придает. Первый ищет правил, определяющих отношение товара к золоту или серебру, второй — отношения товара к товару. Первый не понимает, что в деньгах товарная стоимость лишь выражается и реализуется, второй — что товарная стоимость только в деньгах может выражаться и реализовываться. Словом, говоря о меновой стоимости товаров, Петти понимает под ней естественную цену; Смит же, говоря об естественной цене товаров, под последней понимает их меновую стоимость».

Оба они меновую стоимость, или естественную цену товара, определяют трудом, т. е. труд является тем мерилом, которое определяет количественное отношение, по Петти, товара к деньгам, а по Смицу — товара к товару» (стр. 182).

Но, развивая теорию трудовой стоимости, Смит в ней запутался. Тов. Розенберг дает ясный и четкий анализ ошибок Смита, смешавшего живой труд и труд, овеществленный в товаре.

Совершенно правильно, исходя из товара и товарного обмена, Смит обнаруживает, что «закон тотчас же нарушается и товары обмениваются не пропорционально представляемым ими количествам труда при обмене между капиталом и трудом, т. е. между овеществленным и живым трудом. Смит из этого противоречия выходит путем отказа от теории стоимости для развитого капиталистического хозяйства, оставив ее для первобытного».

Надо однако иметь в виду указания Маркса, что «на развитие о б щ е й т е о р и и п р и б а в о ч н о й с т о и м о с т и (разрядка Маркса) это не влияет у него потому, что — как мы сейчас видели — он всегда придерживается здесь правильного определения стоимости рабочим временем, затрачиваемым на производство различных товаров»⁶. Это обстоятельство т. Розенбергом недостаточно подчеркнуто.

Правильно освещена в книге Розенберга и подвергнута убедительной критике догма Смита, согласно которой цена как отдельного товара, так и всей товарной массы распадается на доходы (заработная плата, прибыль, рента).

Коренные противоречия имеются у Смита при анализе доходов. Противоречивая теория зарплат. Мы не можем не согласиться с т. Розенбергом, когда он заявляет: «если отождествление заработной платы с продуктом труда приводит Смита, как мы видели, к проблеме распределения, то рассмотрение труда как товара приводит его к проблеме «стоимости труда», аналогичной проблеме меновой стоимости товаров» (стр. 190).

Противоречива и теория прибыли Смита. Прибыль, по Смицу, это, с одной стороны, вычит из продукта рабочего, с другой — естественное вознаграждение за капитал.

В отношении теории земельной ренты Смита т. Розенберг не без основания утверждает: «Теория ренты Смита еще более противоречива, чем его теория заработной платы и теория прибыли. Здесь концы с концами сведены еще в меньшей степени. Помимо того, что, двигаясь, так сказать, от теории трудовой стоимости, он строит одну теорию ренты, а, двигаясь от теории издержек производства, он строит другую; на его воззрениях на ренту, во-первых, лежит печать физикократизма, во-вторых, он чувствует, что в земельной ренте появляется новый фактор, которого нет в промышленности и который он объяснить не может» (стр. 194—195).

В капитале Смит видит решающий фактор «богатства народов», фактор, оплодотворяющий труд. Тов. Розенберг останавливается на трех частях теории капитала Смита: 1) на общей теории капитала, 2) на теории основного и оборотного капитала, 3) на теории разных применений капитала и различных его видов.

Подводя итог смитовских исследований воспроизводства общественного капитала, т. Розенберг пишет: «1. Анализ общественного производства Смит не дает и дать не может; помехой этому служит его догма, разложение цены товара на доходы, т. е. в конечном счете на $v + m$; с — постоянный капитал куда-то улетучивается. 2. Пытка выйти из затруднения цели не достигает: «изгнанный» капитал вновь вводит-

⁶ М а р к с, Теория прибавочной стоимости, изд. 1931 г., т. I, стр. 95.

ся под маской валового дохода, но это создает такую путаницу, что предмет исследования совсем исчезает из поля зрения. 3. Доход берется то как меновая стоимость (цена труда, прибыль), то как потребительная стоимость, как предметы, предназначенные для потребления. 4. Стирается грань между доходом и капиталом и становится невозможным переход от индивидуального капитала к общественному, хотя первый есть часть второго» (стр. 213).

Несмотря на то, что экономическая теория Смита изложена т. Розенбергом правильно и с достаточной полнотой, несмотря на правильную марксистскую критику, данную Смигу, мы не можем обойти ряд существенных, на наш взгляд, недочетов, допущенных и в этом разделе.

Начнем с характеристики Смита как экономиста определенного периода в развитии капитализма. Как известно, Маркс считал Смита «обобщающим экономистом мануфактурного периода». Розенберг считает это определение хотя и правильным, но слишком общим (стр. 140). Уточняя марксово определение, Розенберг считает, что Смит был «экономистом эпохи перехода от мануфактуры к машинному производству».

В этом «уточнении» Маркса Розенберг конечно не прав. Именно потому, что Смит был «обобщающим экономистом мануфактурного периода», он отводил машине рядом с разделением труда второстепенную роль. «С развитием крупной промышленности, — пишет Маркс, — подчиненная роль, которую он отводил машинам, вызвала возражение со стороны Landerdale'я, а в позднейшую эпоху — со стороны Ure'а».

Если бы Смит был экономистом периода промышленного переворота, а именно этот период и есть «эпоха перехода» к машинному производству, он не отводил бы машинам второстепенную роль и не заслужил бы вследствие этого упреков Landerdale'я и Ure'а в недооценке машин.

Тов. Розенберг многократно и убедительно вскрывает противоречия Смита. Но т. Розенбергу следовало бы учесть, что эти противоречия объясняются Марксом «более глубокими соображениями».

Маркс полностью выясняет причины противоречий у Смита. «Крупной заслугой А. Смита является то, что в нескольких главах (а именно 6, 7 и 8) первой книги, переходя от простого товарного обмена, с его законом стоимости, к обмену между овеществленным и живым трудом, к обмену между капиталом и наемным трудом, к рассмотрению прибыли и земельной ренты вообще, словом, к вопросу о происхождении прибавочной стоимости, он замечает, что здесь является трещина, что по каким-то причинам, остающимся впрочем непонятными самому Смигу, закон в его конечном проявлении фактически нарушается и обменивается большее количество труда на меньшее (с точки зрения рабочего) и меньшее его количество на большее (с точки зрения капиталиста). Заслуга Смита состоит еще в том, что он чувствует (именно это-то обстоятельство и вводит его в формальное заблуждение), что с накоплением капитала и с земельной собственностью — т. е. с отделением от труда его условий, выступающих теперь против него, — совершается изменение, кажущееся (а в результате также фактическое) превращение закона стоимости в свою противоположность»⁷.

В том, что Смит обнаруживает это противоречие, — его теоретическая сила, в том, что он сбивает его с толку, что он его не понимает, — его теоретическая слабость.

С этих именно позиций следовало бы подойти т. Розенбергу к противоречиям Смита в теории стоимости. Этого он к сожалению не сделал и ограничился изложением самих противоречий и их критикой.

Нам кажется правильным указание, отмеченное уже в печати, о неверной классификации т. Розенбергом смитовских определений производительного и непроизводительного труда⁸.

Основным недостатком раздела о Смиге, нам кажется, является недостаточная взаимосвязь отдельных частей, затрудняющих читателю уяснение того, что именно делает Смита классиком политэкономии, что нового дал он науке. Это замечание относится в частности и к разделу о Рикардо. В особенности досадно, что отсутствует связь между отдельными анализируемыми проблемами и прибавочной стоимостью — этой основой капитализма. «А. Смит развивает прибавочную стоимость по существу, как определенную, отличную от ее особых форм категорию; но это развитие не принимает у него отчетливой формы, и потому он вслед за тем смешивает прибавочную стоимость с более развитыми формами прибыли»⁹. Смит считает прибавочную стоимость излишком реализованного в товаре труда над оплаченным трудом. Но то обстоятельство, что он не отличает прибавочной стоимости от особых форм, привело его ко многим ошибкам и пробелам.

Кстати, неверным является утверждение т. Розенберга, что значение Смита как классика политэкономии не в том, что он является самостоятельным и оригинальным

⁷ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1923 г., стр. 326, прим. 14.

⁸ Маркс, Теории прибавочной стоимости, изд. 1931 г., т. I, стр. 106—107.

⁹ Журнал «Большевик» № 18, ст. Л. Сегаль.

¹⁰ Маркс, Теории прибавочной стоимости, изд. 1931 г., т. I, стр. 108.

мыслителем, не в том, что сам Смит дал нового, а в том, как он обработал (разрядка т. Розенберга) полученные другими и им самим знания» (стр. 160, примечание). Другими словами, в основном классификация и обработка уже добытых знаний делают, мол, Смита классиком.

Давид Рикардо

Построение раздела, посвященного Рикардо, завершителю классической политической экономии, примерно такое же, как и предыдущее. Рикардо жил и работал в чрезвычайно насыщенное крупнейшими событиями время. Последняя четверть XVIII и начало XIX в. включают промышленный переворот в Англии, Великую французскую революцию, антиякобинские и наполеоновские войны, континентальную блокаду Англии. Поэтому правильно поступает т. Розенберг, уделяя значительное внимание этой эпохе, ибо только при правильном понимании последней можно понять и значение Рикардо в развитии политической экономии. Начинает т. Розенберг с ознакомления читателя с промышленным переворотом, достаточно подробно для стоящих перед ним задач освещает сущность капиталистической фабрики и нового промышленного строя, развитие кредита, банков, биржи, сдвиги в классовой структуре Англии и ту политическую и идеологическую борьбу, которая происходила в Англии во времена Рикардо и участником которой он был. Затем т. Розенберг переходит к краткому описанию жизни и деятельности Рикардо. После кратких биографических сведений дается изложение социально-экономических и политических взглядов Рикардо, характеристика основного труда Рикардо, его «Начал политической экономии и податного обложения» и методологии Рикардо. После этого т. Розенберг переходит к более подробному разбору работы Рикардо. Тов. Розенберг излагает ее в такой последовательности: теория стоимости, капитал, прибавочная стоимость и прибыль, теория распределения и наконец неизбежность для Рикардо отрицания общих кризисов.

Интересны места, посвященные методологии Рикардо. Они значительно облегчают понимание дальнейшего изложения. Рикардо пользуется абстрактным методом; в этом отношении он продолжатель метода Петти, Кенэ, Смита. Но он дальше последовательно его развивает. Абстракции Рикардо неподвижны, метафизичны. Производственные отношения Рикардо абсолютизирует, считает неизменными, раз навсегда данными, в отличие от них производительные силы развиваются. Экономические категории, выражающие производственные отношения, не изменяются, как не изменяются и последние.

О методе Рикардо Маркс говорил следующее: «Вот в чем состоит метод Рикардо: он исходит из определения величин стоимостей товаров рабочим временем и затем исследует, не противоречат ли остальные экономические отношения, категории, этому определению стоимости, или насколько они это последнее модифицируют. С первого взгляда очевидно, что этот метод, с одной стороны, имеет историческое оправдание, являясь научною необходимостью в истории экономики, но что, с другой, он отличается научной недостаточностью, недостаточностью, которая проявляется не только в способе изложения (формально), но и приводит к ошибочным результатам, потому что этот метод перепрыгивает через необходимые промежуточные звенья и стремится показать непосредственным образом совпадение (Kongruenz) экономических категорий между собой»¹¹.

Великая историческая заслуга Рикардо для экономической науки в том, что он стоимость определяет рабочим временем. Это понимание стоимости он сделал исходным при изучении физиологии буржуазного общества. «С этой исторической заслугой, — говорит Маркс, — тесно связано то, что Рикардо открывает, формулирует экономическое противоречие классов, — как его обнаруживает внутренняя связь, — и таким образом в экономике формулируется, открывается историческая борьба и процесс развития в его корнях»¹².

Основной недостаток у т. Розенберга в этой части его работы состоит в том, что он совершенно недостаточно утено указание Маркса о подходе к критике Рикардо.

«В критике Рикардо, — говорит Маркс, — мы должны следовательно различать то, чего он сам не различал. Во-первых, его теорию прибавочной стоимости, которая у него конечно существует, хотя он не фиксирует прибавочной стоимости в ее отличии от ее особых форм, прибыли, ренты, процента. Во-вторых, его теорию прибыли»¹³.

В недостаточном использовании этого указания Маркса — основной недочет главы о Рикардо.

Наиболее полно и интересно даны те части, которые посвящены теории стоимости Рикардо и буржуазным и псевдомарксистским «комментаторам» Рикардо.

¹¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, изд. 1931 г., стр. 11.

¹² Там же, стр. 13.

¹³ Там же, стр. 15—16.

Как известно, Рикардо свою теорию стоимости начинает с критики Смита, с критики его смешения затраченного труда с покупаемым. Он считает, и в этом, как говорит Маркс, великая историческая заслуга Рикардо, что меновая стоимость товара прямо пропорциональна количеству затраченного на его производство труда и обратно пропорциональна производительной силе труда.

Но, определяя стоимость товара рабочим временем, необходимым для его производства, он исходит из наименее благоприятных условий производства.

Существеннейший порок теории стоимости Рикардо, как правильно отмечает т. Розенберг, — непонимание им формы стоимости.

Стоимость и цена производства у Рикардо — «категории, непосредственно совпадающие».

Тов. Розенберг с достаточным обоснованием приходит к следующему выводу:

«Отождествление стоимости с ценами производства не дает Рикардо возможности, как сказано, проследить процесс превращения прибыли в среднюю прибыль, а раз средняя прибыль из результата превращается в исходный пункт, то этим самым она становится и самостоятельным фактором наряду с трудом. И теория трудовой стоимости у Рикардо терпит крушение так же, как и у Смита, хотя он ее развивает гораздо дальше и глубже последнего» (стр. 263).

Буржуазная ограниченность Рикардо не дала ему возможности вскрыть физиологию буржуазного общества, он не мог видеть, понять исторически ограниченного, исторически обусловленного и переходящего характера капитализма и экономических категорий капиталистических производственных отношений. Но его историческая заслуга все же велика. Именно ввиду этой исторической его заслуги, ввиду того, что он «формулирует экономическое противоречие классов», Кэри «доносит на него, как на отца коммунизма».

«Система господина Рикардо, — писал Кэри, — есть система раздора... Она имеет тенденцию породить вражду между классами и нациями... Его книга — настоящее руководство для демгога, который стремится к власти при посредстве конфискации земли (agrarianism), войны и грабежа»¹⁴.

С этим «доносом» связаны, от него берут свои истоки буржуазно-апологетические критики Рикардо.

И совершенно правильно поступает т. Розенберг, уделяя значительное внимание критике «комментаторов» Рикардо.

Эта критика дает читателю вполне ясное представление о той борьбе, которая была поднята вульгаризаторами, буржуазными и социал-фашистскими, против Рикардо и которая по существу направлена и против Маркса.

Среди этой плеяды «комментаторов» имеются такие, которые открыто и полностью отвергают теорию стоимости Рикардо; имеются такие, которые ее извращают в смысле теории издержек производства (вслед за Миллем Кассель, Бем-Баверк и др.); имеются такие, как проф. Мануилов, которые отрицают у Рикардо какую-либо определенную теорию стоимости. Туган-Барановский, с одной стороны, утверждает, что теория стоимости Рикардо, как равно и его предшественников — Петти, Смита, — никакого открытия не представляет. Он же утверждает, что Маркс ничего нового не прибавил к теории стоимости Рикардо. Тот же Туган-Барановский в другом месте утверждает, что Маркс совместно с Родбертусом создал совершенно новую теорию стоимости, ничего общего не имеющую с Рикардо.

Как и следовало ожидать, от этих «комментаторов» не отстают и социал-фашистские «комментаторы». Меньшевики-идеалисты (Гильфердинг, Рубин), противопоставляя Маркса Рикардо, представляют Маркса идеалистом; механист И. Розенберг утверждает, что «марксово учение о стоимости является зданием, воздвигнутым на рикардовском фундаменте и построенном из рикардовских материалов», т. е. превращает Маркса в рикардianца.

Совершенно недостаточным является заключение рецензируемой книги, озаглавленное «Кризис классической школы». Оно посвящено Сисмонди. Этому родоначальнику мелкобуржуазного социализма Маркс и Ленин уделили в свое время большое внимание. Те беглые замечания, которыми ограничивается т. Розенберг, не дают необходимого представления о Сисмонди и его месте в истории политической экономии.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Общую, в основном положительную оценку работе т. Розенберга мы дали в начале настоящей статьи. Разбор книги показал, что читатель получит в ней серьезный материал для изучения истории политической экономии, в ней дано в основном правильное освещение отдельных школ и экономистов. Книга таким образом может служить учебным подспорьем при изучении истории политической экономии.

¹⁴ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 13.

Но в книге имеются недочеты. К отмеченным выше недочетам следует добавить, что работа т. Розенберга представляет по существу очерки по истории политической экономии. Связи между отдельными частями или нет, или она недостаточна. Это затрудняет понимание процесса развития политической экономии. Это конечно недочет работы. Тов. Розенберг анализирует отдельные работы отдельных авторов, но не дает необходимых обобщений. В особенности это относится к Смиту и Рикардо. Трудно читателю уловить основное в учении классиков, определить их место в истории науки. Следует также отметить трудность изложения, что препятствует широкому использованию книги. Она рассчитана лишь на подготовленного читателя.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Г. Крумин—В борьбе за выполнение плана второй пятилетки	3
Э. Квининг—Проблемы освоения	15
Л. Гатовский—О советском рубле и советской торговле	45
М. Кривицкий—К вопросу о методологии изучения уровня жизни рабочих .	59
А. Мендельсон—О конъюнктурной работе в СССР	75
А. Герценштейн—Освоение новой техники и производительность общественного труда	89
И. Учитель—К вопросу о преодолении сезонности в земледелии	103
Акад. С. Струмилин—Химическая промышленность СССР.	118
А. Подгорный—О периодизации истории СССР	132

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

А. Амо—О депрессии особого рода	144
Н. Снежко—Италия за период экономического кризиса и депрессии особого рода	160

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

А. Рубинштейн—К вопросу об экономических взглядах Р. Люксембург .	180
И. Бровер—Г. В. Плеханов о капиталистических кризисах	196

НЕКРОЛОГ

Роман Ефимович Вайсберг	206
-----------------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

С. Вейнгер—Л. Розенберг «История политической экономии», ч. I	208
---	-----

Сдано в пр-во 8/IV—3/VI 1935 г.
Подписано к печати 16/VI 1935 г.
Уполн.м. Главлита Б—6433.
Тираж 13.250 экз.

Формат 72×105 1/16
О.ъем 13³/₄ п. л. 67000 зн. в п. л.
Союзгиз № 20 (п) Зак. тип. 1092
Выпускающий А. Налимов

Отпечатано в типография изд-ва «Крестьянская газета». Москва, Сущевская, 21.